

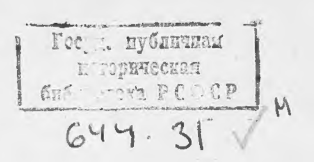
К 44 9/124
Л. САЯНСКІЙ.
ТРИ МѢСЯЦА ВЪ БОЮ
дневникъ казачьяго офицера.
Н. Степановъ

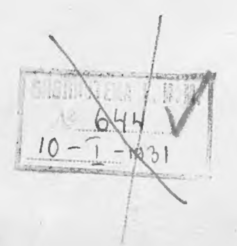
Л. САЯНСКІЙ.

Три мѣсяца въ бою.

Дневникъ казачьяго офицера.

МОСКВА
Типографія Акц. О-ва „Московское Издательство“.
1915.

Три мѣсяца въ бою.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Три мѣсяца. Что такое три мѣсяца въ сравненьи съ годами жизни,—подумается тому, кто возьметъ въ руки мой отрывочный дневникъ.

Да. Три мѣсяца—ничто, но то, что пережито въ эти три мѣсяца каждымъ изъ насъ, изъ тѣхъ, кто дрался—громадно. Такъ громадно, что только теперь, когда мы по очереди уходимъ изъ этого ада, раненые, больные и контуженные, только теперь мы начинаемъ, уже успокоившись въ мирной обстановкѣ, сознавать ту перемѣну, какую совершила въ насъ эта война. Она измѣнила взгляды. Она измѣнила вкусы и привычки. Она научила многому и она измѣнила смыслъ жизни.

И многіе, кому суждено вернуться съ адскаго поля нынѣшней страшной войны, придутъ домой другими людьми, не такими, какими уѣзжали когда-то изъ дому подъ крики „ура", сопровождавшіе отходившій воинскій поѣздъ. Для тѣхъ, кто не былъ на войнѣ, она никогда не будетъ понятной, яркой и вполнѣ представляемой. Къ нимъ война доходитъ сквозь разныя призмы; или смягченная разстояніемъ и временемъ отъ совершившихся ужас-

ныхъ фактовъ, или же прикрашенной эффектами, созданными досужей фантазіей корреспондентовъ, рѣдко видящихъ что-либо кромѣ опустѣлыхъ путей войны, судя по которымъ они создаютъ свои красочныя и часто малоправдивыя описанія того, что творилось на этихъ пустыхъ теперь поляхъ тогда, когда ихъ, этихъ корреспондентовъ, тамъ не было еще, да и не могло быть въ силу правилъ о военныхъ корреспонденціяхъ съ поля битвъ.

Тѣмъ интереснѣе, я думаю, для каждаго мирнаго гражданина будетъ прослѣдить изо дня въ день всѣ три мѣсяца за той жизнью, которая носитъ названіе „боевой“.

Что-же касается частой отрывочности и разбросанности моихъ строкъ, то, да проститъ мнѣ читатель,—вѣдь онѣ, эти строки, часто писались въ обстановкѣ почти невозможной для письма.

Авторъ.

Іюль 18.

Итакъ—война! „Войнишка“, какъ ласкательно говорятъ у насъ.

— Эхъ! Войнишку-бы Богъ далъ!—вздыхали мы еще такъ недавно, томясь бездѣйствіемъ мирной жизни. Изо дня въ день, одно и то же, малозамѣтное, привычное дѣло. Пресловутая „словесность“, конныя ученья и „пѣше по конному“ и всѣ прочіе, такъ надоѣвшіе отдѣлы нашей науки. Вотъ когда они пригодятся. Посмотримъ, что-то дастъ наша работа, наша подготовка теперь, на этомъ міровомъ экзаменѣ нашей арміи.

Работы уйма! Какая громадная машина, какой мощный организмъ,—любой изъ нашихъ полковъ. Съ утра и до поздней ночи сидимъ въ канцеляріяхъ и, право, порой, умъ за разумъ заходитъ. Все что готовилось втайнѣ, создавалось на бумагѣ въ теченіи долгихъ мѣсяцевъ—все это должно быть сдѣлано и стать фактомъ;—всѣ эти пустыя на видъ цифры—должны въ возможно короткій срокъ превратиться въ ряды людей и лошадей, накормленныхъ, одѣтыхъ и снабженныхъ всѣмъ, что нужно будетъ имъ для боя. Нашъ командиръ почти не спалъ. Адъютантъ тоже. Они съ ранняго утра здѣсь и лихорадочно работаютъ. Пугаетъ мысль, что наша часть можетъ не пойти туда, на далекій для насъ западъ.

Іюль 19.

Работа кипитъ. Подходятъ партіи запасныхъ. Пьяныхъ нѣтъ. Особаго унынія, за исключеніемъ рѣдкихъ слу-

чаевъ—незамѣтно. Большинство серьезно, меньшинство—веселится и съ шутками является на свой старый казарменный дворъ, покинутый ими такъ недавно.

Запасные этого года довольны.

— Это и лучше, что война теперя будетъ,—разъясняетъ одинъ лихачъ-парень въ щегольской одеждѣ.

— По крайности еще ничего такого не завели, что-бъ бросать жалко было. Для тѣхъ-то, кто ранѣ насъ ушелъ, вбезперечь тяжельче, потому съ насиженнаго уходить надоть!

Да и правда. Для насъ, людей живущихъ войной и ея ожиданіемъ, грядущая война будетъ лишь періодомъ кипучей работы, болѣе рискованной, чѣмъ въ мирное время. Ну, а для пахаря, для мелкаго торгующаго, служащаго и всѣхъ этихъ тысячъ и тысячъ—призываемыхъ?

И все-таки, они идутъ молодцами. И всѣ озлоблены противъ „нѣмца". Даже и тѣ, кто и нѣмцевъ-то почти не видалъ.

Великая вещь война—которая созрѣла въ душѣ народа.

И всѣ эти поговорки:

— Что русскому здорово,—то нѣмцу—смерть и пѣсенки про „Нѣмца, перца, колбасу" и пр.

Все это, выливаясь въ общую чашу народнаго недовольства нѣмцами,—все всколыхнуло и претворило полускрытый смѣхъ въ явное негодованіе. Начались манифестаціи, но въ слабомъ размѣрѣ.

Іюль 20.

Вотъ она! Война, которую ждали такъ долго.-Долго она висѣла надъ нами. Ну, что-же, чѣмъ скорѣй и сильнѣй стряхнемъ мы ее съ плечъ Россіи, тѣмъ лучше.

Теперь уже все вырѣшено. Еще вчера и третьяго дня мы боялись, чтобъ мобилизація не кончилась въ пустую.

Какая громадная разница съ прошлой войной! Офицеровъ на улицахъ встрѣчаютъ съ восторгомъ. Качаютъ и носятъ на рукахъ.

26 Іюля.

Прошла недѣля почти, какъ я не брался за свой дневникъ. Началась міровая война.

Столько впечатлѣній сразу, что буквально не знаешь о чемъ писать.

О томъ-ли громадномъ, неслыханномъ воодушевленіи, которое охватило нашу родину; о той-ли колоссальной созидательной работѣ надъ пополняющей свои боевые ряды арміей; о своихъ ли личныхъ переживаніяхъ... Но въ это время живешь жизнью толпы и личныя впечатлѣнія и переживанія какъ то ускользаютъ, не фиксируются въ умѣ. Всѣ почувствовали себя не „обывателями", а „гражданами" и, въ качествѣ таковыхъ, живутъ широкой жизнью, захватывающей интересы цѣлаго міра. Хотя есть и оставшіеся „обывателями". Не далѣе какъ вчера закрыты три магазина за самовольное повышеніе цѣнъ. Офицерскіе магазины полны народа. Всякіе крючки, ремешки, антабки и свистки берутся на расхватъ и втридорога.

Кое-кто изъ болѣе опытныхъ, не покупаетъ ничего, а только исправляетъ старое, замѣняя старые ремешки,—крѣпкой сыромятиной. Такъ-то пожалуй надежнѣй будетъ! А всѣ эти новыя и новѣйшія снаряженія только полопаются зря и будутъ брошены въ первомъ-же дѣлѣ.

По улицамъ бродятъ, во всемъ съ иголочки, только что выпущенные офицеры и призванные прапорщики. Первые выглядятъ увѣренными и до-нельзя горделивыми; вторые—безпомощными и будто что-то потерявшими.

Въ городѣ страшное оживленіе. Конечно, за счетъ военныхъ. Они вездѣ. На скэтингахъ, въ театрахъ, въ кафе и т. д.

Всѣ веселы и довольны. Особенно рада молодежь.

Да я и по себѣ сужу. Если мой полкъ не пойдетъ — уйду, какъ-нибудь, да уйду!

30 іюля.

Чудный день. На площади передъ нашими казармами длинныя коновязи. И пестритъ въ глазахъ отъ безконечнаго разнообразія мастей приведенныхъ издалека по конской повинности, лошаденокъ.

Именно на этой площади сборный пунктъ для крестьянскихъ лошадей. Городскія и вообще мѣстныя лошади собраны на другихъ площадяхъ, а здѣсь все мелочь; та мелочь, которая потомъ будетъ таскать высокія двуколки по всѣмъ направленіямъ и дорогамъ, напутаннымъ среди нашихъ западныхъ границъ.

И при взглядѣ на безропотно унылую морду пѣгаго меринка, застывшаго съ клочкомъ сѣна въ распущенныхъ вяло губахъ, невольно казалось страннымъ то, что этотъ меринокъ черезъ два, три мѣсяца будетъ свидѣтелемъ и участникомъ міровыхъ событій... А если ему повезетъ и выдержитъ его привычное къ соломенной рѣзкѣ, брюхо, тяжесть длинныхъ перегоновъ по безконечнымъ болотамъ нашего Запада,—то попадетъ и въ Берлинъ, быть можетъ, и будетъ также вяло муслить клочекъ нѣмецкаго уже сѣна, стоя въ своей привычной упряжкѣ на Унтеръ-деръ-Линденъ.

Вокругъ шумъ и гвалтъ. Приводятъ и уводятъ лошадей. Одни рады, что лошадь не взяли, другіе наоборотъ, поточто взяли и хорошо заплатили.

Поди, разбери вотъ, до чего сложно перепутались жизненные интересы милліоновъ людей!

Для кого война—горе, а многихъ она обогатитъ. На нашихъ эскадронныхъ дворахъ творится что-то необычайное.

Ходятъ разнообразно одѣтые типы. Кто въ полушубкѣ, несмотря на 27° въ тѣни, кто въ яркой цвѣтной рубахѣ, а кто и въ очень оборванномъ видѣ. И только одѣтые у большинства на бекрень желтосинія фуражки показываютъ принадлежность этихъ незнакомцевъ къ нашей семьѣ.

На манежахъ по утрамъ кипитъ работа. Безконечными лентами тянутся смѣны, бѣгающія по кругамъ.

Жарко уже. По лицамъ всадниковъ и по запавшимъ бокамъ лошадей течетъ потъ. Пыль насѣла густыми хлопьями и распудрила до неузнаваемости лица даже хорошо извѣстныхъ людей.

Мѣрный топотъ и щелкъ подковъ, лязгъ стремянъ и шашекъ, хлопанье манежныхъ бичей и пѣвучіе оклики гоняющихъ смѣны унтеръ-офицеровъ—все сливается въ знакомую мелодію конной работы.

Началась рубка. Мало привычные, или, вѣрнѣе, отвыкшіе всадники, мажутъ по гнущимся лозамъ, теряютъ шашки, ломаютъ прутья... Офицеры изъ силъ выбиваются, ѣздя отъ одного къ другому, показывая, убѣждая, объясняя до хрипоты...

Ругани почти нѣтъ. Не до нея. Ругаются въ мирное время, когда есть время для лишнихъ словъ и когда нужно подбодрить ослабѣвшее вниманіе раскисшихъ всадниковъ.

Теперь не до этого. Всѣхъ охватила лихорадка — какъ можно скорѣй изготовиться къ бою въ новомъ, собранномъ по мобилизаціи, составѣ.

— Руби, какъ по нѣмцу! Ты, бѣлобрысый! кричитъ офицеръ, галопируя рядомъ съ летящимъ мимо чучелъ рядовымъ.

— Руби-же! Или у тебя сердца нѣтъ? Ну, обозлись, бей, будто-бъ онъ тебя обидѣлъ!

Немолодой уже дюжій парень, слушаетъ однимъ ухомъ; онъ нагнулся къ гривѣ коня и нервно шевелитъ опущен-
для лучшаго размаха шашкой. Вотъ прутъ!

— Ну?! вскрикиваетъ молодой корнетъ рядомъ.

Рразъ! Сверкаетъ тяжелая шашка и звѣрское—Гекъ! вырывается изъ груди рубнувшаго отъ души драгуна. Прутъ прямо, не валясь, соскакиваетъ перерубленнымъ мѣстомъ внизъ, въ руки ловящаго его другого драгуна, быстро вставляющаго новый прутъ въ крестовину подставки.

Въ другомъ мѣстѣ, передъ высокимъ хворостяннымъ барьеромъ, „херделемъ", замялся драгунъ. Замялся именно онъ, а не конь, прыгавшій черезъ этотъ хердель сотни разъ. Трухнулъ маленько отвыкшій отъ прыжковъ здоровякъ запасной, дернулъ руками неловко и сбилъ лошадь съ разсчета.

— Назадъ!

И снова летитъ сюда. Зажмурился... Опять струсилъ! Конь почувствовалъ этотъ страхъ и опять „закидка". Съ двухъ—трехъ разъ только прыгаетъ онъ. И нужно его заставить прыгнуть и замѣтить во-время все, что нужно и помочь ему совѣтомъ...

Среди запасныхъ выдѣляются своей увѣренностью „старики", или „дѣйствительные", какъ говорятъ про себя кадровые драгуны. Лихо и ловко пускаютъ они своихъ напрыганныхъ коней на высокій и косматый „хердель" и плавными, саженными бросками перекидываются черезъ него со всей силой разогнаннаго карьеромъ слитаго съ лошадью многопудового тѣла...

На другихъ дворахъ пестрѣютъ ряды наклеенныхъ на длинныя доски мишенекъ и шеренги запасныхъ усиленно щелкаютъ затворами винтовокъ. Лица серьезныя и въ глазахъ яркое желаніе попасть „подъ середину" мишени.

Да, много еще работы! И все лихорадочной. Не по днямъ, а по часамъ создается все новое и новое и крѣпнетъ увѣренность въ людяхъ и въ конечномъ, успѣшномъ результатѣ своей работы.

Завтра ѣду за запасными въ одинъ изъ нашихъ глухихъ, горныхъ угловъ.

3 августа.

Сейчасъ вернулся изъ казармъ, приведя туда еще сто сорокъ крѣпкихъ машинъ, зовущихся солдатами. Сто сорокъ человѣческихъ жизней!

И у большинства семьи. Не будь эта война такъ популярна въ Россіи, было бы тяжело ихъ вести.

А теперь!

Даже тамъ, въ глухой пограничной станицѣ, раскинувшей свои кровли подъ столбами вѣчныхъ утесовъ Тункинскихъ гольцовъ, въ этой вѣчной глуши таежныхъ и горныхъ пространствъ, закипѣла ключемъ жизнь. И пустынный въ это время бѣлый, мѣловой трактъ, окутанъ мелкой, бѣлой пылью поднятой непривычнымъ движеніемъ. Цѣлыя кавалькады всадниковъ ѣдутъ навстрѣчу. Заглядываютъ въ тарантасъ и, видя военную форму, аттакуютъ его. Ѣдутъ рядомъ и обсуждаютъ событія и ловятъ жадно новости, запоздавшія на двѣ недѣли. Даже флегматики и хитрецы буряты изъ мѣстныхъ „урочищъ" и тѣ не выдерживаютъ „духа времени" и, послѣ обычнаго привѣтствія:

— Менду-у! Менду-моръ! заводятъ разговоръ о далекомъ, невиданномъ Западѣ, гдѣ живутъ неизвѣстные нѣмцы и о томъ, что творится тамъ—и машутъ загорѣлой рукой туда, гдѣ на западѣ горитъ палевымъ свѣтомъ подъ уходящимъ солнцемъ своимъ вѣчнымъ снѣгомъ далекій Мунку-Сардыкъ.

И только мощные массивы Хамаръ-Дабана сверкающіе серебромъ и золотомъ на своихъ причудливыхъ, каменныхъ граняхъ, да стѣны вѣковѣчной тайги, глухой и задумчиво-важной въ сознаніи своей громадности, спокойны.

Они видѣли много! Вотъ въ этомъ ущельи налѣво, что пропастью узкою упало среди мощныхъ утесовъ перевала

навѣрное не разъ сверкало оружіе и прихотливо-причудливое горное эхо носило рѣзвясь, по каменнымъ утесамъ отраженные ими крики ярости боя, звонъ стали и свистъ стрѣлъ...

А тихая, звѣздная, мистически спокойная Даурская ночь, заглядывая своимъ призрачнымъ свѣтомъ въ оттѣненное пирамидами сосенъ и шапками кедровъ ущелье, слышала не разъ, смѣшивавшійся съ рокочущимъ звономъ горнаго ручья и стонъ предсмертныхъ мукъ.

И тутъ въ этихъ горныхъ узлахъ, тропки и пути которыхъ неизвѣстны, шла борьба. Падали старыя расы и на ихъ костяхъ жили новыя... наконецъ и они, эти не сохранившіеся теперь племена, ушли, разбитые стальными бердышами и фитильными рушницами нашихъ піонеровъ-казаковъ.

Да, онѣ могутъ стоять важно и спокойно эти горы и сосны... Онѣ пережили много. И то, что творится теперь, на бѣломъ свѣтѣ,—имъ не ново!

4 Августа.

Несчастье! Полкъ пока не идетъ. А такъ безумно хочется попасть *туда* теперь-же...

Меня успокаиваютъ многіе.

— Успѣете еще! Война еще не скоро кончится...

— Ахъ! Какъ они не понимаютъ, эти утѣшители, что нѣтъ силъ сидѣть тутъ, гдѣ газеты получаются лишь на девятый день и мучиться своимъ принужденнымъ безсиліемъ.

Конечно, я пѣшка, маленькая и незамѣтная, какихъ милліоны въ этой кровавой, міровой войнѣ.

Но вѣдь и я смѣю думать, какъ хочу и чувствовать полно и ясно, что то, что творится теперь, быть можетъ никогда не повторится...

Быть участникомъ міровой войны! Это счастье. И, если мнѣ будетъ суждено уцѣлѣть въ этой войнѣ—сколько но-

ваго и неизвѣданнаго я вынесу изъ нея! И наконецъ, какъ можетъ не захватить душу всякого красота геройской защиты Бельгіи!

Вѣдь это опять начало героическаго эпоса въ жизни почти половины народовъ Европы!

6 Августа.

Ура! Черезъ два дня ѣду. Устроился таки! Хоть и жалко разставаться съ роднымъ полкомъ и съ тѣми людьми, изъ которыхъ самъ готовилъ бойцовъ, но... что подѣлаешь, если они пока еще не идутъ... Дома слезы. Отецъ уже уѣхалъ. Я уѣзжаю. Братъ бредитъ добровольцами. Матери тяжело...

Жена... Ну, что-же! Буду живъ, буду и счастливъ! Въ сущности намъ, военнымъ, не стоитъ жениться. А если ужъ и жениться, то только на женщинѣ, обезпеченной своимъ трудомъ. Да и вѣрно, чѣмъ жить женѣ молодого убитаго офицера? Убьютъ меня, я знаю, что жена не пропадетъ. У ней свое дѣло; она молода; авось будетъ и счастлива потомъ. Не я вѣдь одинъ на бѣломъ свѣтѣ! Это меня не заботитъ. Но неосторожнымъ людямъ, успѣвшимъ въ чинѣ штабъ-ротмистра развести цѣлый выводокъ Колей и Ваней,— тяжеловато.

9 Августа.

Какъ во снѣ промелькнули заплаканныя лица родныхъ и мельканіе бѣлыхъ платковъ, въ концѣ уплывавшей назадъ изъ глазъ платформы.

Гремятъ колеса, качается длинный вагонъ. По корридору и въ купэ суетятся пассажиры.

Раньше, когда я ѣздилъ по своимъ дѣламъ, эти первые моменты пути были самыми интересными. Устраиваешься поудобнѣе; знакомишься съ пассажирами; смотришь на росписаніе и составляешь планъ,—гдѣ обѣдать, гдѣ ужинать.

И чувствуешь себя свободнымъ, какъ бы стряхнувшимъ обыденность жизни на мѣстѣ въ теченіе долгаго времени. жизни, незамѣтно опутывавшей человѣка своей сѣрой паутиной „обывательщины". А теперь этого чувства нѣтъ. Нервы напряжены, какъ передъ экзаменомъ.

Ѣду на войну. Это не шутка. Ѣду въ неизвѣстность и Богъ знаетъ суждено-ли мнѣ увидѣть снова эти бѣгущія мимо оконъ пожелтѣвшія березы и вѣчно юную зелень родныхъ сосенъ и елей.

Глаза напряженно ловятъ эти летучіе пейзажи и стараются безъ фотографическаго аппарата, зафиксировать ихъ въ памяти.

Чтобы потомъ, въ далекихъ, чужихъ краяхъ, на границѣ Смерти, имѣть хоть минуту хорошихъ воспоминаній, о любимой родинѣ, о близкихъ людяхъ, нераздѣльно съ ней связанныхъ.

Мой эшелонъ впереди. Мы нагонимъ его дня черезъ три. Пока я и трое еще, нагоняющихъ такъ-же свои ушедшія уже части, ѣдемъ какъ пассажиры.

И вотъ теперь, мы чувствуемъ полно и ярко всѣ привиллегіи свободныхъ пассажировъ.

Мы упиваемся ими.

— Пора обѣдать пожалуй, уже три скоро—провозглашаетъ мечтательнымъ, желудочнымъ тономъ, симпатичный докторъ В***, котораго мы за его громадную фигуру прозвали „чемпіономъ".

— Ну, нѣтъ!—протестуемъ мы.

— Что изъ того, что скоро три? Мы пока еще не въ эшелонѣ.. Тамъ успѣемъ пожить по росписанію... А сейчасъ, мы можетъ послѣдніе дни въ нашей жизни, ѣдемъ какъ пассажиры, какъ туристы... Захотимъ ѣсть—и поѣдимъ, хотя бы и въ семь часовъ утра... Какое удовольствіе имѣть возможность ѣсть тогда, когда хочется... „Тамъ" вѣдь этого

удовольствія мы не встрѣтимъ. Захочется ѣсть—обозовъ нѣту. Не хочется ѣсть, а обѣдъ готовъ и обозамъ послѣ него надо уходить. Значитъ, нужно ѣсть, про запасъ, „на будущее время“, ибо быть можетъ и не придется обѣдать скоро.

— Да, что имѣемъ не хранимъ,—потерявши—нлачемъ. Мѣткія, чортъ возьми, бываютъ иногда народныя поговорки!

По вечерамъ весь вагонъ собирается у дверей нашего купэ. Ужъ очень много смѣху у насъ.

Нашъ смѣхъ и шутки здорово пахнутъ нервами. Но мы чувствуемъ потребность смѣяться, чтобъ не грустить. Неизвѣстность будущаго пугаетъ даже издали. И вотъ мы шутимъ.

Безконечные стратегическіе дебаты. Комментируемъ на всѣ лады свѣжія телеграммы.

11 Августа.

Нагналъ сегодня эшелонъ. Вылѣзли съ поѣзда двое, я и одинъ докторъ, ѣхавшій въ нашъ-же штабъ. Намъ отвели мѣста въ длинномъ вагонѣ перваго класса, занятомъ штабомъ.

Только къ вечеру удалось устроиться на новомъ мѣстѣ.

16 Августа.

До чего мы привыкли къ вагону! Будто-бы и не жили никогда среди неподвижныхъ, увѣренныхъ стѣнъ, не ходили по твердому, не качающемуся полу. Когда мы на станціяхъ выходимъ на твердую платформу;—насъ шатаетъ съ непривычки. Ѣдемъ уже недѣлю, да впереди еще полторы почти; пока мы доѣдемъ *туда*, сколько тамъ перемѣнъ совершится...

Въ нашемъ вагонѣ собралась дружная семья. Нашъ генералъ, не старый еще и симпатичный человѣкъ. Его начальникъ штаба, два адъютанта, начальникъ службы связи, три доктора и я, ординарецъ генерала. У насъ есть съ со-

бой кухня и мы имѣемъ табль-д'отъ подъ наблюденіемъ одного изъ нашихъ адъютантовъ. День мы проводимъ такъ: Раньше всѣхъ, часовъ въ 7 утра подымается генералъ и начинаетъ бродить по вагону, мимо запертыхъ купэ. За нимъ подымается его сосѣдъ—начальникъ Штаба, бодрый и живой, моложавый полковникъ, съ чернымъ отъ загара лицомъ. Они начинаютъ безконечные разговоры у висящей въ корридорѣ карты военнаго театра. Слышно, какъ вѣстовые приносятъ имъ чай. Это начинаетъ насъ расшевеливать. Молодой корнетъ Д***, спящій на верхней койкѣ нашего двухмѣстнаго купэ, ворочается всѣмъ своимъ длиннымъ тѣломъ и произноситъ:

— А старики-то ужъ бродятъ, слышите?

— Слышу,— откликаюсь я и добавляю:

— И даже чай пьютъ!

Нн-да! мечтаетъ корнетъ,—хорошо бы чайку сюда! Да генералъ въ корридорѣ... Неловко сюда чай требовать...

— Ишь, изнѣженность нравовъ какая!—смѣюсь я, хотя въ глубинѣ души и согласенъ съ нимъ.

— Нѣтъ, ужъ! Вставайте-ка лучше!

Да и вѣрно, пора; девятый въ началѣ.

Мы встаемъ и вихремъ проскакиваемъ въ уборныя умываться, мимо начальства, чтобъ не попасть имъ на глаза и не получить обычное.

— А вы, корнеты, только еще глаза продрали? Стыдно! Стыдно!

Изъ уборной мы выходимъ съ такимъ видомъ, будто-бъ мы уже встали давнымъ давно.

Расшаркиваемся передъ нашими „стариками".

Генералъ бурчитъ:

— Засони! Девятый часъ, а вы только еще...

Корнетъ Д*** отчаянно, не моргая, вретъ

— Никакъ нѣтъ, Ваш-во, мы уже давнымъ-давно на ногахъ, только еще не умывались... Мы уже много схемъ составили съ поручикомъ...

А дѣло въ томъ, что намъ, молодежи, т. е. двумъ адъютантамъ, мнѣ и Д*** дана задача.

— Каждый изъ насъ изучаетъ опредѣленный районъ военныхъ дѣйствій. Одинъ Восточную Галицію, другой Западную, третій Силезію и Померанію и наконецъ четвертый—Прусскій фронтъ. И по получаемымъ ежедневно телеграммамъ, каждый слѣдитъ за перемѣнами на своемъ фронтѣ и составляетъ по картамъ схемы дѣйствій. Это скучновато, возиться съ картами, но очень полезно для насъ и мы, кряхтя надъ схемами, все-же одобряемъ остроумную выдумку нашего начальника штаба.

За завтракомъ идетъ докладъ генералу.

— Ну, что у васъ тамъ въ Восточной Пруссіи новаго?— спрашиваетъ генералъ.

Сейчасъ точный докладъ въ отвѣтъ.

Даже наши доктора, а особенно мой спутникъ отъ И*** увлечены этими докладами и оживленно дебатируютъ, когда генералъ съ полковникомъ разбираетъ операціи на всѣхъ фронтахъ за день.

Большая остановка. Звукъ „отбоя". Солдатишки, какъ крупа, высыпаютъ изъ вагоновъ. Назначена вывозка. Грохотъ, шумъ, топотъ. Изъ полутемныхъ вагоновъ выводятъ одурѣвшихъ отъ качки лошадей. Сначала онѣ вялы и еле стоятъ. Но потомъ солнце и свѣжій, бодрящій воздухъ осени, дѣйствуютъ на нихъ.

И начинается брыканье, вырыванье поводовъ и телячьи прыжки по влажной, твердой землѣ.

Только и слышно:

— Но—не балуй! Что! Что дѣлаешь! Эй! Тпру!!

— Держи его, дьявола!

А дьяволъ, задравъ хвостъ и отчаянно взбрыкивая одновременно всѣми четырьмя застоявшимися ногами, уже вырвался у неловкаго конюха и со звонкимъ ржаньемъ носится по полосѣ отчужденія, вдоль полотна, на которомъ длинной, грузной красно-сѣрой змѣей, растянулся нашъ сорокадвухвагонный поѣздъ.

Команда связи, имѣя во главѣ длинноногаго Д***, выкатываетъ съ платформъ блестящіе мотоциклеты и велосипеды. Прогрѣваетъ машины и практикуется въ ѣздѣ. На отдѣльной платформѣ изъ-подъ груды брезентовъ и полотнищъ, появляется на свѣтъ Божій сорокасильный, защитный „Оппель". Его чистятъ и обмываютъ отъ насѣвшей за длинные перегоны пыли.

Нерѣдко я и еще кто-нибудь изъ хорошо владѣющихъ машиной, садимся на мотоциклы и, справившись о дорогѣ къ слѣдующей станціи, летимъ туда на машинахъ.

Мелькаютъ мимо глазъ однообразныя складки безконечныхъ полей Средней Россіи. Вьется дорога, то опускаясь въ балки, то подымаясь на покатые холмы. Бодритъ живящій осенній воздухъ, пахнущій желтой листвой. Ровный гулъ машины пріятно щекочетъ нервы. Тѣло и руки слились съ машиной и безсознательно приспобляются къ ея толчкамъ и броскамъ на ухабахъ. Хорошо и бодро!

И когда мы, сдѣлавъ верстъ сорокъ по окружнымъ путямъ, являемся на слѣдующую станцію и черезъ полчаса садимся вновь на только что подошедшій нашъ поѣздъ, мы чуствуемъ себя освѣженными, какъ послѣ холоднаго душа. Часу въ шестомъ обѣдаемъ. Кончаемъ обѣдъ, прерываемый безконечными разговорами, о войнѣ большой частью, часовъ въ восемь и продолжаемъ наши споры уже за вечернимъ чаемъ. А въ девять часовъ наши „старики" уже укладываются спать. Правда, они еще читаютъ въ постеляхъ, но во всякомъ случаѣ они уже не толкутся въ кор-

ридорѣ и не стѣсняютъ насъ. А мы собираемся въ одномъ изъ купэ, пьемъ безконечный чай, ѣдимъ столовыми ложками арбузы, по штукѣ на брата; и часто далеко за полночь слышатся заглушенные раскаты хохота изъ запертаго на глухо маленькаго купэ, гдѣ на двухъ спальныхъ мѣстахъ и одной походной табуреткѣ умудрились размѣститься дружной компаніей шестеро здоровыхъ мужчинъ. Потомъ, усталые отъ хохота, мы засыпаемъ и на завтра, опять тоже самое...

18 августа.

Все ближе къ цѣли! Ѣхать уже надоѣло. День за днемъ одно и то же. Ужъ мы всячески стараемся развлекаться теперь. Я по цѣлымъ часамъ торчу на паровозѣ. Практикуюсь въ управленіи. Авось пригодится *тамъ*... Чѣмъ ближе къ аренѣ міровыхъ событій, тѣмъ ярче отраженіе ихъ на народѣ. Тамъ, въ далекой Сибири, куда эти событія приходятъ смягченными громадностью разстоянія, переживанія массъ,—не такъ остры.

Здѣсь, въ Западной Россіи они ярче. Война задѣла личные интересы, злобно и рѣзко пробудила много спавшихъ до сихъ поръ чувствъ. На станціяхъ дѣвушки, по виду изъ учащихся, прикалываютъ выходящимъ изъ вагоновъ офицерамъ цвѣты. Наше съ Д*** купэ все увѣшано бутоньерками. Даже „старики“ наши съ цвѣтами.

Встрѣчаемъ много бѣженцевъ съ юго-запада. Разсказываютъ ужасы. И сердце и кулаки сжимаются острымъ, тяжелымъ чувствомъ ненависти къ прусскому каблуку, пытавшемуся растоптать все, что создано не имъ.

Масса поѣздовъ съ ранеными и плѣнными.

На остановкахъ, когда рядомъ съ нашими вагонами стоятъ эти передвижные госпитали, наши глаза пытливо впиваются въ лица раненыхъ, стараясь прочесть на нихъ—

велики-ли были перенесенныя ими страданія? И этотъ вопросъ заботитъ и не даетъ покоя нашимъ, пока здоровымъ еще, тѣламъ.

— Ты куда раненъ?

— Въ ногу, пониже колѣна...—охотно отвѣчаетъ бойкій малышъ—первогодокъ.

И вопросъ тутъ какъ тутъ—будто кто за языкъ тянетъ:

— А больно было, когда ранили?

И *весь организмъ* ждетъ отвѣта.

— Нѣтъ! Не замѣтно было. Потомъ ужъ заболѣло...

— И сильно?

— Нѣтъ... Не дюже болитъ...

И будто успокоишься отъ этого ровнаго тона и ожиданія возможныхъ близкихъ страданій, уже не пугаетъ. Но, если раненый отвѣтитъ:

— Бѣда, какъ болѣло... Всѣ жилы вытянуло прямо...

Тогда дѣйствительно бѣда! Чувствуешь, какъ тѣло протестуетъ противъ возможнаго близкаго насилія надъ его цѣлостью. И непріятная жуть ползетъ по нему. Впрочемъ, это инстинктъ. Съ нимъ можно бороться умомъ. Но все-же нѣтъ, нѣтъ—и подумаешь, шевеля рукой или ногой:

— Вотъ я сейчасъ свободно двигаю своими руками когда и какъ хочу... А черезъ недѣлю быть можетъ, это движеніе будетъ для меня адски мучительнымъ, если не невозможнымъ совершенно...

Какъ все-таки дорога жизнь и здоровье, особенно когда имъ что-нибудь, хотя-бы издали, угрожаетъ.

Плѣнныхъ везутъ тысячами.

Австрійцевъ больше. Они болѣе симпатичны, чѣмъ нѣмцы. Впрочемъ, это понятно, ибо среди первыхъ масса русинъ и поляковъ. Они все понимаютъ по-русски и сами говорятъ на какомъ-то странномъ, полурусскомъ, полуполь-

скомъ языкѣ. Сначала непонятно, а съ двухъ-трехъ фразъ—можно уже разобрать большинство словъ.

Они держатся скромно и слегка туповато и вяло. Нѣмцы—напыжились и, насмотря на свое положеніе плѣнныхъ, держатся вызывающе, будто-бъ они, а не ихъ конвоируютъ. Иногда наглятъ до невозможности. На одной изъ станцій, гдѣ мы хотѣли напиться кофе и достать свѣжаго печенья, въ залѣ перваго класса мы застали важно развалившихся по стульямъ плѣнныхъ нѣмецкихъ офицеровъ. Они позабирали въ буфетѣ все, что тамъ было свѣжаго и даже не встали, когда въ залъ вошли мы, имѣя во главѣ генерала. Послѣдній такъ возмутился ихъ наглыми взглядами сверху внизъ на насъ, что приказалъ конвоировавшему ихъ прапорщику изъ запасныхъ, вывести ихъ изъ зала и посадить по вагонамъ.

Недовольные нѣмцы съ демонстративными дерзкими взглядами вышли изъ залы, преслѣдуемые враждебными взглядами станціонной прислуги, запуганной словами конвоира-прапорщика, сдуру имъ брякнувшаго, что плѣнныхъ нѣмцевъ приказано всячески ублажать и кормить во всю, въ дорогѣ.

Какъ фамилія этого дурака—не помню.

Удивительно необидчивый народъ мы, русскіе!

Нѣмецкія толпы вооруженныхъ дикарей насилуютъ нашихъ женщинъ въ пограничныхъ городахъ *нашего-же* государства, а мы за это кормимъ ихъ плѣнныхъ горячими булками и поимъ свѣжимъ кофе. Гдѣ у насъ обидчивость? Или нѣтъ ея совсѣмъ? Въ газетахъ промелькнуло сообщеніе, (не знаю фактъ-ли?), что на одномъ изъ волжскихъ пароходовъ капитанъ, имѣвшій на борту партію плѣнныхъ нѣмецкихъ офицеровъ, закрылъ буфетъ I-го класса для всѣхъ пассажировъ, предоставивъ въ распоряженіе первыхъ, весь свой буфетъ. Интересно, сдѣлалъ-ли бы онъ это, если-бъ

его жену въ Калишѣ изнасиловала цѣлая рота пьяныхъ нѣмецкихъ солдатъ съ тупо-животными физіономіями, (если только у нихъ есть физіономіи)!.

Солдаты наши мрачно глядятъ на нѣмцевъ. Зато съ плѣнными австрійцами быстро дружатъ.

До сихъ поръ не знаемъ куда мы ѣдемъ. Получаемъ каждый день новое росписаніе, станцій на десять и... только! Тщетно гадаемъ—въ Австрію, или въ Пруссію? Нашъ вагонъ раздѣлился на двѣ партіи; большинство стремится въ Краковъ.

Нашъ старый дивизіонный врачъ соблазняетъ насъ краковянками и разсказываетъ чудеса о Краковѣ, гдѣ когда-то въ молодости онъ жилъ.

Меньшинство стоитъ за Пруссію. Тамъ главное дѣло убѣжденно говорятъ они. А австріяки—это такъ...

Я лично за Австрію. Хочется побывать на югѣ.

Да и участіе на фронтѣ, гдѣ заранѣе всѣ увѣрены въ побѣдѣ,—привлекаетъ. А Пруссія, кажется, холодной, непріятной и какой-то жуткой.

Какая все-таки коллосальная перемѣна за десять лѣтъ.

Гдѣ всѣ эти пресловутыя телеграммы:

„Переваливъ Уралъ, шлемъ привѣтъ и т. д.“ и подписи en toutes lèttres—„офицеры такого, № такой-то, полка“.

Теперь не то! На громадномъ протяженіи, отъ границъ Тихаго Океана и до песчаныхъ холмовъ Западнаго Края, по одно и двухколейнымъ стальнымъ путямъ, движется сплошная, непрерывная змѣя поѣздовъ. Эшелонъ за эшелономъ, полкъ за полкомъ, корпусъ за корпусомъ—идутъ и идутъ. Идутъ молчаливо и серьезно. Куда? Они не знаютъ!

Да и нужно-ли знать? Нѣтъ! Не нужно. Увидимъ сами, гдѣ будемъ драться.

А знай мы заранѣе это,—долго-ли до грѣха?

И безъ желанія—проболтаться можно. А сколько тутъ шпіоновъ понасыпано во всѣхъ этихъ Лунинцахъ, Пинскахъ, Гомеляхъ и прочихъ трущобахъ этого края. Да, научились мы многому за Японскую войну. И пріятно сознавать теперь свою разумную силу. Пріятно чувствовать умѣлое спокойное руководительство этими милліонами штыковъ, мощь которыхъ виситъ на кончикѣ карандаша двухъ-трехъ умныхъ людей. Очевидно это-же сознаютъ и тѣ, которые уже дерутся. Поэтому-то навѣрное и идутъ такъ блестяще наши дѣла, что теперь у насъ *„полный порядокъ“* и *„строгая обдуманность“* всякаго нашего шага. И это сознаніе даетъ большую увѣренность намъ, чѣмъ лишній корпусъ резерва въ бою.

А все-таки, кажется, ѣдемъ въ Люблинъ. Говорятъ, великолѣпные есть клинки у венгерскихъ конныхъ полковъ. Вотъ-бы забрать парочку... Ну, да увидимъ, что судьба пошлетъ!

Завтра 10-ый день пути! Скорѣй-бы! Скорѣе!

20 августа.

Вотъ тебѣ и Австрія! Вотъ тебѣ и клинки старинные и столѣтнее вино!

Съ курьерской скоростью летимъ на сѣверо-западъ!

Попали таки въ Пруссію! Судя по нѣкоторымъ даннымъ, тамъ обстановка значительно серьезнѣе, чѣмъ въ Галиціи.

Не знаешь чему вѣрить... Одни говорятъ одно, другіе—другое, а газеты—третье... Причемъ всякій изъ разсказывающихъ—освѣщаетъ факты по индивидуальности. Пессимистъ—плачевно, оптимистъ—все въ розовомъ цвѣтѣ, а скептикъ—съ мрачной угрозой въ голосѣ. Довольно крупная, но по существу ничего важнаго не представляющая, неудача корпусовъ Самсонова, комментируется на тысячи ладовъ.

Не знаю... Намъ по крайней мѣрѣ она не кажется ни угрожающей, ни значительной. Во всякой войнѣ возможны случайности. Все предвидѣть нельзя.

А большія потери,—такъ развѣ можно безъ потерь обойтись въ войнѣ, завлекшей въ свои ряды десятки милліоновъ людей! Раненыхъ оттуда довольно много. И оригинально вотъ что:—тяжело раненые—серьезны и строги. Они правдивы, въ большинствѣ, и говорятъ только то, что сами видѣли. Легко-же раненые—врали несносные. Особенно тѣ, у кого пустяковая по существу рана—болѣзненна. Оторванъ у здороваго парня палецъ. Вѣдь это пустяки въ сравненіи съ его жизнью и, наконецъ, съ тѣми ранами, что видны кругомъ. Но ему больно и онъ поэтому начинаетъ все видѣть въ самомъ мрачномъ свѣтѣ.

Спрашиваемъ его:

— Ну, какъ у васъ тамъ? Говорятъ потери большія?

— Бѣда, — уныло отзывается онъ,—всѣхъ побили въ полку...

— Что ты чушь несешь! Какъ такъ, ужъ и всѣхъ побили?

— Такъ ужъ,—подтверждаетъ онъ, командеръ убитъ, офицера побиты, солдаты побиты...

Недоумѣваемъ!

— Ну, а дѣла какъ?

— Что дѣла! Машетъ онъ здоровой рукой,— плохо наше дѣло... Нѣмца сила претъ... Не сустоишь...

— Не вѣрьте ему! Это ненормальный человѣкъ. Это особый психозъ какой-то; если больно человѣку, ранили его и онъ страдаетъ,— ему хочется, что бы и всѣ, кого онъ знаетъ,—тоже были ранены. Разъ ему плохо,—все значитъ плохо.

И вотъ, на вопросъ о потеряхъ, онъ искренне отвѣчаетъ:

— Усѣ побиты!—Такъ ему легче переносить свою боль. Это эгоизмъ боли, своего рода.

А что онъ могъ видѣть кромѣ своихъ товарищей по взводу, много—ротѣ? Еще смерть ротнаго командира онъ могъ замѣтить, но... гибель цѣлаго полка?—Опредѣленно вретъ!

Это подтверждается. Кто-нибудь изъ тяжело раненыхъ поворачиваетъ свою больную голову въ сторону разговаривающихъ и слабо, но строго произноситъ, часто съ усиліемъ:

— Не бреши... Что врешь, какъ песъ... Откудова ты узналъ таки свѣжи новости?

Легко раненый конфузится и, потупивъ глаза, замолкаетъ.

Многіе „легкіе" привираютъ просто для „шику":

— Вотъ, молъ, мы герои какіе! Въ какихъ ужасахъ были.

Не вѣрьте! Не вѣрьте имъ!

23 августа.

Итакъ, наше безконечное путешествіе кончено. Мы прибыли на мѣсто. Послѣдніе перегоны мы были „на чеку". И ѣхали, имѣя на паровозѣ вооруженныхъ солдатъ. Чѣмъ ближе мы подъѣзжали къ Осовцу, тѣмъ больше слуховъ ходило о нашихъ дѣйствіяхъ въ Пруссіи.

Помню наши послѣднія сутки въ поѣздѣ. Всѣ нервничали съ утра. На каждой станціи ожидали высадки. Но... насъ везли дальше и дальше. И эта неизвѣстность начинала становиться невыносимой. Мы были уже въ районѣ войны и наши письма домой носили штемпель—„Дѣйствующая армія". Всѣ лихорадочно схватились за эти письма. Хотѣлось впослѣдній разъ черкнуть нѣсколько словъ туда, гдѣ все мирно и тихо; описать свои ощущенія передъ жуткимъ „завтра".

И чуть-ли ни всѣ письма начинались словами:

„Завтра мы будемъ въ бою“...

Боязни не было. А просто страшно шалили нервы.

Слишкомъ мы долго ихъ натягивали ожиданіемъ и вотъ теперь они просили какой угодно, даже тяжелой по переживаніямъ работы, лишь-бы избавиться отъ этого жуткаго, бездѣятельнаго ожиданія.

Тутъ мы поняли, насколько тяжело *подъѣзжать* къ войнѣ. Еще если бы мы шли долго походомъ, тогда было-бы легче, *проще* войти въ огонь. Но прямо изъ вагона, какъ мы думали вчера,—изъ относительнаго комфорта и покоя и. сразу въ никогда не испытанный до сихъ поръ адъ—называемый боемъ—это... благодарю покорно! И мы готовы были на крыльяхъ перелетѣть отдѣлявшее насъ отъ позицій разстояніе, лишь бы безъ долгаго ожиданія, сразу начать бой.. Но не ждать его въ вагонѣ и не думать о немъ на тысячи ладовъ. Впрочемъ, я можетъ быть слишкомъ смѣло поступаю, приписывая свои личныя переживанія всѣмъ своимъ спутникамъ, но, насколько мнѣ понятно стало изъ нашихъ разговоровъ, всѣ мы чувствовали и думали приблизительно одинаково.

Но боя не вышло. И пока еще не предвидится. И нѣмцы отъ нашей границы въ этомъ пунктѣ, по слухамъ, верстахъ въ пятидесяти. Полки нашей дивизіи высадились еще позавчера и прошли походнымъ порядкомъ отъ Осовца въ Граево. А вчера по утру нашъ эшелонъ отвели въ треугольникъ путей, верстахъ въ десяти отъ крѣпости и тамъ мы начали высадку. Расцѣпили платформы и вагоны, чтобъ сдѣлать возможнымъ проходъ черезъ поѣздъ и облегчить его разгрузку по частямъ. Нанесли съ путей шпалъ, рельсовъ, балокъ; устроили импровизированныя сходни и принялись за дѣло.

Съ грохотомъ двухъаршинныхъ колесъ скатывались груженыя до верху двуколки и санитарныя линейки. Съ безконечными криками и возней выводили лошадей и тутъ-же запрягали ихъ, еще не опомнившихся отъ темноты и качки, въ эти двуколки. Грузили вещи наши и свои на подводы. Человѣкъ пятьдесятъ возились надъ громаднымъ автомобилемъ. Подсовывали подъ его колеса все новыя и новыя шпалы и на канатѣ спускали по-маленьку съ платформы. Въ кузовѣ, геройски выдерживая опасность быть перевернутымъ и раздавленнымъ, сидѣлъ шофферъ и тормозилъ медленно сползавшій „Оппель", накренявшійся то на одинъ, то на другой бокъ своимъ высокимъ и громоздкимъ сѣро-зеленымъ кузовомъ. Другіе пятьдесятъ человѣкъ, тоже толпившіеся около автомобиля, хотя и не дѣлали ничего, но зато кричали и суетились больше всѣхъ, пока ихъ не разогнали по двуколкамъ. Славное раннее утро все было наполнено весельемъ, и отрывочнымъ гамомъ рабочей суеты. Раньше другихъ изготовившіеся велосипедисты и мотоциклисты уже успѣли сдѣлать развѣдку пути,—какъ возможно скорѣе попасть въ крѣпость, гдѣ насъ ждало рѣшеніе нашей участи.

Черезъ часъ походная колонна была готова и мы, съ грустью кинувъ прощальный взглядъ на ставшій намъ роднымъ за двѣ недѣли пути синій вагонъ, усѣлись въ автомобиль. Два-три гудка и мы понеслись, ныряя и сбочиваясь на песчанныхъ косогорахъ проселка, шедшаго отъ желѣзной дороги къ шоссе. Выскочили съ крутымъ виражемъ на каменное полотно большой дороги и дали полный ходъ.

Черезъ десять минутъ мы были у ставки временно командующаго нашей арміей. Пустынная и тихая площадка передъ зданіемъ офицерскаго собранія оживлялась нѣсколькими автомобилями и верховыми лошадьми, оберегаемыми

полусонными шофферами и вѣстовыми. Генералъ и полковникъ вышли изъ автомобиля и направились въ Штабъ. Мы, молодежь, остались на улицѣ въ ожиданіи рѣшенія нашей участи. Но, видя, что о насъ очевидно забыли, рискнули и также направились въ манившее своей прохладной тѣнью низкое и широкое зданіе Собранія. Тамъ, въ пустыхъ залахъ, уставленныхъ по шаблону красивой и одноцвѣтной мебелью, съ портретами Государей, строго глядѣвшими съ расписныхъ стѣнъ, было тихо и важно. У одной изъ дверей, ведшихъ въ половину, занятую командующимъ арміей, сидѣли два молоденькихъ ординарца-корнета. Ихъ сонныя физіономіи говорили о долгомъ ожиданіи. Изъ-за запертыхъ половинокъ дверей доносились смутнымъ гуломъ голоса, низкіе и басистые.

Здоровый и жизнерадостный адъютантъ В***, съежилъ свою плечистую фигуру и трагически произнесъ:

— Архіереемъ пахнетъ...

Мы прыснули въ кулаки, какъ школьники, что-бъ не услышали *тамъ*, за дверью.

Спросили ординарцевъ.

— Что *тамъ*? Не знаете, что они... что дѣлаютъ?

— Засѣданіе... лѣниво щурясь, произнесъ одинъ изъ корнетовъ, постарше.

А другой добавилъ:

— Да вы идите вонъ туда, тамъ буфетъ есть...

— Да ну?—радостно изумились мы и мгновенно „испарились“ изъ нагонявшей сонъ и тоску мрачной залы. Въ другомъ концѣ зданія мы дѣйствительно нашли хорошо обставленный буфетъ и, заказавъ завтракъ на всю компанію, усѣлись на залитомъ солнцемъ маленькомъ балкончикѣ, выходившемъ въ Собранскій садъ. У буфета началъ собираться народъ. Появились офицера уже дравшихся давно полковъ.

— Откуда вы?—оказывается проходомъ черезъ Осовецъ. Мѣняется обстановка и очень рѣзко. Вотъ и „рокируемся“.

Опять, конечно, вопросы:—ну, какъ у васъ тамъ? Какъ нѣмцы? Что новаго?

И самые разнорѣчивые отвѣты.

Одни ругаются, другіе все хвалятъ.

Сходятся всѣ на одномъ что:

— Нѣмецъ—серьезный врагъ и что у насъ въ эту кампанію блестящее руководительство. Бываютъ, конечно, прорухи, но... отъ этого вѣдь на войнѣ не убережешься... Кормятъ отлично... Снабжены всѣмъ... Одно горе—съ письмами! Ничего не получается изъ дому.

Одинъ толстенькій штабъ-ротмистръ убитымъ тономъ объяснялъ всѣмъ, что, вотъ, молъ:

— У меня жена родить собралась, когда я ушелъ... А у ней роды всегда тяжелые... Двѣнадцать телеграммъ и писемъ туда послалъ,—а такъ и не знаю—жива-ли она, умерла-ли... Есть-ли ребенокъ...

Дѣйствительно, „корявое“ положеніе!

Въ концѣ столовой послышались грузные, увѣренные шаги. Всѣ встали. Вошелъ генералъ Р., командующій пока арміей. За нимъ его штабъ и наши „старики“.

Нашъ генералъ представилъ насъ командующему.

Затѣмъ завтракъ продолжался, но уже болѣе чинно и тихо.

Послѣ завтрака обстановка начала выясняться.

По сборѣ всей дивизіи, мы должны были занять укрѣпленныя позиціи на нашей границѣ у Граево и... ждать. Дальнѣйшее зависѣло уже отъ судьбы.

У насъ вырвался вздохъ облегченія, ибо мы еще въ поѣздѣ побаивались, что насъ могутъ оставить гарнизономъ въ крѣпости... А это удовольствіе сѣрое!

Закипѣла работа. На желѣзнодорожной станціи шла суматоха. Подходили все новые и новые эшелоны. Одни высаживались здѣсь, другіе продвигались дальше, за крѣпость, чтобъ не затормозить движеніе пробкой изъ тысячъ тѣлъ. Получались и лихорадочно изучались карты района дѣйствій. Летали взадъ впередъ приказанія, словесныя и письменныя. Я попалъ въ страду. За эти сутки я разъ пятьдесятъ носился по всей крѣпости и по окрестнымъ мѣстечкамъ, то верхомъ, то на мотоциклетѣ, то на автомобилѣ. Передавалъ приказанія, отвозилъ карты, провѣрялъ номера эшелоновъ, ругался съ начальникомъ станціи и спалъ за сутки всего 4 часа... Но работа на голодные зубы веселила и пьянила и я чувствовалъ себя великолѣпно...

Сегодня послѣ обѣда двигаемся дальше.

25 Августа.

Мы на позиціяхъ. Такъ же весело свѣтитъ солнце. Такъ же ярко горитъ въ его лучахъ желто-красная листва деревьевъ. На поляхъ пусто и мирно. Хлѣбъ уже собранъ. По утрамъ и на вечерней зарѣ, на югъ тянутся безконечныя стаи птицъ, ныряющихъ въ свѣтлой, осенней лазури неба. Какъ все тихо и мирно!

Но это только кажется!

Въ этихъ уютныхъ перелѣскахъ круглыя сутки лежатъ притаившіеся секреты. Днемъ для шпіоновъ, вечеромъ—для противника. А мирныя на видъ поля?

Вы идете по жниву. Тишина. Воздухъ чудесный.

Какая благодать вокругъ!

И вдругъ—бухъ! Валитесь куда-то... И съ изумленіемъ видите себя на днѣ здоровеннаго окопа, удачно замаскированнаго кустиками и вялой зеленью.

Вокругъ васъ песочно-сѣрыя фигуры солдатъ, со смѣхомъ встрѣчающихъ ваше эффектное вторженіе въ ихъ среду.

— Не ушиблись? Заботливо спрашиваетъ большебородый унтеръ съ двумя „Егорьями“—за Артуръ на измазанной груди рубахи.

Смотрите налѣво, направо...

Узкій и глубокій ровъ опоясываетъ незамѣтную неопытному глазу возвышенность, дающую великолѣпный обстрѣлъ и командованіе надъ окрестностями. Въ окопѣ весело и даже, если хотите, уютно по своему. Винтовки установлены въ пирамиды. Весь окопъ разбитъ на участки, по-взводно. У каждаго свое мѣсто и у бруствера, для огня и внизу, для отдыха. Правда, тамъ отъ свѣжевзрытой земли сыровато, но это не суть важно; зато весело! Обѣдъ привозятъ во время. Во время смѣняютъ дежурную часть, замѣняя одинъ полкъ другимъ. Погода—лучше желать нельзя! Не жарко и не холодно. И даже бѣлую булку достать можно въ поселкѣ и распивать чаи, сидя подъ прикрытіемъ саженнаго бруствера. И развлеченія есть:—то шпіона въ лѣскѣ поймаютъ. То аэропланъ нѣмецкій кружится, да высматривать все что внизу дѣлается, станетъ...

Штабы полковъ и нашъ штабъ въ самомъ поселкѣ размѣстились.

Поселокъ брошенъ, или почти брошенъ жителями, напугавшимися вздорныхъ слуховъ о подходѣ нѣмцевъ.

Бѣднота-то еще живетъ, а кто побогаче, да потрусливѣе, значитъ,—давно уже выѣхали. Лавки и маленькіе магазинчики заперты. Частные дома заколочены.

Мы размѣстились всѣмъ штабомъ въ покинутомъ зданіи таможни. То-есть не въ самой таможнѣ, а въ квартирѣ ея директора. Жалко и досадно видѣть, какъ по людской глупости и трусости, разрушены уже сложившіеся надежно и укладисто, семейные очаги.

Очевидно семья нашего бывшаго хозяина квартиры бѣжала въ паническомъ страхѣ. Иначе ничѣмъ нельзя объяс-

нить этотъ кавардакъ во всѣхъ одиннадцати комнатахъ. Съ собой взяты только деньги, драгоцѣнности и необходимое платье. Книги, костюмы, дамское и дѣтское бѣлье, лампы, картины, ковры, посуда и мебель—все брошено въ безпорядкѣ. По опрокинутымъ картонкамъ и корзинкамъ, съ кучами валяющейся подлѣ нихъ на полу рухляди; видно, какъ торопились укладываться, совали что попадется подъ руку въ узлы, бросали нужное и брали ненужное, одурѣвшіе отъ испуга люди.

Даже ноты на открытомъ роялѣ брошены развернутыя.

Одинъ изъ насъ подошелъ къ клавіатурѣ и аккорды струнъ, знакомые и давно неслыханные, четко и странно прозвучали въ жутко опустѣломъ домѣ.

Благодаря стараніямъ нашихъ вѣстовыхъ весь безпорядокъ былъ вскорѣ ликвидированъ и квартира приняла жилой видъ. Зажглись вечеромъ лампы и освѣтили накрытый въ обширной столовой скромный обѣдъ. Исправленъ былъ засоренный водопроводъ. Въ кухнѣ ярко горѣла плита, радуя своими раскаленными до красна камфорками взглядъ нашего повара, уже стосковавшагося по приличномъ кухонномъ очагѣ.

Съ непривычки было странно сидѣть, какъ дома въ чужой квартирѣ, на чужихъ креслахъ, читать книги изъ чужой библіотеки. Казалось, вотъ вотъ войдутъ хозяева; до того была нелѣпой эта мирная, тихая обстановка, рядомъ съ паническимъ бѣгствомъ хозяевъ.

Первую ночь мы не отважились спать на брошенныхъ шикарныхъ кроватяхъ, но сегодня рѣшили улечься на нихъ, что-бъ дать отдохнуть уставшимъ отъ походныхъ коекъ ребрамъ.

Остальныя пустыя квартиры въ мѣстечкѣ, не занятыя нашими полками, генералъ приказалъ запереть и охранять.

А то обокрадутъ мѣстные воры, а потомъ будетъ все свалено на насъ.

— Солдатики, молъ, растащили!

По границѣ шныряютъ наши разъѣзды. Они освѣтили уже мѣстность приблизительно верстъ на тридцать вглубь Пруссіи. Они доносятъ, что порубежныя деревеньки брошены пруссаками и стоятъ опустѣлыми. Казачьи разъѣды ворочаются съ сигарами въ зубахъ. Вообще откуда-то появилась масса сигаръ. Идетъ по улицѣ замусоленный стрѣлокъ—татарченокъ и сосетъ довольно дорогую сигару.

— Откуда это ты, братецъ, раздобылъ?

— Казаки Ваше-діе, дали. Съ нѣмецкой земли привезли!

— Ну и что-же, нравится она тебѣ, сигара-то?

Такъ себѣ... Махорка слаще Ваше—бродь!

— Чего-же ты тогда ее не куришь?

— А мы махорку-то бережемъ про запасъ. Не вѣкъ вѣдь стоять тута будемъ—скалитъ зубы стрѣлокъ.

Солдатики, (да и не они одни впрочемъ), недовольны сидѣньемъ безъ дѣла. Утѣшаемъ — погодите ребятишки! Успѣете еще наработаться...

26 августа.

Вчера ночью было маленькое столкновеніе нашаго разъѣзда съ прусскими фуражирами. Окончилось, за темнотой, ни чѣмъ. У насъ потерь нѣтъ.

Война перестала пугать. Теперь все ясно и опредѣленно. Ждемъ нѣмцевъ. Придутъ начнемъ драться. Вотъ и все. И вся война тутъ! А вотъ, когда ѣдешь по тылу, да все время слушаешь разные ужасы—другое дѣло!

Сегодня въ обѣдъ усиленно обстрѣливали появившійся съ Прусской стороны аэропланъ. Онъ началъ качаться и какими-то странными рывками то опускаться, то подниматься. Меня послали съ мотоциклистами и велосипедистами за-

хватить его, если онъ упадетъ. Мгновенно разогрѣли машины и, вскочивъ на сѣдла, дали ходъ по песчанному шоссе, шедшему къ границѣ. Мѣстами завязали въ песчанныхъ и глубокихъ колеяхъ, но все-же летѣли впередъ.

А ясно видимый уже желто-сѣрый аэропланъ съ загнутыми назадъ кончиками крыльевъ, отчаянно боролся съ паденіемъ и выдѣлывалъ все новыя и новыя спирали, пытаясь ввинтиться въ голубую высь и уйти отъ насъ. Но напрасно! Какая-то невидимая сила будто-бы прижимала его къ землѣ...

И вотъ мы подъ нимъ почти... Сверху сухой и короткій выстрѣлъ — очевидно изъ револьвера катнули по моей командѣ. Послѣднимъ усиліемъ гигантъ—голубь относитъ свое пробитое пулями тѣло въ сторону отъ дороги.

Намъ туда не проѣхать по пахотѣ...

Бросаемъ машины и приготовивъ револьверы, бѣжимъ изъ всѣхъ силъ къ тѣмъ вонъ высокимъ деревьямъ, вершинъ, которыхъ уже касается своими кривыми крыльями падающая птица...

Вдругъ... Что это? Отчаянное—

— Ги-ги-ихъ! и откуда-то изъ кустовъ вылетаетъ десятокъ казаковъ и во весь махъ лошади летитъ туда-же, куда бѣжали и мы.

Имъ ближе, да и они на коняхъ...

Слышенъ трескъ и „птица“ скрылась изъ глазъ.

Выстрѣлъ... другой... Крики...

Задыхающіеся отъ бѣга, съ открытыми трубкой, опаленными дыханіемъ ртами, мы подбѣгаемъ къ группѣ деревьевъ. Выскакиваемъ на поляну...

На ней лежитъ грязно-желтая груда парусины и какая-то причудливо-искривленная рѣшетка... Рули, тросы, весь фузиляжъ и кабинка — помяты и разбиты. На нихъ слѣды сотенъ пуль...

Кучка казаковъ наклонилась надъ чѣмъ-то...

Разступаются... На травѣ лежитъ черно-красная куча чего-то. Лоскутья кожанки, шапка съ респираторомъ Искривленное лицо въ свѣжей крови и новешенькія, желтыя гетры. Другая кучка полусидитъ около поломанной кабинки и шевелитъ одной рукой въ кожаной рукавицѣ съ крагой до локтя.

— Ну, что тутъ такое?—Обращаюсь я къ высокому урядднику начальнику разъѣзда.

— Да вотъ, Ваше-діе—ероплантъ, значитъ...

— Вижу, да не про то я... Что съ ними? Разбились?

— Никакъ нѣтъ, обиженно говоритъ урядникъ — порубили! Ахъ, вы идіоты! Да вѣдь ихъ нужно было живыми взять!

— Ну, на што ихъ собакъ, вашъ-бродь...

— Да вѣдь приказано, болванъ ты этакій! Развѣ ты самъ-то не могъ сообразить, что отъ нихъ узнать можно было многое!—Волнуюсь я.

— Не могу знать,—тупо, но рѣшительно отвѣчаетъ урядникъ. Воны выстрѣлили, ну, а мы ихъ порубили...

Нагибаемся надъ трупомъ и полутрупомъ. Пытаемся говорить съ недорубленнымъ летчикомъ, что все еще шевелитъ рукой.

— Kösaken... kösaken...—хрипитъ онъ, не открывая глазъ. Затылокъ у него разбитъ и лѣвая рука почти отрублена у плеча. Приказываю поднять его и нести на перевязочный пунктъ. Но отъ перваго же движенія изо рта раненаго выливается цѣлый потокъ крови, черной и густой. Глаза мигаютъ и закрываются.

Что-то бульхаетъ у него внутри, онъ дѣловито опускается на бокъ и лежитъ неподвижно.

Готовъ. Приказываю обыскать. Забираю окровавленныя связки картъ, записокъ, книжекъ для донесеній и писемъ

изъ дому, навѣрное. Ставлю часовыхъ у аппарата и, забравъ всю свою команду, ворочаюсь въ штабъ.

И долго изъ головы не выходитъ это послѣднее предсмертное, булькане бѣлокураго нѣмчика.

Оригинально все-таки то, что если бы такую смерть увидѣть на улицѣ города, или въ шикарно обставленной квартирѣ, на Невскомъ проспектѣ, напримѣръ она произвела-бы въ десять разъ сильнѣйшее впечатлѣніе и пугало-бы ужасомъ преступленія.

А *тутъ* было просто непріятно физически, видѣть здоровое человѣческое тѣло, изъ котораго ударами обыкновенныхъ стальныхъ полосъ, только отточенныхъ, выбита жизнь. Велика сила привычныхъ взглядовъ!

Объѣзжаемъ позиціи со „стариками". Ну, и дороги!

Даже нашъ, мощный для своего легкаго корпуса „Оппель", завязаетъ въ этихъ проклятыхъ песчанныхъ буграхъ.

А ужъ брать съ собой мотоциклеты—абсолютно по моему безполезно! Они хороши только на маленькихъ кусочкахъ хорошо сохранившагося шоссе. А тутъ выбоины, или особенно, песокъ,—слѣзай! Велосипедъ въ этомъ отношеніи болѣе примѣнимъ. Онъ проѣдетъ по самой тоненькой ниточкѣ, а мощная шестипудовая машина застрянетъ и остановится. Подъ дождемъ, надо полагать, будетъ еще хуже.

Да и потомъ, въ случаѣ порчи, что за мука тащить шестипудовую тяжесть по глубокимъ песчанымъ колеямъ!

Правда, дороги здѣсь, на западѣ, пока еще хороши, но это только *пока.* Черезъ мѣсяцъ, другой, ихъ такъ разобьютъ милліоны двуколочныхъ колесъ, что и узнать ихъ будетъ нельзя. А тогда польза отъ дорогихъ машинъ—сведется къ нулю.

Какъ живучи мелкіе людскіе интересы!

Въ Граево уже появились мелкіе торгаши. Идетъ оживленная торговля бѣлымъ хлѣбомъ, сахаромъ, скверной колбасой и такимъ же табакомъ...

Говорятъ, Ренненкампфу приходится тяжело. На него что-то очень начали напирать.

Въ общемъ мы здѣсь пока еще ничего не знаемъ. Телеграммы, издающіяся въ Бѣлостокѣ и попадающія къ намъ, слишкомъ лаконичны, что-бъ можно было что-либо по нимъ понять.

Говорятъ, это передъ крупными событіями.

Дай Богъ; надоѣло ничего не дѣлать!

28 августа.

Вчера за весь день ничего новаго.

Зато сегодня за день я, лично, пережилъ многое,

Сосѣдній корпусъ потерялъ съ нами связь.

Насъ съ нимъ связываетъ летучая почта изъ казачьихъ Постовъ,

На протяженіи 17 верстъ раздѣлявшихъ насъ другъ отъ друга,—стояло штукъ пять постовъ.

Вдругъ вчера сообщеніе прервалось. Посланныя туда записки куда-то потерялись. Телеграфное сообщеніе оказалось прерваннымъ. Изъ штаба арміи пришло категорическое приказаніе связаться съ оторвавшимся корпусомъ.

Въ 9 часовъ утра сегодня, только что я умылся, меня позвали къ генералу. Онъ и полковникъ сидѣли, низко нагнувъ сѣдоватыя головы надъ картой и о чемъ-то совѣщались.

— Вы вѣдь хорошо владѣете мотоциклетомъ?—спрашиваетъ начальникъ штаба.

— Странный вопросъ! Спортсменъ, гонщикъ и вдругъ не будетъ знать машины!—Владѣю, такъ точно—говорю.

Вступается генералъ:

— Во сколько времени вы можете проѣхать до Р.; тутъ всего семнадцать верстъ и дорога идеальная.

— Въ двадцать минутъ Ваше-во, отвѣчаю.

— Смотрите сюда,—и на карту показываетъ.

— Вотъ... Мы вотъ тутъ... Здѣсь — Райгородъ. Тамъ штабъ N-го корпуса. Вы обязаны отвезти туда вотъ этотъ пакетъ... Прочитайте его, что бы въ случаѣ чего, уничтожить...

— Ого! Дѣло пахнетъ не шуткой! Читаю внимательно.

— Запомнили? Ну, вотъ. Возьмите лучшую машину и самого надежнаго моториста—провожатаго. Имѣйте въ виду, что на шоссе могутъ оказаться нѣмцы.

Донесеніе ни въ коемъ случаѣ не должно попасть въ ихъ руки. Собирайтесь, съ Богомъ.

Ну, слава Богу, первое серьезное порученіе получилъ! Бѣгу распоряжаться и одѣваться.

— Куда?—спрашиваютъ товарищи.

— Поздравьте! Ѣду съ важнымъ порученіемъ!

Съ завистью смотрятъ.

— Почему же не изъ насъ кто-нибудь?

— А на что-же тогда ординарецъ, я? парирую ихъ вопросъ вопросомъ-же.

Выхожу. „Старики“ крѣпко жмутъ руку. Полковникъ шепчетъ:

— Осторожнѣе все-таки... Зря не рискуйте...

Машина прогрѣта. Бензину—на сто верстъ. Осматриваю каждую гайку, ибо изъ-за собственной неосторожности можетъ пропасть все.

Готово. Веду машину; на ходу даю „магнето.“

Послушная „Индіана“ вздрагиваетъ и всѣмъ своимъ мощнымъ, краснымъ тѣломъ, бросается впередъ.

Еле успѣваю поймать на бѣгу педаль и сажусь на низкое и широкое сѣдло.

Тукъ-тукъ-тукъ-тукъ-тукъ-тукъ...

Ровно и четко отсчитываетъ вспышки моторъ.

Ровнымъ стукомъ ему вторитъ сердце. Немного волнуюсь, но это ничего!

Выѣзжаю на площадь. То и дѣло выключаю моторъ и безшумно, инерціей, проскальзываю между безконечныхъ обозовъ и торговыхъ палатокъ, разбитыхъ передъ стариннымъ костеломъ. Зѣвакъ окликаю голосомъ—давать гудки среди дикихъ, крестьянскихъ лошаденокъ—рискованно. Какъ разъ надѣлаешь такой „тарарамъ" среди возовъ, что и машину поломаешь. Но вотъ и шоссе. Высокое Распятіе на каменномъ, почернѣвшемъ пьедесталѣ. Потемнѣлъ и Крестъ, «крыжъ свентый» по здѣшнему. Сколько молитвъ и слезъ видѣло это темное, примитивное Распятіе! На камнѣ подъ нимъ засохшій пучокъ цвѣтовъ,—скромный даръ плачущей по цѣлымъ днямъ Марыси, молившейся передъ строгимъ Іезусомъ о далекомъ Стасѣ, дерущемся въ невѣдомой Галиціи противъ несносныхъ швабовъ, побей ихъ Матка Божска!..

Передъ глазами лентой, бѣлой и ровной, легло знаменитое Сувалкское шоссе. Оно мощено и довольно прилично.

Но бѣда вся въ томъ, что даже самая лучшая мостовая требуетъ за собой ухода. А тутъ, на этой дорогѣ,—его не достаетъ. Во многихъ мѣстахъ матрацъ шоссе, вмѣстѣ съ сохранившейся на немъ мостовой, осѣлъ, подмытый снизу на полъаршина ниже общаго уровня дороги.

Разсмотрѣть такой колодезь трудно, ибо онъ сливается съ общимъ бѣлымъ фономъ дороги. Замѣчаешь его уже тогда, когда переднее колесо машины на сажень отъ края ямы... Лихорадочно нажимаешь ножной тормазъ, но... сила скорости, (а мы летимъ километровъ на шестьдесятъ въ часъ), тащитъ машину и только призвавъ на помощь все свое хладнокровіе и умѣнье—удерживаешься на сѣдлѣ, звенящемъ отъ страшнаго толчка. Руль вырывается изъ рукъ и машина рыскаетъ въ теченіи нѣсколькихъ секундъ то туда, то сюда... Справляюсь!

Пять-шесть саженъ и—новое препятствіе:

Обнажился отъ песчанно-щебнистаго тюфяка нижній слой острыхъ каменныхъ плитъ. Бѣда, если не досмотришь! Къ чорту шина, а то и глушитель сорвешь нелѣпо высунувшимся изъ грунта острымъ камнемъ. Опять шипитъ заторможенное заднее колесо, а продолжающая работать „въ себѣ“ машина, сотрясаетъ и бьетъ всю раму рѣзкими, нервными толчками.

Зато гдѣ ровный кусочекъ попадется!—Тутъ уже прямо наслажденье! И про нѣмцевъ, могущихъ оказаться на дорогѣ, не думается!

Все больше и больше нажимаешь рычагъ, отводя его до предѣла. Моторъ уже не стучитъ, а съ воемъ и гуломъ бросаетъ машину навстрѣчу вѣтру и пространству.

Далеко, далеко, еще на томъ, вонъ, холмѣ показались черныя точки...

Что это? Нѣмцы-ли? Крестьянскія-ли фуры?

Ходу' Рычагъ отведенъ до отказа... На мгновеніе даю холостой ходъ, ибо знаю, что потомъ, когдъ включишь моторъ, скорость еще болѣе увеличится отъ толчка...

Включаю... Машину рвануло и понесло...

Даю гудки, а затѣмъ, съ трудомъ справляясь лѣвой рукой съ кидающимся рулемъ, свободной рукой нащупываю холодную и плоскую рукоять браунинга въ поясномъ кобурѣ.

Мимо мелькаютъ будто стоящія на мѣстѣ фуры. Часы на рулѣ показываютъ, что мы ѣдемъ уже пятнадцать минутъ. Скоро долженъ быть и Райгородъ!

Спускаюсь съ покатаго холма и съ размаху влетаю на высокую горку...

Стопъ... Что это? Моторъ не работаетъ.

Слѣзаю. Осматриваю все. Будто-бы въ порядкѣ вся машина. Начинаю работать. Свѣча, отвинченная отъ карбюратора—даетъ вспышки при каждомъ нажимѣ педали и рукоятки... Значитъ не она виновата! Не переѣло-ли тросъ

какой-нибудь? Нѣтъ, всѣ они въ порядкѣ. Разбираю карбюраторъ, правда поверхностно, ибо время дорого. Продуваю, чищу. Пускаю бензинъ въ цилиндры. Пока онъ тамъ есть—машина беретъ. Выгораетъ онъ—стопъ!

Значитъ надо развинчивать весь карбюраторъ.

Вотъ горе... А Райгородъ—вотъ онъ! Рукой подать. Подходятъ изъ ближайшаго фольварка крестьяне. Здороваюсь и вспоминаю.

— А гдѣ же мой мотористъ? Его нѣтъ...

Дѣлать нечего. Чтобъ не терять времени, отдаю машину на сохраненіе крестьянамъ, предупредивъ ихъ объ отставшемъ моемъ спутникѣ.

— А нѣмцевъ нема?—спрашиваю.

— Оказывается еще вчера вечеромъ на шоссе выѣзжалъ нѣмецкій разъѣздъ человѣкъ въ 15. А около Райгорода, вотъ тутъ подъ бокомъ совсѣмъ, на винокуренномъ заводѣ, стоящемъ въ лѣсу при дорогѣ, дня три уже (по слухамъ), ночуютъ нѣмцы. Ихъ человѣкъ пятьдесятъ. Днемъ они почти не выходятъ. А если и выходятъ, то переодѣтые. Сегодня рано утромъ хлѣбъ на заднемъ фальваркѣ весь позабирали. Нашихъ по близости нѣтъ. Въ Райгородѣ много „жолнержевъ", стояло и „гарматъ" много, а вотъ вчера по утру всѣ ушли... Сѣдоусый полякъ крестьянинъ мѣрно и монотонно говоритъ ломаннымъ русскимъ языкомъ, вставляя черезъ слово обычное „прошу пана"... Въ головѣ у меня сумбуръ.

Вотъ такъ влетѣлъ въ исторію!

Что-же дѣлать? Старикъ не вретъ, это видно. Да и зачѣмъ ему врать?

Рѣшаюсь идти пѣшкомъ. На ходу машины одѣтая подъ китель толстая фуфайка грѣла, а теперь „на своихъ двоихъ" въ ней очень жарко.

Прохожу пустынный Райгородъ. Жителей почти нѣтъ, всѣ попрятались куда-то. Рѣдкіе встрѣчные подтверждаютъ, что нѣмцы тутъ вездѣ бродятъ.

Загибаю въ лѣсъ и иду прячась, какъ воръ.

По разспросамъ я выяснилъ, что корпусъ разыскиваемый мною, ушелъ вчера на Августовъ. Теперь понятна потеря связи. Телеграфъ порванъ шпіонящими нѣмцами-развѣдчиками. Наши донесенія перехвачены. Надо спѣшить. Набавляю ходу и вспоминаю пятикилометровый бѣгъ, въ которомъ я участвовалъ однажды. Тренингъ помогаетъ. Въ три часа прохожу семнадцать верстъ. Еще семь верстъ осталось. Въ лѣсу натыкаюсь на казачій постъ.

Видъ у меня былъ очевидно очень нелѣпый.

Мокрый, усталый, въ гетрахъ, въ фуражкѣ съ очками— я не внушалъ къ себѣ довѣрія.

И только послѣ того, какъ я показалъ важный пакетъ, старшій поста согласился дать мнѣ лошадь и вѣстового. Желая увѣрить казачковъ въ своей подлинности я, несмотря на усталость, вспрыгнулъ на высокое сѣдло профессіонально-кавалерійскимъ адъютантскимъ прыжкомъ.

Лица донцовъ просвѣтлѣли и они единогласно одобрили:

— Ловко вы сигаете, Ваш-бродь!

Черезъ 20 минутъ я былъ въ Штабѣ утеряннаго корпуса, въ Августовѣ. Тамъ тоже пытались возстановить съ нами связь, но шпіоны и засады нѣмецкихъ драгунъ, перехватывали все, что посылалось къ намъ и отъ насъ.

Проворонили только меня!

Назадъ мнѣ дали автомобиль.

Спрашиваю шоффера:

— Не боишься?

— Никакъ нѣтъ—просто и равнодушно.

— Ну, такъ ѣдемъ.

Теперь уже ѣдемъ явно. На машинѣ, да на большомъ ходу, насъ не очень-то поймаешь!

На полномъ газу пролетаемъ двадцать четыре версты въ двадцать минутъ. Вотъ и Райгородъ опять!

Встрѣчаемъ фурманщика-еврея. Гдѣ нѣмцы?

— Ой! Прошу пана! Въ Рейгородѣ, тутъ стоятъ...

— Да, ну? И много?

— Человѣкъ пеньтьдесятъ.

Оказывается, что въѣздъ и выѣздъ въ мѣстечко заняты прусскими драгунами. Гляжу безпомощно на шоффера.

— Другой дороги нѣту?

— Есть такая, да у насъ на нее бензину не хватитъ.. А ночь близка.

— Слушай, говорю шоферу, давай рискнемъ?

— Мнѣ что-же! поѣдемте, улыбается онъ.

— Ты хорошо изъ винтовки стрѣляешь?

— Ладно!

— Ну, такъ бери винтовку, а я сяду за машину.

— А справитесь?—съ сомнѣніемъ въ голосѣ говоритъ шофферъ.

— Справлюсь, не бойсь! Вотъ когда пригодилось шуточное изученіе автомобиля. Учился, чтобъ компанію свою прокатить иногда по городу, подъ веселую руку, а вотъ теперь... Шкуру спасать буду и свою и этого рябого солдатика, что дѣловито и спокойно заряжаетъ винтовку.

— Ну! Ѣхать что-ли? Господи Благослови!

Какъ въ воду окунулся,—когда нажалъ педаль.

Выключаю конусъ и ставлю на третью скорость. Даю газъ во всю.

Вотъ плетень... Вотъ мостикъ... Люди, около лошади... Пускаю сирену и съ дикимъ ревомъ, пугая людей и рвущихся изъ рукъ лошадей, влетаю въ городокъ. Крики сзади... Что-то хлопнуло сквозь гулъ машины, слабо и не рѣзко.

Еще... Еще...

Площадь... Опять лошади и всадники на нихъ. Одинъ отдѣляется и кидается къ намъ... Опять пускаю сирену. Большая рыжая лошадь взвивается на дыбы. Рядомъ у уха самаго, рѣзко гремитъ винтовка шоффера.

Господи! Едва увильнулъ. Неожиданно на дорогѣ возъ. Руки инстинктивно завертѣли колесо съ быстротой молніи и такъ-же выправили его назадъ, обогнувъ препятствіе... Сзади хлопанье все сильнѣй. Отвернуться отъ льющейся въ глаза широкой бѣлой ленты—шоссе—не могу... Нельзя на такомъ ходу... Мгновенно будемъ подъ автомобилемъ... А если уцѣлѣемъ, то и подъ ножами озвѣрѣвшихъ нѣмцевъ. Мимо машины, съ гуломъ и свистомъ несется лента деревьевъ, зданій, столбовъ. Руль рветъ изъ рукъ и онъ такъ вибрируетъ, что у меня начинаютъ сдавать руки...

Хлопанье сзади затихло... Да и гдѣ-же догнать насъ на такомъ ходу!

Пролетаемъ верстъ пять отъ города. Мало по малу спускаю газъ и перевожу дыханіе, да кстати и скорость. Обращаюсь къ шофферу и говорю, не глядя на него:

— Ну, какъ? Насколько километровъ скорость нагнали?

Солдатъ молчитъ. Гляжу на него, сидитъ, прислонившись бокомъ къ дверцѣ и винтовку сжимаетъ.

Тронулъ его—мягко и безвольно голова качнулась.. Убавилъ ходъ, посмотрѣлъ внимательно—мертвъ!

За правымъ ухомъ чернѣется малюсенькая дырочка.

Тронулъ тѣло,—голова перевалилась на плечо. Надъ лѣвымъ глазомъ отекъ и кровью все залито. Насквозь, значитъ, хватили...

Но не стоять же въ самомъ дѣлѣ тутъ... Опять погналъ машину, но не успѣлъ и версты проѣхать, слышу, кричитъ кто-то съ боку отъ дороги..

Откуда ни возьмись,—мой пропавшій безъ вѣсти мотористъ Игошинъ! Бѣжитъ, руками машетъ.

— Откуда ты здѣсь?

— Да я тутъ въ фольваркѣ васъ дожидался. Тутъ вашу машину нашелъ у поляковъ, да и возился все съ нею. Всю развинчивать пришлось.

Подошелъ вплотную, глянулъ на скривившагося шоффера и ахнулъ, по-бабьи всплеснувъ руками.

— Это что-же, ваше—діе такое?

— А стрѣльбу слыхалъ?

— Слышалъ, да не близко...

— Ну такъ вотъ... На ходу попало бѣдному.

Поѣхалъ испуганный Игошинъ. Съ помощью крестьянъ перетащилъ кузовъ машины оба мотоцикла; туда же мы переложили трупъ, а самъ Игошинъ сѣлъ на его мѣсто и тронулись дальше. Черезъ четверть часа пролетѣли Граевскую заставу и затормозились у подъѣзда таможни черезъ шесть часовъ послѣ отъѣзда оттуда.

Вотъ тебѣ и двадцать минутъ до Райгорода, да и столько-же обратно!

Въ штабѣ меня ждали съ тревогой. Начинали уже бояться за мою участь, тѣмъ болѣе, что посланный по дорогѣ къ Райгороду маленькій разъѣздъ вернулся, налетѣвъ на большія для него силы нѣмцевъ, и донесъ, что дорога занята ими. Тѣмъ болѣе эффектнымъ было мое появленіе. Пошли разспросы и допросы.

Потомъ меня начали кормить. А я только тутъ и вспомнилъ, что еще съ утра ранняго ничего не ѣлъ. И разломало почему-то сразу меня. То все ходилъ бодро, а сейчасъ и ноги, и руки и все тѣло болятъ. Разбился за день, видно. Сейчасъ сижу раздѣтый на постели и думаю о странной игрѣ судьбы.

Вѣдь надо же было мнѣ именно передъ самымъ Райгородомъ пересѣсть на шофферское мѣсто.

А если-бъ не пересѣлъ?

Тутъ все такъ уютно. Вѣстовые готовятъ постели. Рядомъ стаканъ крѣпкаго чаю, съ лимономъ и краснымъ виномъ. Вокругъ жизнь, голоса... А я могъ-бы лежать на носилкахъ, съ пробитымъ черепомъ. Ничего бы не видѣлъ, не слышалъ; не ощущалъ-бы прелести жить и вообще, это былъ-бы уже не я, а просто три пуда двадцать фунтовъ костей, мяса и потроховъ, внутри которыхъ уже начиналобы гнѣздиться гніеніе.

Брр! Только теперь сознаю, что я выкинулъ рискованную штуку и уцѣлѣлъ лишь чудомъ.

Вспоминаю слѣды пуль на синемъ кузовѣ автомобиля, потѣшные желобки такіе и становится страшно. Впрочемъ это въ моемъ характерѣ; я всегда трушу послѣ опасности.

А все таки чертовски жутко.

Зато теперь я уже немного окрещенъ! Это пріятно! Но уже поздно, а что будетъ завтра—Богъ вѣсть. Война-то вѣдь продолжается и въ любой моментъ можетъ поднять насъ съ теплыхъ постелей и бросить въ мрачный холодъ осенней ночи.

Бѣдный, рябенькій шофферъ?

29 августа.

Ну вотъ, дождались и дѣла. Сейчасъ пойдемъ въ Пруссію. Поднялись на ноги съ 7 часовъ утра. Получено приказаніе выступить всей дивизіей на городъ Лыкъ Сосѣдняя дивизія, стоящая въ Щучинѣ, пойдетъ очевидно на Бялу. По всей вѣроятности наше движеніе будетъ демонстраціей для того, чтобы оттянуть отъ Ренненкампфа давящія его силы нѣмцевъ, хотя-бы отчасти.

Самая, въ сущности, „корявая“ роль у меня.

Мнѣ пока абсолютно нечего дѣлать. Съ частями дивизіи мы соединены телефонами и цѣлой командой дежурныхъ ординарцевъ, конныхъ и самокатчиковъ. Такъ что всѣ приказанія передаются безъ меня.

Въ полутемной столовой собрался военный совѣтъ. Шуршатъ карты и бумаги. „Старики" сосредоточенно сидятъ надъ картами. Изрѣдка отрывисто кидаютъ другъ другу короткія, но полныя содержанія фразы.

Оба адъютанта согнулись и строчатъ въ полевыхъ книжкахъ приказанія и распоряженія.—Готовится приказъ „на походное движеніе". Спѣшно и порывисто перевертываются исписанныя страницы, снова перекладывается копировальная бумага и опять тишина.

Только порой чужимъ звукомъ звякнетъ ложечка въ стаканѣ остывшаго и глотаемаго урывками чая.

Я сижу и распираю пальцами слипающіяся вѣки. Здорово утомился вчера и сонъ моритъ меня

На дворѣ идутъ спѣшные сборы. Наши вещи грузятся на двуколки. Лошади уже посѣдланы. Генералъ далъ мнѣ купленную имъ недавно и еще невыѣзженную, здоровенную, вороную лошадь, а себѣ взялъ на время мою строевую, дрессированную и кроткую, какъ ребенокъ.

Мы не знаемъ, вернемся ли сюда въ Граево вновь, а потому окончательно ликвидируемъ свое пребываніе здѣсь. Завтракъ, или обѣдъ готовить некогда. Поѣдимъ потомъ изъ котла солдатскаго, когда время будетъ.

Несутся во всѣ стороны получившіе копіи приказовъ полковые ординарцы. Начинаютъ снимать полевые телефоны. За церковью, неподалеку, раздаются звуки оркестра. Это выступаетъ стоящій подлѣ насъ первый полкъ нашей дивизіи.

За нимъ грузной колонной идутъ обозы. Потомъ второй полкъ...

Въ одиннадцать часовъ утра появляется голодъ. Сегодня Суббота и слѣдовательно всѣ лавочки, (еврейскія, ибо русскихъ тутъ нѣтъ!),—заперты. Посланный на развѣдки молодцеватый ординарецъ-стрѣлокъ ворочается съ печальнымъ извѣстіемъ, что ничего достать нельзя. Но затѣмъ, вслѣдъ за словами повергающими насъ въ мрачное уныніе, онъ, наслаждаясь сценичностью эффекта, достаетъ изъ подъ полы шинели громадный кусокъ жареной съ чеснокомъ свинины, густо посыпанной солью.

— Откуда?! У жидовки купилъ Ваш бродь, докладываетъ плутоватый стрѣлокъ...

Гм-м! Купилъ? Ну, да все равно... Ѣсть хочется... Давай сюда...

Я и длинноногій Д***, уже снявшій свои безконечные телефоны, удаляемся съ драгоцѣннымъ кускомъ на площадку черной лѣстницы и тамъ устраиваемся комфортабельно на ступенькахъ, затоптанныхъ сотнями ногъ. Черезъ вѣстовыхъ достаемъ хлѣба и уничтожаемъ гигантскіе бутерброды. Потомъ вспоминаемъ о „начальствѣ". Дѣлаемъ пару, уродинъ-бутербродовъ и несемъ наверхъ.

Начальникъ штаба составляетъ телеграмму въ штабъ арміи и сначала машинально отмахивается отъ насъ, но потомъ, увидѣвъ предлагаемое,—свободной рукой беретъ кусокъ и, не отрываясь отъ диктуемой писарю черновой телеграммы, жуетъ.

Зато генералъ встрѣчаетъ наше появленіе съ „питательными веществами"—воодушевленно-радостно и хвалитъ насъ отъ души. И только, когда съѣдаетъ весь бутербродъ безъ остатка, спохватывается спросить.

— А откуда-же вы это раздобыли?

Мы со смѣхомъ признаемся въ своихъ подозрѣніяхъ относительно „покупки" этого мяса.

— Зато хлѣбъ, внѣ сомнѣній, нашъ собственный!

Но пора двигаться и намъ.

— Ну, господа... Все готово?—говоритъ генералъ.

— Господи Благослови!

Садимся и двигаемся большой группой по узкой улицѣ. пробираемся мимо соединенныхъ колоннъ обозовъ, запрудившихъ всю улицу. Все оставшееся населеніе Граева высыпало на плетни и заборы. Почтительно кланяются при нашемъ проѣздѣ. Конечно потому, что мы идемъ въ Пруссію, а не уходимъ изъ нея. Если придутъ сюда Пруссаки, эти-же поклоны встрѣтятъ и ихъ.

Скверное положеніе у бѣднаго пограничнаго населенія Хотя все-же лучше чѣмъ у бѣдныхъ „китаезовъ“ въ прошлую компанію, когда ихъ страна была перевернута вверхъ дномъ дерущимися пришлыми державами.

Обгоняемъ медленно вытягивающіяся на Лыковское шоссе колонны полковъ. Генералъ поминутно здоровается съ людьми, бодро и весело отвѣчающими на громкое и сердечное привѣтствіе.

Авангардъ давно уже ушелъ впередъ. Съ нимъ насъ соединяетъ тонкая „цѣпочка“ изъ одиночныхъ стрѣлковъ идущихъ одинъ отъ другого шаговъ на пятьдесятъ дистанціи.

Всѣ приказанія передаются черезъ нихъ.

— Авангарду остановиться на переѣздѣ черезъ полотно, у будки, на маленькій привалъ!—Приказываетъ генералъ.

Приказаніе передается ближайшему изъ „цѣпочки“.

И гулко несутся въ утреннемъ воздухѣ замирающія вдали, произносимыя на распѣвъ слова, катящіяся по цѣпочкѣ отъ одного къ другому.

Мы присоединились къ главнымъ силамъ и ѣдемъ съ ними.

Впереди рокочутъ выстрѣлы.

Черезъ полчаса получаемъ подробное донесенiе о случившемся.

Оказывается, нѣмецкая полурота, засѣвшая въ мѣстечкѣ Простkенъ, пыталась задержать насъ и обстрѣляла головную заставу. Но подошедшiя роты заставили нѣмцевъ уйти, оставивъ нѣсколько труповъ и съ десятокъ раненыхъ.

Проходимъ черезъ мѣсто стычки. Улицы пустынны до жуткости. Хорошiе, трехъ и болѣе этажные дома жутко смотрятъ на насъ выбитыми окнами.

У зданiя мѣстнаго отдѣленiя банка, лежитъ головой на подъѣздѣ посѣдланная лошадь и жалобно стонетъ пытаясь поднять тяжелую голову съ мокрыхъ отъ крови камней. У поваленнаго зачѣмъ-то фонарнаго столба съ сѣтью проводовъ на немъ и около свернулась клубочкомъ, сѣрая фигура нѣмецкаго солдата. Лица не видно, но по положенiю тѣла, спокойнаго и недвижнаго, видно, что пуля его пожалѣла и уложила наповалъ.

И хотя ничѣмъ особеннымъ не пахнетъ въ свѣжемъ осеннемъ воздухѣ, но разыгравшееся воображенiе, пытающееся представить ясно и подробно картину свалки на этой мощеной улицѣ, заставляетъ ощущать будто-бы рѣящiй надъ этимъ мѣстомъ запахъ пороха и крови.

Слѣдуемъ дальше. Мѣстечко большое.

Еще когда мы перешли пограничную цѣпь порванную и лежащую на землѣ между своихъ и нашихъ столбовъ, отдѣляющихъ Россiю отъ Германiи, намъ бросилась въ глаза рѣзкая разница между внѣшнимъ видомъ двухъ сосѣднихъ селенiй, прижавшихся къ границѣ и другъ къ другу.

Съ нашей стороны—село Проскино, довольно обширное, съ каменнымъ костеломъ и типичными хатками крытыми частью старой черепицей, а частью просто соломой.

При хаткахъ—сады, запущенные, но живописные.

Улица носитъ слѣды свиныхъ пятачковъ и проходящихъ стадъ скота. Освѣщеніе, конечно, только небесное. Есть двѣ лавочки, бѣдныя и жалкія, какъ и ихъ хозяева, типичные забитые польскіе евреи.

Но стоитъ сдѣлать нѣсколько шаговъ за зданіе таможни (нѣмецкой), какъ все мѣняется будто по волшебству. Шикарная мостовая. Телефонные провода уходящіе паутинами на желѣзную черепицу высокихъ готическихъ крышъ. Чистая, желто-розовая окраска стѣнъ. Зеркальныя окна въ нижнихъ этажахъ. Много магазиновъ и лавокъ, правда запертыхъ и очевидно безъ товара, увезеннаго заранѣе бѣжавшими купцами. Электрическое освѣщеніе на улицахъ. Каменныя и витыя чугунныя рѣшетки чистенькихъ садовъ. Асфальтъ на панеляхъ. Отдѣленіе банка, двѣ школы, богатая кирка.

Да и брошенная кое-какая утварь, не взятая бѣжавшими жителями, говоритъ болѣе чѣмъ о достаткѣ нашихъ сосѣдей. И вполнѣ понятно, что эти разбухшіе отъ пива и лоснящіеся отъ идеальной чистоты бюргеры косятся съ презрѣніемъ на грязь и бѣдность живущихъ бокъ о бокъ русскихъ подданныхъ (хотя и не русскихъ по національности). Селеніе казалось вымершимъ и трудно вѣрилось, что тутъ вотъ, нѣсколько минутъ тому назадъ, щелкали выстрѣлы, пахло смертью, страхомъ и насиліемъ.

Но еще черезъ нѣсколько минутъ въ затихшихъ домахъ, закопошился кто-то и изъ слуховыхъ оконъ высокихъ чердаковъ загремѣли выстрѣлы. Но быстро смолкли, внеся безпорядокъ въ ряды колонны, шедшей по улицѣ.

Глядимъ бредетъ раненый стрѣлокъ. Машетъ окровавленной рукой и лицо недоумѣнное и досадливое.

— Откуда ты? Изумился генералъ.

У авангарда были шедшіе вмѣстѣ съ нимъ, свои лазаретныя двуколки и раненые тамъ, впереди,—въ нихъ и

укладывались, что-бъ не таскать ихъ въ тылъ колонны. А этотъ тутъ появился, да еще неперевязанный!

— Изъ окошекъ стрѣляютъ Ваше-тво -отвѣчаетъ обиженнымъ тономъ раненый.

— Здѣсь? Сейчасъ? Ахъ, вотъ это сейчасъ выстрѣлы и были?

— Такъ тошно.

— Ну, а что-же вы? Сами-то вы стрѣляли?

— Не по комъ, Ваше-ство... Да, однако, бабы стрѣляютъ...

Что съ имя сдѣлаешь...—развелъ, забывъ про боль, руками раненый и отправился шагать дальше, къ санитарнымъ двуколкамъ, не обращая вниманія на льющуюся кровь.

Пролетѣли мимо два казака изъ разъѣзда.

Рядомъ съ лошадью ѣдущаго впереди бѣжитъ и голоситъ тонкимъ бабьимъ голосомъ здоровенный, рыжебородый нѣмецъ. Руки сложены, какъ на молитву и перевязаны у кистей ремнемъ чумбура. Лицо плачущее, ротъ перекошенъ и въ глазахъ безумный ужасъ загнаннаго звѣря. Но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуется въ нихъ какая-то жестокая подлость; вотъ только выпусти, говорятъ они...

Останавливаемъ.

— Куда это вы его, донцы? Кто такой?

— Шпіентъ! Стрѣлилъ по намъ, да побѣгъ... Ну, мы его и сымали,—докладываетъ молоденькій казачишка, остановивъ горячащагося рыжаго и горбоносаго жеребенка.

— Шпіонъ?

— Дѣйствительно, сами это видимъ;—изъ подъ широкой, рабочей блузы крестьянина, торчитъ выдернутый казачей лапой, край сѣраго мундира съ красными кантами. На ногахъ, выглядывая изъ подъ бахромы стареньких брюкъ,—свѣтятся хорошо начищенные, солдатскіе сапоги. Казакъ держитъ въ рукахъ завернутыя въ красный пла-

токъ вещественныя доказательства: солдатскую книжку, револьверъ бульдогъ и горсточку патроновъ.

Пока мы прочитываемъ книжку, плѣнникъ съ какимъ-то дикимъ воплемъ кидается къ генералу, ловитъ связанными руками его сапогъ и цѣлуя его, молитъ жалобно, и и трусливо, убѣждая, что онъ не стрѣлялъ, что онъ любитъ русскихъ, что онъ жилъ долго въ Россіи...

Отпускаемъ казаковъ вмѣстѣ съ плѣнникомъ, котораго приказываетъ вести въ Штабъ Корпуса, что-бъ не брать на душу смертнаго приговора, обычнаго въ данномъ случаѣ. И долго еще сзади насъ слышатся звѣриные вопли трусливаго нѣмца.

Дописываю на привалѣ. Впереди слышна стрѣльба все усиливающаяся. Ожидаемъ донесеній. Генералъ бѣгаетъ взадъ впередъ по пахоти и нервно теребитъ бороду. Начальникъ Штаба сосредоточенно молчитъ, сидя на кучѣ жнива и пытливо смотритъ въ сторону выстрѣловъ. Кони насторожили уши и подняли головы...

Стрѣльба тише. Какой-то неясный гулъ...,

— На „ура" пошли наши,—какъ бы про себя говоритъ мой вѣстовой, привезенный съ собой изъ моей бывшей части.

— Ну если на ура, значитъ слава Богу,—отвѣчаетъ полковникъ, не замѣчая, что его собесѣдникъ—простой драгунъ. Да и что до того, разъ онъ, этотъ драгунъ, сказалъ взволновавшія всѣхъ слова.

И то, что полковникъ генеральнаго штаба дѣловымъ тономъ, какъ равному-же, отвѣтилъ мальчугану драгуну—никого даже и подумать о курьезности этого краткаго разговора—не заставило.

Такъ въ извѣстныя минуты сглаживаются чины и положенія.

Приходитъ донесеніе о томъ, что нѣмцы силой около

двухъ ротъ, выбиты изъ мѣстечка Остроколенъ и отброшены далеко назадъ, съ большими потерями.

Лица у всѣхъ просвѣтлѣли. Значитъ, идемъ дальше...

1 августа.

Итакъ теперь, я „окрещенъ“ и смѣло могу назваться боевымъ офицеромъ.—Пріятно!

А главное—это сознаніе пережитаго тяжелаго испытанія, выдержаннаго съ честью, какъ-то подымаетъ нервы и заставляетъ немножко ребячливо кичиться своей „обстрѣлянностью передъ тѣми, кто еще не былъ въ огнѣ. А испытаніе было серьезное!

Сначала мы всѣ нервничали. Непривычно и жутко было глядѣть на эти мрачные столбы дыма, подымавшіяся надъ опустѣвшими прусскими деревушками, по мѣрѣ нашего приближенія къ нимъ.

Чьи-то умѣлыя и злобныя руки раскладывали костры изъ мебели и домашней утвари въ опустѣвшихъ комнатахъ два часа тому назадъ еще жилого дома; лихорадочно плескали на кучи брошенныхъ въ бѣгствѣ вещей керосиномъ и... черезъ двадцать минутъ высокіе дома, строенные въ однокирпичную стѣнку—горѣли съ трескомъ и свистомъ огня.

И жутко было проходить по улицамъ такой и мертвой и живой, въ одно и то же время, деревни.

Нерѣдко изъ оконъ горящаго дома трещали выстрѣлы и раненые глупой и трусливой пулей, отправлялись въ тылъ, въ лазареты, не дождавшись боя.

— Отцвѣли, не успѣвши расцвѣсть,—какъ шутливо сказалъ кто-то изъ раненыхъ такимъ-же выстрѣломъ офицеровъ.

Но сколько обиды таилось въ этомъ полушутливомъ, полуогорченномъ тонѣ!

Да и не глупо-ли?—Идти въ бой, и по дорогѣ попасть

подъ пулю агента-провокатора, какихъ много вертится въ этихъ мѣстахъ. Они имѣютъ задачу:—умѣлой провокаціей вызвать репрессіи на населеніе, съ нашей стороны и партизанскую войну, вызванную ими со стороны жителей...

Но, тѣмъ не менѣе, приходилось беречься при проѣздахъ черезъ деревни и мы чуть не насильно оттаскивали нашего генерала, ѣхавшаго во главѣ группы штаба, въ глубину ея, и старались ѣхать возможно безпорядочнѣе, чтобъ не попасть подъ караулящую офицера пулю.

А солдатъ не трогаютъ! Съ расчетомъ дѣйствуютъ!

Кое-кто изъ жителей, рискнувшихъ остаться на мѣстахъ до нашего прихода, потомъ со слезами, странными на взросломъ лицѣ, разсказывалъ намъ, что германское правительство обѣщаетъ всѣмъ своимъ подданнымъ, сжегшимъ свои дома и этимъ затруднившимъ и обозначившимъ, (дымомъ) прохожденіе нашихъ войскъ, громадныя субсидіи изъ имѣющейся въ виду контрибуціи съ русскихъ...

Какова наглость! Такъ и хотѣлось поскорѣе схватиться съ врагомъ.

Но прежде, чѣмъ сцѣпиться такимъ упрощеннымъ способомъ, приходилось за пять верстъ отъ прусскихъ траншей развертываться и двигаться цѣпями, врываясь въ землю при каждой остановкѣ и съ замираніемъ сердца, еще не привыкшаго къ неиспытаннымъ дотолѣ переживаніямъ, слушать, какъ надъ головами скрещивались, съ визгомъ и гуломъ прорѣзываемаго горячей сталью воздуха, незримые, колеблющіеся звуками разрывовъ, пути нашихъ и нѣмецкихъ снарядовъ, жадно нащупывавшихъ расположеніе батарей другъ у друга.

Начиналась артиллерійская дуэль и, откровенно говоря, люди всего хуже себя чувствовали именно подъ этимъ скрещивающимся визгомъ шрапнелей и гранатъ.

И понятно это вполнѣ!

Самимъ стрѣлять нельзя—далеко еще. Остается лежать, дѣлать маленькія перебѣжки и снова лежать бездѣятельно и томительно!

И ждать, что вотъ-вотъ, изъ одного такого дымнаго, неясныхъ очертаній, облачка, что съ гулкимъ и звенящимъ: „Бам-м-мъ!"—остановилось надъ головой, пролетитъ неслышно и незримо смерть и застанетъ лежащаго еще не выстрѣлившимъ ни разу.

И это сознаніе тяготило такъ же, какъ и ожиданіе пули въ спину при проходѣ селенія.

И когда послѣ двухъ часовъ едва замѣтныхъ бросковъ впередъ и впередъ, и послѣ непрерывнаго гула и скрежета горячихъ шрапнелей, въ этотъ нервирующій и пугающій невольно грохотъ влился методически спокойный (и, говоря откровенно, тоже жутковатый) трескъ пулеметовъ на нашемъ правомъ флангѣ, многіе крестились и вздыхали полно и свободно, широкой грудью.

— Ну, слава Богу, вылежали таки... Доползли! Теперь и намъ дѣло будетъ.

И съ дѣловитой нѣжностью спускали поставленные на предохранительный взводъ курки.

А черезъ полчаса артиллерійскіе выстрѣлы уже не нервировали. Было не до нихъ. Нужно было стрѣлять и чувство звѣря и охотника вмѣстѣ пересиливало инстинктъ самосохраненія и заставляло бѣшеными бросками двигаться все впередъ и впередъ, туда, гдѣ въ глубокихъ окопахъ копошились острые кончики, затянутыхъ въ хаки, касокъ и слышалась уже ясно (такъ было близко) ожесточенная ругань нѣмецкихъ офицеровъ, бранью вливавшихъ воинскій духъ въ своихъ волнующихся въ ожиданіи нашихъ штыковъ, солдатъ.

. . . .

Трусъ я или нѣтъ?—Какъ я выдержу первый бой?

Вотъ мысль, занимавшая умы многихъ въ тотъ день, когда нашъ отрядъ вплотную придвигался къ занятому нѣмцами Лыку.

Та же мысль была и у меня, когда я, получилъ приказаніе ѣхать для связи, къ начальнику головного отряда, двинулъ своего громаднаго, вороного мерина по взрытой колесами орудій широкой песчаной дорогѣ, шедшей сквозь лѣсъ, ближайшая къ нѣмцамъ опушка, котораго была уже занята нашими цѣпями, на штыкахъ вынесшими изъ лѣсу, нѣмецкія передовыя части.

Вечерѣло. Громадный, строевой лѣсъ напоминалъ родные сибирскіе лѣса, но вмѣстѣ съ тѣмъ дышалъ враждой. И линія желѣзной дороги, съ порванными паутинами телеграфныхъ и семафорныхъ проволокъ, уходившая куда-то въ глубь лѣса, вправо отъ шоссе, казалась ехидно притихшей и говорившей о чемъ-то жуткомъ.

По канавамъ обочинъ, подъ корнями гигантовъ-деревьевъ, справа и слѣва отъ дороги, прилегли густыя колонны резервовъ.

Люди притихли и угрюмо-дѣловымъ взглядомъ провожаютъ несущихся по дорогѣ всадниковъ.

— Гдѣ полковникъ Н...?

— Тамъ... Впереди...—Откликается голосъ изъ груды запряжекъ.

Дальше. Рѣдкій ружейный огонь, къ звукамъ котораго мы уже привыкли, становится близкимъ.

И насколько прежде онъ былъ для насъ, подъ нимъ не бывшихъ, мало говорящимъ, настолько теперь, когда мы ѣдемъ въ его сферѣ—онъ очень значителенъ и пробуждаетъ новыя, неизвѣданныя ощущенія.

Оглядываюсь на своихъ ординарцевъ. Тоже дѣловитыя до мрачности лица.

Поляна. Влѣво отъ дороги она тянется далеко въ глубь

лѣса. Зарево становится ярче. И верхушки деревьевъ по краямъ поляны четкими иглами рисуются на фонѣ длиннаго сѣро-краснаго неба.

Что это? Надъ головами, съ унылымъ свистомъ что-то проносится незримое...

Вотъ она—первая пуля!

Пока не страшно!..

Бородатый урядникъ—донецъ, мой старшій ординарецъ подъѣзжаетъ и говоритъ актерскимъ шопотомъ:

— В-діе, не слѣзать ли лучше? Изволите слышать?..

— Дѣйствительно, въ воздухѣ все чаще и чаще мелодичный звукъ:

— Тіу-у-у!.. Дзз!.. Тіу-у!

Въ этотъ моментъ слышимъ топотъ галопа и откуда-то сбоку, изъ лѣсу, выскакиваетъ группа всадниковъ.

— Полковникъ Н... здѣсь?—Спрашиваю я.—Я самый! откликается длинная фигура на крупной лошади.

Радостно подскакиваю къ Н... и докладываю все, что нужно.

Стоя на полянѣ группой изъ двадцати не меньше коней, мы представляемъ заманчивую цѣль для нѣмцевъ, но насъ спасаетъ густой лѣсъ и почти ночная темнота.

Но нѣмцы хитры! Они заранѣе вымѣряли разстояніе и знаютъ, что въ лѣсу имѣется большая поляна, (та, на которой мы сейчасъ стоимъ) они учитываютъ по времени и по нашей силѣ ружейнаго огня обстановку и рѣшаютъ, что пожалуй въ данный моментъ на этой полянѣ есть что-нибудь крупное.

И только что наши резервы, по приказанію Н***, подходятъ къ полянѣ, какъ влѣво отъ нея, саженяхъ въ двухстахъ, слышется звонкое: „бауммъ!" и искры всѣхъ цвѣтовъ загорѣвшись на мгновенье цѣлымъ снопомъ, гаснутъ въ воздухѣ. Лѣсъ гудитъ. Слѣдующая шрапнель рветъ вер-

хушку ели уже саженяхъ въ ста, а третья—саженяхъ въ сорока гремитъ уже надъ поляной.

Также и вправо отъ дороги, въ лѣсу все ближе и ближе къ намъ рвутся снаряды.

Становится не по себѣ.

Но пока даемъ себѣ точный отчетъ въ своихъ переживаніяхъ, седьмой снарядъ начинаетъ подъѣзжать къ намъ.

Подъѣзжать, именно, а не иначе.

Онъ колышетъ воздухъ и ясно слышно это колебаніе, похожее на взлетъ гиганта-голубя.

Уту-Уту—Уту-уту-у... И замолкаетъ надъ головой.

И только мы успѣли подумать о томъ, гдѣ же будетъ разрывъ, какъ надъ нами сверкнуло ослѣпительное, бѣло-синее пламя и трескучій ударъ сжалъ весь организмъ животнымъ страхомъ. И всѣ мы пригнулись къ сѣдламъ, какъ будто этимъ движеніемъ могли спасти себя отъ взгляда Смерти, ставшей неизбѣжно и величественно передъ нами Кони присѣли отъ удара.

Судя по звуку мы думали, что кругомъ все должно быть сметено этимъ адскимъ ударомъ, но...

Когда затихъ шорохъ падавшихъ пуль и вѣтокъ, ими сбитыхъ—всѣ оказались цѣлыми. Тѣмъ не менѣе, мы слѣзли съ коней и засѣли подъ толстыми соснами. И продолжали писать и дѣлать распоряженія подъ дикій грохотъ рвущихся одна за другой надъ поляной шрапнелей. А нѣмцы, какъ будто замѣтивъ насъ, дали, какъ на зло, по этому мѣсту двадцать три снаряда въ теченіи шести минутъ. И всѣ эти стальныя жала, въ пудъ вѣсомъ, осыпавшія насъ дождемъ вѣтокъ, раскаленныхъ осколковъ и горячихъ, крупныхъ пуль, за всѣ шесть минутъ оторвали только одинъ палецъ у высунувшагося изъ подъ дерева стрѣлка и убили ни въ чемъ неповинную лошадь и то

убили-то не сами, а обломкомъ дерева, сбитаго мощью разрыва и расколатаго въ щепы.

— Какое сегодня число? То ли второе, то ли первое... Съ этимъ боевымъ крещеніемъ—мы потеряли представленіе о времени... Какъ-то странно на душѣ. Она какая-то другая стала, не прежняя. Слишкомъ много пришлось пережить за эти два дня боя. И теперь, я, испытавшій ихъ, могу посовѣтовать каждому, кто не доволенъ жизнью, судьбой, сложившейся обстановкой—попасть хоть на минуту подъ огонь нѣмецкихъ шрапнелей. Ручаюсь, что всякое недовольство жизнью выскочитъ у него изъ головы и взамѣнъ появится яркое желаніе сохранить ее, эту драгоцѣнную жизнь... Появится особое просвѣтлѣніе духовное... Враги, мелкіе враги, какихъ много накапливается за нашу жизнь,—покажутся друзьями, а причины, иногда многолѣтней вражды,—шуткой. И когда онъ, этотъ обиженный жизнью человѣкъ, выйдетъ живымъ изъ подъ дождя свинца и стали,—онъ будетъ другимъ и научится многому.

Этимъ и хороша война. Она учитъ жизни. Всѣ мелочи ея, столь важныя въ мирное время—получатъ свою настоящую оцѣнку подъ этимъ вѣчнымъ голосомъ Смерти и станутъ пустяковыми, незначительными въ сравненіи съ жаждой жить, хоть какъ-нибудь, но жить...

Сегодня съ утра, въ нашемъ штабѣ кипитъ работа. Все время являются полковые командиры со своими адъютантами и представляютъ списки потерь и награждаемыхъ. Потери довольно крупныя, но только въ двухъ полкахъ. Въ остальныхъ, бывшихъ въ резервѣ, почти нѣтъ выбывшихъ изъ строя.

Зато въ той колоннѣ, въ которой мнѣ пришлось пробыть почти весь бой—выведено изъ строя четыреста тридцать человѣкъ. Убитыхъ много, человѣкъ тридцать. Большинство—раненые легко. Но порядочно и пропавшихъ безъ вѣсти.

Хотя съ послѣдними всегда путаница. Въ этомъ бою напримѣръ, офицеръ изъ полка, дѣйствующаго въ лѣвой сосѣдней, колоннѣ, попалъ къ намъ съ остатками своей роты и у насъ на позиціяхъ былъ раненъ въ ногу. Его отправили на нашъ перевязочный пунктъ, а сообщить, въ ту лѣвую колонну,—не могли, да и забыли. А на завтра послѣ боя, т. е. сегодня, полковникъ Ц***, въ спискахъ потерь его полка, помѣщаетъ этого офицера въ рубрикѣ „безъ вѣсти пропавшихъ". И Ц*** правъ; въ его лазаретѣ этого поручика не было. Гдѣ-же онъ? Я, видѣвшій отправку раненаго въ Бѣлостокъ, доложилъ, что Д***, (фамилія раненаго), не пропалъ вовсе, а уѣхалъ въ Бѣлостокъ, отправленный туда нашимъ перевязочнымъ пунктомъ.

И такъ нѣсколько человѣкъ отыскалось въ чужихъ лазаретахъ.

—Отобьются отъ своихъ частей и готово—„безъ вѣсти пропали".

Послѣ боя у всѣхъ какой-то особенный видъ. Даже не говорятъ о своихъ переживаніяхъ, Посмотрятъ другъ на друга двое, улыбнутся и обоимъ ясно, что они одинаково перечувствовали и пережили оба одно и то же. И появляется какое-то чувство сплоченности,—боевой дружбы".

Замѣчательно еще и то, что совершенно теперь, послѣ этого „экзамена", измѣнились взаимоотношенія старшихъ и младшихъ.

Нѣтъ былой суровости, частой въ мирное время и для поддержанія дисциплины необходимой. Теперь она, эта дисциплина, стала понятной; необходимость ея сознана каждымъ солдатомъ. А потому и не зачѣмъ вдалбливать ее.

Люди подтянулись духовно. Правда, щегольства нѣтъ. Да оно и невозможно теперь. Правда, есть маленькіе недочеты въ выправкѣ, но... Зачѣмъ оно теперь?

Важнѣе всего то, что солдатъ, отдающій вамъ честь, смот-

ритъ на васъ не тупыми, казарменными глазами, а какъ-то „по новому“. И въ его „понимающихъ“ глазахъ видно чувство товарищества съ офицеромъ.

Еще-бы! Вѣдь въ окопѣ не разъ офицеръ и прикуритъ у солдата, и прижмется къ нему, чтобъ потеплѣй было, и послѣднимъ кускомъ шоколада подѣлится.

Впрочемъ, до разныхъ „шоколадовъ“ наши стрѣлки не охотники.

— Это не для насъ!—говорятъ.

— Онъ намъ ни кчему,—щиколадъ-то...

Сегодня у насъ великолѣпный обѣдъ былъ.

Нашъ конвой—донцы, раздобыли гдѣ-то массу консервовъ съ нѣмецкими клеймами.

Съ „нѣмецкой стороны“, конечно!

Но такъ какъ вокругъ насъ все брошено, подожжено и все равно сгоритъ, то мы, съ чистой совѣстью, раскупоривали за столомъ и икру изъ помидоровъ и кильки и дорогихъ омаровъ.

Теперь выяснилось, что наша демонстрація къ Лыку и бой подъ нимъ, здорово напугала нѣмцевъ. Охватывавшія лѣвый флангъ Ренненкампфа силы отошли назадъ и кинулись на насъ, т. к. мы угрожали ихъ тылу.

Подъ давленіемъ этихъ силъ мы отошли къ себѣ, въ Граево, на укрѣпленныя позиціи.

Будемъ ждать дальнѣйшихъ событій.

Пора и спать. Кончу до завтра.

2 сентября.

Оказывается уже сентябрь наступилъ!

Сегодня утромъ, когда я вышелъ на дворъ, что-бы поставить на солнце печатаемыя карточки, меня поразило „лошадиное столпотвореніе“, происходившее тамъ.

Лошади всѣхъ мастей, типовъ и величинъ, были сведены на маленькую площадку за угломъ нашего зданія.

Что такое это?

Оказывается это нѣмецкія лошади.

Откуда?

А позабирали на поляхъ; брошены были...

Кѣмъ? Почему? Зачѣмъ и нѣтъ-ли тутъ чего подозрительнаго?

Ничего! Просто очевидно прусскіе разъѣзды, захваченные и окруженные нашимъ быстрымъ и энергичнымъ наступленіемъ, не смогли пробиться къ своимъ и побросали своихъ четвероногихъ „друвей“. А сами переодѣлись въ штатское, попрятались по подваламъ и куткамъ и затаились, выжидая удобнаго момента для прорыва.

Ихъ лошади, предоставленныя сами себѣ, бродили по полямъ и дружили съ брошеннымъ населеніемъ, коровами, свиньями, овцами и птицей. Всю эту живность мы захватили съ собой, въ плѣнъ.

Мой вѣстовой съ сіяющей физіей доложилъ мнѣ:

— Ваш-бродь, а я для васъ трехъ коней взялъ... Какой поглянется больше...

И дѣйствительно, выбралъ добрыхъ лошадей. На одной изъ нихъ, сѣромъ „Плѣнникѣ“ я много работалъ. Только сначала мы другъ друга не понимали, ибо нѣмецкая выѣздка нѣсколько отличается отъ нашей.

Многіе офицеры даже въ пѣхотѣ имѣютъ лошадей теперь.

Да что офицеры!

На улицѣ, у костела—цѣлый базаръ. Вернулись успокоившіеся теперь насчетъ нѣмецкаго нашествія жители и занялись своими дѣлами.

А такъ какъ населеніе Граево состоитъ почти исключительно изъ бѣдноты еврейской, то, конечно, ихъ постоянное

занятіе—это мелкая торговля, гдѣ товару на цѣлковый и барыша на пятакъ.

Теперь всѣ эти „купцы“ прицѣниваются къ лошадямъ, которыхъ навели на базаръ владѣльцы-солдаты; гвалтъ, крикъ, божба и ругань и терпкій запахъ затхлой грязи и чесноку надо всѣмъ.

Сегодня послѣ обѣда леталъ съ летчикомъ Н. въ сторону Лыка на развѣдку. Взяли съ мѣста большую высоту, что-бъ не попало отъ своихъ и, уже пролетѣвъ окопы, немного снизились.

Быстро принеслись къ Лыку. Снизились еще, ожидая въ то же время, что вотъ-вотъ откроютъ огонь откуда-нибудь. Дѣло въ томъ, что для ясной развѣдки необходимо опуститься ниже, а то плохо видно. А такъ какъ для безопасности мы летимъ на большой высотѣ и не видимъ до спуска, что дѣлается внизу, то можно совершенно нечаянно и неожиданно налетѣть на встрѣчу огнемъ.

Мы покружились надъ Лыкомъ. Тихо! Еще ниже... не стрѣляютъ! Тогда мы осмѣлѣли и почти проскребли по крышамъ, давши три круга надъ брошеннымъ городомъ.

Нѣмцевъ не было. Труповъ то же, кромѣ лошадиныхъ,—тѣхъ множество! Зданія кое-гдѣ тронуты нашими трехдюймовками. Окопы полукругомъ на западной окраинѣ города—глубоки и пустынны. Только кое-гдѣ торчатъ изъ темной сверху ямы разбитыя станины брошенныхъ орудій... Но почему тутъ пусто?

Беремъ направленіе на Летценъ. И черезъ часъ поле то подъ нами, въ вогнутой чашѣ бурозеленой земли, закопошились ползущія змѣи колоннъ. Это были нѣмцы. Какъ мы теперь поняли, они были въ Лыкѣ, небольшими силами и, испугавшись напора нашихъ штыковъ, очистили Лыкъ, что-бы отойти на свои спѣшащія къ нимъ, подкрѣпленія. И нашъ отходъ отъ Лыка, послѣ удачнаго боя, сталъ поня-

тенъ, когда мы увидѣли идущія къ Лыку громадной длины колонны.

Если-бъ мы заняли брошенный Лыкъ, нашъ фронтъ имѣлъ-бы длинный, но слабый выступъ и мы понесли-бы большія потери, совершенно зря.

Вернулись мы черезъ три почти часа, сдали въ штабъ свои свѣдѣнія и теперь я лодарничаю. Зато адъютантамъ—дѣла по горло!

На позиціи выдвинутъ одинъ полкъ и дежурная полевая батарея. Остальные всѣ стоятъ по домишкамъ и сараямъ въ Граево. Люди отдыхаютъ и ѣдятъ вдоволь нѣмецкую живность.

Сегодня за день поймали трехъ шпіоновъ. Повѣсили.

И откуда ихъ берутъ столько!

Куда ни плюнь—шпіонъ!

Наши лазареты пусты. Раненныхъ отправили по госпиталямъ внутрь Россіи. Убитые уже зарыты. Окровавленныя носилки, со слѣдами чужихъ страданій, выставлены сушиться на яркое солнце.

Погода насъ балуетъ пока...

3 сентября.

Совсѣмъ—миръ! Все тихо. Противникъ далеко и даже его разъѣздовъ нѣтъ поблизости. Утромъ сегодня Граево имѣло совсѣмъ мирный видъ. Всюду торговля. Догадливые „купцы“ придумали новый видъ торговли.

У открытыхъ дверей своихъ лачугъ, въ тѣни тополей и акацій уже золотыхъ совсѣмъ, они накрыли чайными приборами хромоногіе столики. Поставили около самовары. Притащили скамейки. На столикахъ разложили порціями дѣленный бѣлый, прѣсный хлѣбъ и грязноватый сахаръ. И вся улица превратилась въ первоклассный ресторанъ, (ко-

нечно, не по качеству его, а по количеству публики и ея оживленію).

Предовольные стрѣлки „барами" подходили къ столикамъ, выбравъ изъ многихъ одинъ, себѣ по вкусу. Садились и до отвала надувались чаемъ, выпивая по десять кружекъ подрядъ. Потомъ платили, отсчитывая за кружку чаю по 2 копѣйки, за кусокъ хлѣба—три копейки и за сахаръ—по копѣйкѣ—кусокъ. Потомъ снова шатались по улицамъ и, поддавшись на зазыванія другого „ресторатора", вновь садились, гордо и самодовольно оглядываясь вокругъ, за столикъ, что-бъ проглотить еще двѣ—три кружки, въ сотый разъ разбавленнаго въ чайникѣ, чая.

Помѣшалъ, аэропланъ. Конечно, прусскій. Зажжужалъ гдѣ-то въ синевѣ съ булавочную головку видомъ. Въ окопахъ затрещала стрѣльба. Бухнула, солидно и вѣско, трехдюймовка; за ней еще и еще... Повертѣлся ехидный „Таубе" и ушелъ на западъ, къ своимъ.

А къ вечеру еще два показались. Одинъ подбили. Летчики убились. Одинъ изъ нихъ, (ихъ было двое,) совсѣмъ не похожъ на нѣмца; по типу, скорѣе, итальянецъ. Лицо смуглое, смѣлое.

Даже стало жалко, этого незнакомаго покойника.

Получена сегодня телеграмма о моемъ переводѣ въ строй, куда я началъ проситься еще въ концѣ іюля. Полкъ мой, (хотя и незнакомый мнѣ совершенно, но все-же „мой"!)—гдѣ-то въ Австріи.

Но сейчасъ ѣхать туда—цѣлое кругосвѣтное путешествіе будетъ, особенно принимая во вниманіе повсемѣстное нарушеніе правильнаго движенія поѣздовъ. Генералъ предложилъ остаться пока у него. Остаюсь!

4 сентября.

Съ утра до полдня и съ полудня до ночи—миръ и по-

кой. Даже „Таубе“ пропали гдѣ-то. Затишье передъ грозой, пожалуй.

5 сентября.

Ну, такъ и есть! Сейчасъ уже часъ ночи, а мы со вчерашнихъ двухъ часовъ утра на ногахъ. Только легли— трещатъ телефоны. И какъ-то особенно тревожно, по недоброму.

Кинулись къ нимъ. Доносятъ съ позицій, что на линіи желѣзной дороги, на нашу заставу налетѣлъ блиндированный автомобиль съ двумя прусскими офицерами и десяткомъ солдатъ. Дьявольская машина проскочила въ глубь нашихъ позицій, но на окопахъ резерва перевернулась, налетѣвъ на засѣку. Нѣмцы отчаянно дрались, но все же одного офицера удалось взять живымъ. Его привели къ намъ. На допросѣ—молчитъ, но смотритъ побѣдоносно, очевидно что-то знаетъ о большой пакости, готовящейся ими намъ.

Такъ ни слова и не добились отъ него.

Пока ликвидировали эту исторію, наши секреты открыли приближеніе нѣмецкой пѣхоты.

Завязался бой. Черезъ часъ враги отошли куда-то въ глубь темноты и лѣса. Приказано было усилить дежурный отрядъ на всякій случай.

Въ пять часовъ утра на флангахъ нашего расположенія появилась вновь пѣхота противника. Но очевидно была своевременно и дружно встрѣчена нами и затихла.

Прибылъ спасшійся казакъ изъ захваченнаго нѣмцами разъѣзда.

Еле-еле прорвался; весь въ грязи и крови. Лицо—полушальное. Видно, что много передумалъ и перенесъ за тѣ минуты, пока взмыленный и раненный въ шею дончакъ, уносилъ его отъ гикающихъ и стрѣляющихъ нѣмцевъ.

Шинель въ трехъ мѣстахъ, какъ чѣмъ-то острымъ проткнута—такъ мѣтко били прусскія винтовки...

Докладываетъ генералу, а голосъ и слова путаются.

У нѣмцевъ большія силы подходятъ. Здѣсь, – около насъ ихъ пока немного, не больше бригады, но въ Лыкѣ уже сегодня съ вечера стоятъ двѣ дивизіи пѣшихъ и полкъ конницы. Орудій „подходяще"—т. е. батарей шесть, если не больше. Но видѣли шесть.

Въ мѣстечкахъ у границы, брошенныхъ нѣмцами уже давно, появились жители—нѣмцы. Зря не появятся; очевидно разсчитали, что теперь безопасно можно вернуться. Отсюда выводъ—нѣмцы наступаютъ большими силами и бьютъ навѣрняка. Если-же это наступленіе было-бы лишь демонстраціей,—населеніе бы не вернулось на свои сожженныя поля.

Всю ночь и до поздняго утра некогда было стаканъ чаю проглотить—такъ работали, принимая мѣры къ улучшенію и усиленію упорной обороны. Днемъ былъ коротенькій бой нашихъ развѣдочныхъ частей, опредѣлявшихъ боемъ силы и намѣренія противника. Вышло, какъ мы ночью и думали; по излюбленной своей манерѣ нѣмцы затѣвали охватъ нашихъ фланговъ и заманивали насъ на свою средину, скрывая за ней сильныя укрѣпленія, заранѣе сдѣланныя и маскированныя. Если бы ночью нашъ отрядъ неосторожно аттаковалъ отходившихъ нѣмцевъ, они потянули-бы его на свои блиндажи и сдавили съ фланговъ. И по всей вѣроятности на плечахъ-бы у остатковъ нашего полка ворвались въ Граево. Вотъ что значитъ осторожность и обдуманность, профанами принимаемая за слабость.

Къ вечеру бой окончился; и мы и нѣмцы затаились въ своихъ окопахъ. Наши летчики опредѣлили силы нѣмцевъ противъ насъ не менѣе двухъ корпусовъ! Ну, что-жъ! Посмотримъ, что дальше будетъ. А стрѣльба опять началась.

Дрожатъ стекла въ рамахъ. Въ буфетѣ звенятъ молочники, стаканы и рюмки. Населеніе выметается изъ поселка. Недолго поторговали! Несутъ на вокзалъ раненныхъ. Тамъ въ залѣ второго класса, горятъ снятые съ вагоновъ фонари, ибо электричество не работаетъ.

На полу, въ полусумракѣ, копошатся на кучахъ свѣжей и такой душистой соломы, раненые. Такіе же бредутъ по путямъ, спотыкаясь о рельсы. А на западѣ горизонтъ пылаетъ кострами и разсѣиваетъ заревомъ наступающую рано темноту. Началась артиллерійская дуэль. Значитъ нѣмцы готовятъ атаку. Вся дивизія ушла на позиціи. Нашъ штабъ, in corpore, собирается туда же...

Вещи и все наше имущество останется здѣсь, съ деньщиками и навѣрное уйдетъ въ д. Р*** за 8 верстъ назадъ отсюда, вмѣстѣ съ отодвигаемыми для безопасности обозами.

Съ собой мы не беремъ ничего. На сколько времени мы ѣдемъ — кто скажетъ!

Бой можетъ рѣшиться сегодня же,—а можетъ растянуться и на недѣлю...

У сѣделъ—„непромокайки", т.-е. плащи изъ брезента и виксатина. Въ кобурахъ—шоколадъ и сухари. Вода вездѣ будетъ.

Правда въ автомобилѣ, который ѣдетъ на позиціи вслѣдъ за нами, есть кое-что, но... доберись-ка до него во время боя.

Прощайте пріютившія насъ чужія, но уютныя комнаты! Быть можетъ... Тьфу, зачѣмъ думать объ „этомъ"... Суждено умереть—такъ умремъ, а заранѣе плакаться,—только нервы портить... А они будутъ нужны теперь... Иду, иду!

11 сентября.

Ну, сегодня кажется будетъ тихо... Да и пора уже! Вѣдь пятыя сутки идетъ бой. Сейчасъ стрѣльба стала лѣнивой и

рѣдкой. Впрочемъ еще вчера съ вечера она начала затихать, будто-бъ сама по себѣ, независимо отъ хода боя. И въ этихъ отрывочныхъ перестрѣлкахъ быстро вспыхивавшихъ и такъ же быстро затихавшихъ, чуствовалась общая, массовая и неодолимая усталость, постепенно охватывавшая тѣ десятки тысячъ еще уцѣлѣвшихъ людей, что толклись здѣсь напрягая всѣ свои силы, подрядъ четверо сутокъ..

Четверо сутокъ, какъ пьяные въ дверь, ломились нѣмцы въ узкій перешеекъ суши между болотистыхъ береговъ рѣки Бобра. И четверо сутокъ запирали своими тѣлами этотъ перешеекъ наши желѣзные стрѣлки. Они еще въ Артурѣ научились этой каменной неподвижности, о которую разбивались вдребезги полки и бригады рослыхъ нѣмцевъ. Но эта неподвижность не была мертвой и часто, когда выхлынувшія изъ своихъ окоповъ волны сѣрыхъ нѣмецкихъ шинелей начинали хлестать по брустверамъ нашихъ окоповъ,—скуластые, съ увѣренными зоркими глазами, сибиряки, неожиданно кидались въ такую мощную контръ-атаку, что черезъ четверть часа кипѣвшій свалкой и движеніемъ промежутокъ между ихними и нашими окопами—стихалъ, весь устланный разбитыми и распоротыми тѣлами. Въ этихъ аттакахъ всѣ дерущіеся убѣдились въ исключительной способности нашего солдата—драться грудь на грудь,—штыкомъ. И въ то время какъ здоровенный и длинный пруссакъ нелѣпо размахивалъ въ стороны тесакомъ—штыкомъ, обращая его въ рубящее оружіе,—нашъ маленькій коренастый и скуластый, даже не стрѣлокъ—«стрѣлочекъ»,—угремъ проскальзывалъ подъ сверкающимъ кругомъ этого тесака и ловкимъ, хладнокровнымъ взмахомъ вгонялъ свой четырехгранный штыкъ — стилетъ въ незащищенную грудь нѣмца. Такъ же коротко выдергивалъ и, оставивъ обалдѣвшее, падающее тѣло, кидался къ другому, ловкимъ взмахомъ приклада отбивая ударъ сбоку.

Въ ежедневныхъ штыковыхъ бояхъ все шло въ ходъ. Давали другъ другу подножки, хватали за горло и валили подъ себя, били по кричащимъ ртамъ обломками дерева и рукоятками револьверовъ. И, шатаясь какъ пьяные, съ невидящими отъ горячаго, краснаго тумана, глазами, снова ложились въ сырые окопы и ждали новой аттаки...

Бывало, когда нѣмцы, подготовляя аттаку, уже очень сильно начинали заливать насъ свинцомъ, развивая ураганный огонь, стрѣлки не выдерживали и какъ камнями швырялись во внезапную аттаку. А такъ какъ до вражескихъ окоповъ было близко, то нѣмцы мгновенно прекращали огонь, чтобы успѣть привинтить штыки для встрѣчи нашихъ.

А наши, напугавъ и прекративъ ненавистный и жуткій огонь нѣмцевъ, снова ложились въ свои окопы, потѣшаясь надъ поневолѣ притихшими нѣмцами. А тѣ ругались и снимали штыки, чтобъ продолжать огонь.

На всякаго мудреца—довольно простоты! Нѣмцы, приготовившіе на изумленіе и страхъ всему міру свои чудовищныя, знаменитыя мортиры въ шестнадцать дюймовъ,—упустили изъ виду совершенно, что ихъ штыкъ негоденъ для боя. Одѣтый на винтовку, онъ мѣшаетъ стрѣлять, а снятый—заставляетъ опасаться внезапной аттаки противника.

Вотъ тебѣ и идеальная армія!

Вообще теперь у насъ приливъ бодрости. Мы видимъ, что хваленые нѣмцы не такъ страшны, какъ ихъ долго малевали повсюду. Правда, они дерутся звѣрьми, но... не въ одиночку! И часто они идутъ въ аттаку вдребезги пьяные и понукаемые сзади пощечинами лейтенантовъ...

Да вотъ и теперь. За четверо сутокъ мы не уступили имъ ни пяди. Правда, все время колыхались, то мы отодвинемся, то они отойдутъ. Но вотъ теперь, когда затихаетъ уже бой—результатами своихъ аттакъ нѣмцы похвалиться не могутъ...

Но до чего-же мы устали за эти дни!

И какъ хороша жизнь, и какіе мы недалекіе людишки! Вѣдь вотъ только теперь, послѣ того, какъ стихла четырехдневная бойня,—мы начинаемъ ощущать ярко, всѣмъ существомъ своимъ, что значитъ жить!

Какое значеніе имѣютъ всѣ эти незамѣтныя на взглядъ и привычныя мелочи, на которыя въ мирное время мы не обращаемъ вниманія. Ну, что такое - умываніе! И вотъ сейчасъ, когда лицо заскорузло подъ слоемъ налипшей грязи и пота; когда руки, обвѣтрившіяся и потрескавшіяся отъ мокроты и грязи,—болятъ—это умываніе—большое наслажденіе. И душистое (еще изъ Россіи) мыло такъ и ласкаетъ взглядъ...

А возможность ходить не согнувшись, во весь ростъ, не боясь пули? Вѣдь это-же наслажденіе, понятное только для гнувшихся въ теченіи девяноста двухъ часовъ спинъ...

Когда я перемѣнилъ смокшую и ставшую коробомъ одежду и бѣлье,—я точно въ рай попалъ.

И страшно захотѣлось спать—до того сразу-же разнѣжилось усталое тѣло.

Нѣтъ, хороша жизнь! И война учитъ ее любить.

Сейчасъ у насъ доброе и жизнерадостное настроеніе. Правда, немного попортили его принесенные въ штабъ адъютантами полковъ списки потерь, въ которыхъ порядочно знакомыхъ близко, еще вчера живыхъ именъ... Но что дѣлать! Мы привыкли какъ-то. Машинально крестимся, когда читаемъ знакомое имя въ спискѣ убитыхъ и даже... (да проститъ насъ, Боже) вспоминаемъ порой съ грустью:

— Эхъ! Плакали мои двадцать пять рублей, взятыя покойникомъ на дняхъ еще, до двадцатаго. Да. Привыкли. А впрочемъ и дѣйствительно, о чемъ горевать? Сегодня онъ, завтра, а то и сегодня-же къ вечеру и я за нимъ, въ братскую могилку... Мы здѣсь всѣ равны—и живые и мертвые.

Только мертвымъ спокойнѣе и, навѣрное, подъ землей теплѣе...

12 сентября.

Сегодня отошли съ позицій. Приказано. Мы всѣ будто озвѣрѣли—до того прицѣпились къ этому кусочку земли подъ нами... Люди въ окопахъ стрѣляли, вопреки своему обыкновенному добродушію, съ какой-то мрачной озлобленностью.

Раненые, очнувшись на перевязочномъ пунктѣ, первымъ долгомъ спрашивали: —

— А что нѣмецъ шибко претъ? Наши не отстали?

Когда пришло приказаніе отойти, намъ казалось что бой выигранъ нами и потому на насъ это приказаніе повліяло ужасно скверно... Генералъ сѣлъ и заплакалъ...

Полковникъ, мрачный, съ крѣпко сжатыми губами, бѣгалъ взадъ и впередъ по полянкѣ и мялъ судорожными жестами свои руки.

Но... наше дѣло было исполнить приказаніе и мы, не добравшись, отошли. Зачѣмъ, мы не знаемъ, но предположимъ, что на насъ ужъ очень большія силы засѣли. Тамъ-то, вверху, виднѣе.

Но вотъ объяснить отходящимъ солдатамъ цѣль отхода—мы не могли, ибо сами ее плохо знали. И со смущеніемъ избѣгали вопроса.—

— А што, Ваш-бродь, пошто это насъ назадъ повели?

Приходилось отвѣчать:

— Такъ, братъ, надо. Тамъ, начальство, лучше насъ знаетъ, что дѣлаетъ.

И солдатъ соглашался.

— Это тошно, што ему виднѣе... Да больно ужъ отходить совѣстно полячишковъ-то... Разграбятъ ихъ нѣмцы...—вырывалось у него.

И его психологію бойца за свою землю, была проста и резонна и не вязалась въ умѣ со стратегическими задачами.

Впрочемъ, они молодцами! Оригинально, что когда мы дрались на „нѣмецкой сторонѣ“, они, эти желѣзные стрѣлки, дрались храбро, но добродушно. И бывало, когда подъ нащупывающее дуло его винтовки подвертывалась длинновязая фигура нѣмца, онъ шепталъ, стрѣляя:

— Эхъ, ты нѣмчура... Ну, чего на пулю лѣзешь.

— А тутъ, въ послѣднихъ бояхъ, когда остервенѣлая волна сѣрыхъ фигуръ хлестала черезъ бруствера ихъ окоповъ и плыла съ нестройнымъ гамомъ на наши окопы, размахивая оружіемъ—наши „бородатыя дѣти“ желѣзной стѣной вырастали навстрѣчу и шли въ такую мощно-злобную контръ-аттаку, что ее не могли остановить даже пулеметныя струи и нѣмцы, оставивъ между нашими и своими окопали кучу исковерканныхъ штыками тѣлъ,—кидались назадъ.

И чуть не арканами ловить и сажать въ окопахъ приходилось озвѣрѣлыхъ, порывающихся впередъ солдатъ.

Вотъ что дѣлаетъ защита „своей стороны“.

Да иначе и не можетъ, впрочемъ, быть. Народъ землепашецъ, кормящійся своей полосой, особенно ярко долженъ ненавидѣть врага, вступившаго на такую-же, сосѣднюю, но все равно „нашу полосу“.

13 сентября.

Вчера было попалъ въ „переплетъ“.

Послали снять маленькую, но важную схемочку, на нашемъ правомъ флангѣ и нѣсколько впереди его.

Днемъ было опасно. Лѣса вокругъ кишатъ прусскими драгунами и они, конечно, не позволи ли бы намъ это продѣлать.

И вотъ вчера съ вечера я уѣхалъ съ тремя бородаты-

ми донцами-ординарцами. Къ сожалѣнію, это были люди третьеочередного, т. е. запасного полка. Почему къ сожалѣнію, сейчасъ поясню.

Благополучно мы выбрались изъ лѣса; тамъ, на опушкѣ оставили коней съ однимъ казакомъ. А я, съ двумя, пошелъ на тѣ высоты, которая мнѣ надо было изслѣдовать. Съёмка ночью почти невозможна и мнѣ нужно было только опредѣлить степень проходимости болота передъ ними, что я могъ сдѣлать и въ абсолютной темнотѣ. Быстро прошли; заломали вѣтки по дорогѣ. Высоты были не заняты противниками и надо было торопиться домой съ этимъ важнымъ извѣстіемъ. Добрались до коней. Сѣли и тронулись назадъ.

Ночь была лунная, но немного пасмурная и луна вылѣзала поглядѣть на насъ лишь изрѣдка. Лѣсъ молчалъ и что-то думалъ важное и спокойное. Съ болотъ тянуло землистой, влажной сыростью и пряной зеленью болотныхъ травъ. Чистый воздухъ осенней ночи такъ и лился въ жадно дышащія легкія...

И какъ-то трудно все это вязалось съ представленіемъ о войнѣ. Нелѣпымъ казалось, что вотъ мы, живые, бодрые, сильные люди, ходко ѣдемъ по ночному лѣсу; наслаждаемся свѣжей прохладой, смолистой и бодрящей нервы. И вдругъ—огонекъ изъ-за куста, короткій стукъ и все, понимаете, все: небо, луна, красивыя, сонныя группы деревьевъ, мягкая, влажная дорога, крикъ коростеля на болотѣ и свѣтъ гнилушекъ на старыхъ пняхъ—все исчезнетъ. Будетъ—неощущаемымъ мною, ненужнымъ для прерванной жизни.

И вдругъ, будто-бъ въ pendant этимъ мыслямъ,—слѣва отъ дороги, въ лѣсу, судя по силѣ звука саженяхъ въ стахъ отъ насъ, стукнулъ выстрѣлъ. Другой, третій и посыпались, какъ дробь.

Въ первый моментъ мелькнула мысль:

— По комъ это? Но взвизгнувшаяся рѣзко пуля—сдѣлала вопросъ нелѣпымъ.

Спасеніе въ быстротѣ... Наши недалеко...—Прошелъ готовый рецептъ въ головѣ и само собою вырвалось:—

— Въ карьеръ... Марш-маа-аршъ!

Татата татата-татата,—посыпалась дробь уходящихъ во весь махъ копытъ.

А сбоку—все:

— Тукъ... Тукъ-тукъ... Тукъ...

Вздрогнулъ конь. На ходу, какъ-то странно передернулось мощное, быстрое тѣло... Валюсь!

Ударъ по всему тѣлу оглушилъ. Руки врылись въ сырой песокъ и больно хрустнули плечи.

Вскочилъ—все цѣло! Конь храпитъ,—лежитъ на боку.

— Ахъ, черти! Конь-то добрый...

А по дорогѣ все дальше уходитъ стукъ копытъ, подгоняемыхъ „козьими лапами", донскихъ маштаковъ.

Кричу, забывъ осторожность.

— Стой-й! Стой!! Куда тамъ!

И вотъ на дорогѣ—я одинъ... Ночь. Павшій конь у ногъ и гдѣ-то по мнѣ кто-то мѣтится и трехъугольная мушка нащупываетъ контуръ моей фигуры. Два выстрѣла, уже по мнѣ, это ясно, прекращаютъ мое „обалдѣніе".

Бѣгу къ канавѣ у обочины шоссе. Она полна воды. Щепочки и пѣна крутятся въ полусвѣтѣ дымчатой луны.

Неужели въ эту грязь лѣзть? Бр-р!

А не свои-ли это стрѣляютъ? Бываетъ такъ, что и свои заставы обстрѣливаютъ ворочающіеся разъѣзды. Да и немудрено! Лѣсъ вокругъ. Жутко и темно. Шорохи непонятные вокругъ ходятъ... Закачался кустъ вдали...—Не нѣмецъ-ли ползетъ... Впились руки въ шейку приклада и указательный палецъ ищетъ собачку... Появилась луна на минуту и причудливые, скользящіе блики пробѣжали по спя-

щимъ пнямъ и кустамъ впереди... Жутко молодому солдату на посту... Нервы натягиваются все больше. Вотъ что-то ухнуло вдали... А настороженное тѣло такъ и пронизало—приподняло въ оборонительномъ положенiи... Кажется, крикни кто сейчасъ сзади, ткни подъ мышку—и... такъ и заоретъ съ испугу на весь лѣсъ... И вотъ въ этотъ-то моментъ топотъ курьера на дорогѣ впереди.

— Нѣмцы!! — Бац-цъ! — грохнула винтовка и сама застрѣляла, будто бы. Куда онъ стрѣляетъ, зачѣмъ, — есть-ли смыслъ въ его выстрѣлахъ—солдатъ не знаетъ... Просто, пока гремитъ винтовка, ему не страшно...

Вы скажете трусъ? Нѣтъ! Онъ звѣремъ бился на штыкахъ вчера... Но то было днемъ, то было при громкомъ «ура», то была аттака..

А въ лѣсу, ночью—можно струсить невольно.

Выбѣжала изъ ближайшей лощинки вся застава.

— Что ты? По комъ?

— Вонъ, драгуны... Нѣмцы... Самъ видѣлъ—убѣжденно откликается часовой.

И въ результатѣ, часто по пустому мѣсту, сухо щелкаютъ винтовки. А бываетъ, что изъ-за такой перестрѣлки и бой загорается..

Вотъ на основанiи быстро мелькнувшихъ въ головѣ этихъ соображенiй я и крикнулъ на удачу:—

— Эй, вы,—чего же вы по своимъ дурачье, стрѣляете?— Наудачу. Свои такъ замолчатъ, думаю.

Какъ заговорили винтовки по мнѣ! Какъ я въ канавѣ очутился по грудь въ водѣ — самъ не знаю. Вода залѣзла злымъ врагомъ въ сапоги, подъ одежду...

И вотъ, хотя я и не зналъ куда и по кому стрѣлять,—но все же я выхватилъ браунингъ и началъ пускать пулю за пулей, просто на выстрѣлы. И когда рѣзко и четко хлопнулъ мой первый выстрѣлъ,—мнѣ стало спокойнѣе и чув-

ство беззащитнаго животнаго подъ градомъ дроби, исчезло. Отстрѣливаясь, я началъ „отступать" вдоль по канавѣ. Весь съежившись, по грудь въ водѣ, увязая въ глинѣ, я пробирался въ направленіи къ нашему биваку.

Выстрѣлы сзади смолкли. Тогда я выскочилъ изъ канавы и пошелъ уже по дорогѣ. Вдругъ навстрѣчу человѣкъ пятнадцать стрѣлковъ.

— Откуда вы и куда—братцы?—Да мы ходили въ развѣдку за правый фланокъ—отвѣчаетъ смышленный старшій.

— А теперича идемъ въ сторожевые.

— А гдѣ оно?

— Да „впередѣ". Что за чортъ? Значитъ свои стрѣляли? Не можетъ быть! Очевидно разъѣздъ нѣмецкій путается тутъ гдѣ-нибудь, пробравшись сквозь „сторожовку"...

— Слушайте, ребятишки, вамъ холодно; погрѣться хотите?

— Гы—Гы...—принимая за шутку, весело гыкаютъ стрѣлки.

— Ай-да нѣмцевъ ловить.

Посвящаю ихъ въ происшедшее и въ свой планъ.

Развѣдчики одобрили единогласно.

Мы быстро дошли до того мѣста, откуда меня обстрѣливали. И рѣдкой цѣпью раскинувшись, стали пробираться по лѣсу.

Чу? Что это... Шорохъ... Конь фыркнулъ.

И вдругъ дикій, перепуганный крикъ:

— Halt... и вслѣдъ за нимъ еще болѣе испуганный—Russen!!

— Бей ихъ! Ура!—Затрещалъ бой. Луна куда-то къ черту завалилась, какъ на зло и настала въ лѣсу такая тьма, что разобрать гдѣ кто кого нашелъ и бьетъ, сколько нѣмцевъ, гдѣ моя цѣпь остальная, кромѣ трехъ идущихъ за мной людей—было положительно невозможно.

Черезъ десять минутъ обстановка выяснилась. Мы натк-

нулись на схоронившійся въ болотистомъ овражкѣ маленькій разъѣздъ, человѣкъ въ двѣнадцать. Нѣмцы неожидали, что ихъ такъ скоро откроютъ и потому наше нападеніе ихъ деморализировало. Пятеро остались подъ штыками на мѣстѣ. Остальные бросились кто-куда.

За ними побѣжали мои развѣдчики. Лошадей нѣмцы побросали всѣхъ. Только одинъ отчаянный драгунъ попытался продраться сквозь лѣсъ на дорогу верхомъ, а не въ поводу.

Конечно, лошадь упала въ яму и его придавила, но не сильно, ибо когда мы вчетверомъ побѣжали къ нему, онъ встрѣтилъ насъ револьверными пулями, поднялъ лошадь пинкомъ ноги въ животъ, вскочилъ въ сѣдло и хотѣлъ скакать снова; но мы перебѣгали за деревьями и не выпускали его изъ овражка, желая взять его живымъ.

Но въ отвѣтъ на наши предложенія онъ плевался, какъ бѣшенный котъ и стрѣлялъ по нашимъ тѣнямъ. А лошадь его запуталась окончательно въ болотистомъ кустарникѣ и стала на мѣстѣ. Слышно было, какъ пыхтѣлъ сердито всадникъ и что-то бормоталъ про себя. Обращаюсь я къ стрѣлкамъ и шепчу:—

— Кто отличный стрѣлокъ—жгите его по рукѣ, только полегче, въ брюхо не всадите.

— Сейчасъ—шепчетъ одинъ, скуластый сибирякъ.

— Бамъ!—Пруссакъ выругался, а мы кинулись на склонъ овражка и окружили его.

Онъ сидѣлъ на замученной лошади и трясъ правой рукой передъ собою. При нашемъ приближеніи онъ медленно слѣзъ съ коня и ждалъ насъ. Мы подняли его тяжелый револьверъ, выпавшій изъ пробитой руки.

Тогда онъ мрачно посмотрѣлъ на насъ и вдругъ рѣшительнымъ жестомъ, снялъ лѣвой, здоровой рукой каску съ

головы, швырнулъ ее на землю и съ сердцемъ пнулъ ногою, съ досадливо-укоризненнымъ возгласомъ:—

— Эхъ, Вильгельмъ! Вильгельмъ!

— Это было такъ неожиданно и такъ искренне вырвалось у него,—что плѣнникъ сразу же расположилъ къ себѣ солдатъ. Они ободряли его:—

— Не бойсь, не съѣдимъ, бѣлобрысый... А это ты правильно... Присягу свою сполнялъ во всю, кабы не сдурилъ съ конемъ, ушелъ-бы... А сbooво Ваську тоже правильно, потому, кабы не онъ—сидѣлъ-бы ты дома у себя чичасъ, да жену щипалъ...

— Да, будь онъ проклятъ!—вырвалось чисто по русски у плѣнника. Мы обомлѣли.

Онъ оказался полякомъ изъ Познани, долго жившимъ въ Россіи и только съ войной изъ нея выѣхавшимъ. Стрѣлки приняли горячее участіе въ его плачевной судьбѣ и, пока мы шли до Штаба, подружились съ нимъ во всю.

Въ штабѣ я всѣхъ нашелъ какими-то опечаленными съ перваго взгляда. Но только съ перваго, такъ какъ со второго они всѣ сорвались съ мѣстъ и кинулись къ мнѣ:—

— Да вы цѣлы?

— Не только я цѣлъ, но и плѣнника привелъ, говорю.

А что-же эти мерзавцы прискакали и наврали, что васъ убили и что васъ изъ подъ огня вынести нельзя было?

Я разсказалъ, какъ убѣдительно я оралъ «стой»!

Трусовъ ординарцевъ поставили сегодня «подъ шашки», а старшаго изъ нихъ, урядника, разжаловали.

Мой плѣнникъ далъ намъ, очень охотно, между прочимъ, цѣнныя и подробныя свѣдѣнія. По его словамъ, противъ насъ наступаетъ особый отрядъ, очень большой; идетъ онъ брать крѣпость Осовецъ. Сначала всѣ шли вмѣстѣ подъ командой генерала Гинденбурга, а вотъ три дня уже, какъ раздѣлились и главныя силы, какъ говорили среди офице-

ровъ въ прусскомъ отрядѣ,—пошли брать городъ Петербургъ, уже осажденный, якобы, нѣмецкими дессантами высаженными въ Финскомъ заливѣ.

Плѣнникъ, это было видно, не вралъ, а просто по принятому въ прусской арміи обыкновенію, солдатъ морочили, якобы совершенными уже побѣдами, для ободренія духа.

Такъ, напримѣръ, было; при каждой дѣйствующей арміи у нихъ печатается газета для солдатъ. Но для каждой арміи своя. Причемъ держатся доморощенные редакторы такой системы—въ южной, допустимъ арміи, пишутъ про побѣды сѣверной, сосѣдней. А въ той,—наоборотъ. И солдаты южной арміи серьезно убѣждены, что ихъ сѣверные коллеги уже подъ Петроградомъ. Ну, а тѣ—что южане уже подъ Одессой. И бѣдные нѣмчики задираютъ носъ даже въ плѣну и говорятъ гордо:—

— Все равно выпустите, какъ Петербургъ вашъ падетъ. И смѣхъ и грѣхъ съ ними!

Сегодня, лежу отдыхаю. Слегка простудился вчера, проходивши всю ночь въ мокромъ до ниточкѣ бѣльѣ и платьѣ. Теперь сушусь и грѣюсь.

Снаружи мѣховымъ одѣяломъ, внутри—асперином. Пора спать. Авось Богъ пошлетъ тихую ночь. Что, если-бъ всѣ бои днемъ бывали... Хорошо-бы!

15 сентября.

Кажется сегодня пятнадцатое... А впрочемъ, не ручаюсь. При такомъ положеніи—не мудрено и счетъ потерять текущимъ днямъ.

До сихъ поръ я умудрялся все-таки писать въ относительномъ покоѣ. Сейчасъ же—идетъ бой. Мнѣ и моимъ ординарцамъ работы почему-то сегодня мало. Вчера зато весь день носились по всѣмъ направленіямъ...

Впереди, въ верстѣ отъ того мѣста, гдѣ лежали въ лѣсу

мы,—нѣмцы пытаются выковырять насъ штыками и огнемъ съ окраины разбитаго въ дребезги селенія. Огонь сильный, но прерывистый какой-то. Должно быть для перебѣжекъ, что часто дѣлаютъ нѣмцы. У насъ, наоборотъ, вовремя перебѣжекъ впередъ, нарочно развиваютъ адскій огонь.

Мы принуждены дать дорогу на Осовецъ нѣмецкимъ корпусамъ и отошли къ сѣверу. А нѣмцы жмутъ нашъ лѣвый флангъ, стараясь одновременно и отбросить насъ возможно дальше отъ дороги, чтобы обезпечить свой лѣвый флангъ и прижать насъ къ оперирующимъ сѣвернѣе насъ своимъ силамъ, лѣзущимъ черезъ Августовскіе лѣса, судя по всему къ Сувалкамъ.

Если обращать вниманія на всѣ мелкія стычки съ небольшими партіями нѣмцевъ,—то во первыхъ выходитъ, что мы деремся чуть-ли не десятый день подрядъ, и что нѣмцы проникли всюду—и на флангахъ и въ тылу; все время полкамъ приходится мѣнять позиціи и вести бой въ проголодь. Гдѣ найдемъ теперь наши обозы! Вокругъ много германской конницы и держать обозы при себѣ—нельзя; они отодвинуты назадъ. Со стороны Осовца слышенъ глухой гулъ; тяжелая артиллерія должно-быть бьется. Кстати, о ней. Въ послѣдніе дни пруссаки неоднократно посылали намъ свои восьмидюймовые подарки. Даже люди съ желѣзными нервами, съ трудомъ владѣютъ собой, когда около происходитъ разрывъ. Сначала слышенъ гулъ полета и, вдругъ земля будто бы харкнетъ вверхъ бурымъ пламенемъ, сизой тучей дыма, осколковъ и камней. Грохотъ разрыва въ десяти саженяхъ,—положительно невыносимъ.

Человѣкъ на мгновеніе теряется совершенно. Не слышитъ, не видитъ и не чувствуетъ ничего, весь поглощенный этимъ тысячепудовымъ грузомъ звука.

Часто такіе разрывы, не причиняя прямого вреда своими осколками, рвутъ своимъ гуломъ барабанныя перепон-

ки, вышибаютъ сотрясеніемъ воздуха глаза и заставляютъ расходиться черепные швы. Всѣ эти поврежденія зовутся контузіей. И раньше, когда война была для меня нечитанной книгой, я былъ убѣжденъ, что контузія—это форменный пустякъ. А теперь согласенъ съ нашимъ общимъ мнѣніемъ, что лучше любая рана, кромѣ живота, понятно, чѣмъ сильная контузія.

Даже сначала перенесенная легко, она потомъ, черезъ годъ и даже черезъ два, скажется. И были случаи, когда жертвой этихъ воздушыхъ волнъ,—кончали жизнь въ сумасшедшемъ домѣ?

Такіе снаряды хороши для крѣпостей! Для нашихъ ниточекъ—окоповъ—они все равно, что пушка для воробья и даже еще болѣе безвредна. Выроютъ яму, въ нее уже человѣкъ пять залѣзло—окопы копать не надо! Зато шрапнель вредитъ много, особенно на открытыхъ мѣстахъ. Въ лѣсу-же - она тоже мало убійственна.

Вообще, какъ говорятъ наши артиллеристы, германскіе снаряды полевой артиллеріи, мало „убойны". Наши больше. Хорошее слово „убойный"!

Въ мирное время пахнетъ мясной лавкой, а теперь—чѣмъ-то успокаивающимъ. Очевидно этой „малой убойностью объясняется то, что мы мало сравнительно теряемъ людей, а кого теряемъ, такъ все съ пулевыми ранами. Стрѣляютъ нѣмцы мѣтко, но... низко. Большинство пуль рикошетитъ. Остальные бьютъ землю передъ окопами. Сегодня утромъ я ходилъ туда къ товарищамъ. У нихъ весело даже. Только вотъ изводитъ холодъ и отсутствіе даже небольшихъ удобствъ. Скучно безъ „печатнаго слова". Клочки газетъ тщательно прочитываются и только тогда уже идутъ на „козьи лапки". Вотъ и на счетъ козьихъ лапокъ слабовато. Что было съ собой табаку вышло до крошки. Запасы далеко, въ обозахъ. А не курить—немыслимо, когда холодно, пусто въ

желудкѣ и нервы къ тому же шалятъ съ усталости. Вотъ еще одинъ бичъ нашъ—усталость!

— Чѣмъ страшна война? Спросятъ насъ дома, навѣрное, мирные граждане.

И, понятно, будутъ удивлены, узнавъ, что мы всѣ боимся усталости. Здоровое, бодрое и еще крѣпкое тѣло *все* на войнѣ.

Мирные, спокойные, прозябавшіе всю жизнь свою люди не поймутъ почему это такъ. Имъ, далекимъ отъ нашихъ непередаваемыхъ переживаній, отъ этихъ простыхъ, но полныхъ ужаса сценъ боевой жизни,—будутъ интересны наши психическія потрясенія; будутъ захватывать сцены яркихъ, потрясающихъ, но мало правдивыхъ ужасовъ. *Война*! Въ этомъ словѣ для нихъ такъ много *любопытнаго*, жаднымъ *извращеннымъ* любопытствомъ.

Они будутъ холодѣть отъ ужаса, когда имъ будутъ говорить объ оторванной снарядомъ головѣ у солдата, только что закурившаго трубку. Они будутъ нервно ежиться, слушая описаніе мрачной казни семерыхъ сразу шпіоновъ и тому подобную „навороченную“ страхами чушь. А вотъ они не поймутъ того жуткаго, холоднаго унынія, которое охватываетъ въ бою, когда усталое тѣло отказывается двигаться и работать, а помутнѣвшее соображеніе—ясно и точно воспринимать ощущенія, оцѣнивать измѣненіе обстановки и думать о чемъ-либо... Руки свинцовѣютъ. Глаза слипаются. Во всемъ тѣлѣ непріятное, разъѣдающее впечатлѣніе какой-то слабости, соединенной съ тупой болью при каждомъ движеніи руки... Не хочется ѣсть, курить, даже согрѣться не хочется. Вокругъ идетъ бой. Нужно быть остро и ясно напряженнымъ всему. А тутъ—„Все равно... Лишь-бы конецъ скорѣй какой-нибудь...—тупо думается усталой головой. Быть энергичнымъ, сильнымъ—невозможно...

Все, все устало! И вотъ съ такимъ тѣломъ, съ такой головой—попробуйте сѣсть въ сѣдло, выслушать внимател-

но и здраво получаемое приказаніе, карьеромъ пронестись три-четыре версты по обстрѣливаемымъ пространствамъ и точно передать приказаніе, не спутавъ ни полслова, т. к. эти полслова могутъ погубить все дѣло. И если вы сумѣете себя заставить сдѣлать это, возьмете въ руки раскисшіеся мускулы и спутавшіеся нервы—ваше дѣло еще не пропало – вы еще имѣете остатокъ силы.

Но нынѣшняя война не знаетъ короткихъ боевъ. Сошлись, сцѣпились и... дней пять, а то и всю недѣлю идетъ сплошное напряженіе многотысячной массы людскихъ тѣлъ. И вотъ, къ концу восьмого дня боя, вы навѣрное потеряете и послѣднія крохи силы... И будете уже не человѣкомъ, а скверными, еле идущими часами. Потикаютъ въ головѣ кой-какія мысли и опять—А! Все равно... Пусть убьютъ, пусть ранятъ, пусть, что угодно будетъ со мной,—только дайте мнѣ вытянуть ноющее тѣло на мокрой землѣ и полежать, не шевелясь и ни о чемъ не думая...

Страхъ передъ смертью? Онъ недологъ, этотъ страхъ. Пока вамъ ново это молніеносное ощущеніе, сжимающагося въ инстинктѣ тѣла, стремящагося уменьшиться въ размѣрахъ для безопасности, пока вашимъ умамъ новъ трескъ разрыва—вы обращаете вниманіе на свои впечатлѣнія. А потомъ, когда „обобьетесь“, вы конечно, все равно будете пугаться близкаго разрыва, но сами не будете замѣчать этого страха. Смерть близкихъ? Она слишкомъ обыкновенна здѣсь. Смерть каждаго изъ насъ страшна только въ связи съ мыслью о его семействѣ и о томъ „какъ они будутъ потрясены“ и т. д. Если же вы будете держать себя въ рукахъ и не постараетесь думать о домѣ, не разжалобите себя посторонними воспоминаніями о близкихъ,—эта смерть не потрясетъ васъ. Всѣ мы дѣлаемъ свое дѣло.

Когда наша батарея грохочетъ шалымъ темпомъ въ яростныхъ очередяхъ и засыпаетъ „площадями“ сталью и

удушливыми газами,—всѣ, кто работаетъ тамъ, около пушекъ, увѣрены, что они дѣлаютъ *свое* и *полезное* дѣло. Ну, а разъ мы бьемъ противника, то будетъ справедливымъ, что и онъ, нащупавъ наши орудія, сомнетъ ихъ, исковеркаетъ пудами бѣшенаго металла и похоронитъ въ вырытыхъ воронкахъ истерзанныя тѣла прислуги.

И всѣ работаютъ спокойно, споро и весело. Но довольно влить въ нихъ хоть небольшую дозу яда усталости, чтобы работа стала тяжелой, снаряды противника пугающими и дѣло скорѣйшаго уничтоженія врага, *ихъ прямое дѣло*, стало безразличнымъ и „никчемушнимъ". И во всемъ такъ! Сознаніе вашего долга, и того, что во имя этого долга мы должны убивать и калѣчить, такое яркое и бодрящее при здоровомъ тѣлѣ,—становится потускнѣвшимъ. Идея того Великаго, что привело насъ сюда на туманныя поля неслыханныхъ въ исторіи боевъ,—станетъ мало понятной и не будетъ взвинчивать усталые нервы. И будетъ тяжело до ужаса.

И все это потому лишь, что человѣкъ не спалъ три ночи, промокъ, разбился физически и нравственно. Да, слабая машинка—человѣкъ! И какую великую пользу принесъ-бы въ данномъ случаѣ Спортъ, правильно культивируемый по всей странѣ отъ приготовительныхъ классовъ начальныхъ школъ и до... Государственнаго Совѣта включительно... Слава Богу, теперь въ Арміи этимъ занялись серьезно. И всего лишь два—три года серьезной, упорной и умѣлой работы надъ молодыми—а въ результатѣ солдаты дѣйствительныхъ сроковъ службы втрое выносливѣе, а слѣдовательно и полезнѣе и дѣльнѣе запасныхъ. Сухому, тренированному движеніями, сильными и упругими, тѣлу легче идти въ развѣдку, не спавъ двѣ ночи и тверже будутъ держать на опротивѣвшемъ сѣдлѣ сухія, наработанныя ноги. Съ развитымъ бѣгомъ и сокольской гимнастикой дыханіемъ легче дѣлать

сотую перебѣжку по размокшей, вязкой пахотѣ подъ свистомъ пуль и плывущими дымками рвущихся шрапнелей. Съ набитыми гирями упругими канатами мышцами крѣпкихъ и ловкихъ рукъ, спокойнѣе идти въ аттаку, какъ перышкомъ играя тяжелой винтовкой и шутя отбивая сыпящіеся слѣва и справа удары дюжихъ пруссаковъ. Наконецъ, развѣ не легче пройти сорокъ верстъ въ день человѣку, втянутому въ ежедневный трехверстный утренній бѣгъ, чѣмъ другому, по цѣлымъ днямъ сидящему на мѣстѣ!

Нѣтъ! Опять повторю,—страшная вещь усталость на войнѣ и могучее средство для борьбы съ нею даже не спеціально спортивный, а просто хоть небольшой, для „подсушки" тѣла, тренингъ въ мирное время. И надо надѣяться, что когда кончится тяжелая война, народное здоровье и охраненіе его получатъ надлежащее, крупное значеніе. А если когда-нибудь нашей родинѣ вновь придется послать на жадныя поля битвъ милліоны своихъ дѣтей, то въ этихъ милліонахъ, идущихъ на тяжелую смертоносную работу здоровыхъ людей, будетъ много дѣйствительно здоровыхъ, съ крѣпкимъ сердцемъ, съ здоровыми нервами, стальными мышцами и бодрыхъ духомъ спортсмэновъ. И, навѣрное, тогда тонкій, но сильный ядъ усталости не будетъ страшенъ нашимъ желѣзнымъ полкамъ и батальонамъ.

Да... многому насъ еще научитъ эта война. Не насъ, русскихъ, именно, а всѣ народы Европы. И такія войны, являясь гибелью для милліоновъ жизней и тормазомъ для прогресса культуры, въ то же самое время служатъ культурѣ-же. И когда окончится эта страшная война, какъ горячо поднимется все человѣчество на созданіе разрушенныхъ храмовъ Вѣры, науки, культуры и искусства!

А пока... будемъ драться, пока есть руки. Уцѣлѣемъ—тогда станемъ творить...

16 сентября.

Бой... Нѣмцы жмутъ съ юга. Къ границѣ отходятъ ихъ обозы... Что за чортъ! Неужели ихъ взлупили подъ Осовцемъ? Вотъ-то радость была-бы! Правда, тамъ все время грохотъ былъ.

Устали всѣ. Не спимъ по ночамъ. Корка грязи на лицѣ и на рукахъ... На Сѣверѣ сильный бой. Работы—по горло... А силы убываютъ... Ну, да Богъ поможетъ—хватитъ до конца боя-то...

17 сентября.

Деремся. Внѣ сомнѣній—нѣмцы уходятъ, а на насъ кинули заслонъ. Ну, подождите! Сегодня убило бомбой брата двоюроднаго... Судьба! Завтра, а то и сейчасъ вотъ и я... Устали, устали... Заснуть-бы хоть на часъ...

Много потерь. Люди—молодцами.

18 сентября.

Бой идетъ. Мы начали нажимать. Въ день дѣлаемъ по десять штыковыхъ аттакъ.

Вчера ночью ѣздилъ съ приказаніемъ къ полковнику П***. При возвращеніи шальнымъ снарядомъ убило второго коня. Меня выкинуло и оглушило. Помню одно синее пламя въ глазахъ.

Очнулся на перевязочномъ, въ лѣсу, на носилкахъ. Двинулся и сердце—упало. Ноги не слушаются. Такой ужасъ охватилъ;—думаю—оторвало ноги... А боли нѣтъ въ нихъ. Тьфу! Оказывается навалили мнѣ на ноги шинелей, да кто-то въ темнотѣ, не разбираясь куда, положилъ на меня тяжелую скатку. Все это слетѣло съ ногъ и я вскочилъ. Въ глазахъ круги зеленые... Въ головѣ кто-то сидитъ и жужжитъ у-у-у-у... Слышу плохо и затылокъ болитъ. Ординарецъ, ѣхавшій рядомъ—убитъ...

Сейчасъ пришло донесеніе—нѣмцы отступаютъ на шоссе къ Граево... Двигаемся за ними. Генералъ уговаривалъ остаться тутъ, или уѣхать въ тылъ. Дудки! Теперь-то самое интересное и будетъ, когда нажмемъ на нихъ...

20 сентября.

День получки жалованья! Теперь намъ не до него! А вотъ, если кто угостилъ-бы хорошей папироской—вотъ такъ бы, кажись, и расцѣловалъ!

Добываемъ сигары съ убитыхъ нѣмцевъ... Потомъ растираемъ ихъ и куримъ въ трубкахъ. Мерзость—сверхестественная... Нѣмцы бѣгутъ. Мы уже подъ Граево подошли.

Тутъ-то вотъ и сказалась разница между нашимъ и нѣмецкимъ солдатомъ. Нашъ хорошъ и въ компаніи и въ одиночку. А пруссакъ—лишь потерялъ изъ виду палку офицера, или локоть „камрада“ересталъ чувствовать—аминь! Идіотъ-идіотомъ становится. Плѣнныхъ беремъ кучами. Много старыхъ, много и мальчишекъ совсѣмъ. Сегодня утромъ привели въ штабъ плѣннаго улана. Стоитъ и плачетъ. Что съ нимъ. По лицу—лѣтъ пятнадцать. Раненъ?—Nein...

Оказывается,—ему семнадцать лѣтъ всего. Онъ лишь какъ мѣсяцъ въ строю. За послѣдніе дни конница у нихъ почти не ѣла и не спала, мечась по лѣсу.

Онъ, съ непривычки, сбилъ себѣ ноги въ кровь и гдѣ-то запутался, отбившись отъ своихъ. Его забрали, какъ куренка, руками голыми.

По шоссе раскиданы тысячами каски, пояса, винтовки и шинели. Въ грязи и въ пескѣ по втулки засѣли брошенные автомобили. Ихъ много. Въ этомъ отношеніи нѣмцы обезпечены сверхъ надобности. У нихъ все съ собой на бензинѣ. Швальни походныя, сапожныя мастерскія, типографія даже въ грузовомъ автомобилѣ нашлась съ пригото-

вленными клише Вильгельмовскихъ усовъ и съ набраннымъ извѣстіемъ о „холерѣ въ Петербургѣ“ въ виду чего, дескать молъ, „ваши храбрые товарищи на Сѣверѣ, не берутъ столицу Россіи, а блокируютъ ее, а потому молъ,—будьте отважны!“

Сегодня вышелъ случайно двухчасовой жестокій бой. Наши зарвались въ погонѣ и сильно прижали нѣмцевъ къ ихъ обозамъ. Тогда тѣ перепугались за нихъ и съ отчаяннымъ бѣшенствомъ откинули насъ версты на три назадъ шальной контръ-аттакой.

Отсюда—выводъ: даже и при преслѣдованіи надо быть осмотрительными. Настроеніе у всѣхъ блестящее. Даже моя сильная головная боль не замѣтна какъ-то при этомъ подъемѣ нервовъ. Но неожиданный ударъ нѣмцевъ оказался послѣднимъ. Наши, быстро оправившись отъ смущенія, справились съ атакующими и они ушли, оставивъ валы труповъ. Какъ они бросаются людьми! Просто страхъ беретъ... Сегодня на одинъ участокъ, защищенный съ фронта мало проходимымъ болотомъ и командующій надъ остальными холмами, они бросили роту. Ихъ встрѣтили ливнемъ наши четыре пулемета, притаившіеся межъ сосновыхъ корней, въ ямкахъ, на лѣсистой верхушкѣ холма. Отъ роты осталось человѣкъ тридцать, быстро залегшихъ среди мокрыхъ кочекъ. Три минуты спустя на этотъ-же холмъ кинулось еще двѣ роты, почти безъ огневой подготовки. Спотыкаясь, падая, крича и нелѣпо размахивая оружіемъ метались длинноногіе нѣмцы, подъ ровный и сухой стукъ нашихъ пулеметовъ, теряя въ секунду по десятку человѣкъ. Не выдержали и отхлынули назадъ въ лѣсъ. Но черезъ мгновенье тамъ послышались яростные, начальственные крики и стукъ револьверныхъ выстрѣловъ. Дѣло происходило въ четырехстахъ шагахъ отъ насъ и мы ясно слышали, какъ жесточенно ругались нѣмецкіе оберъ и просто лейтенанты

Револьверные выстрѣлы въ спину подѣйствовали и... остатки двухъ ротъ отчаянно кинулись въ послѣднюю въ своей жизни аттаку. Опять привалились къ дрожащимъ тѣламъ горячихъ, сѣрыхъ пулеметовъ наши молодцы и, нервно поводя ручками, облили бѣгущихъ въ слѣпую людей перепиливающими пополамъ струями остроконечныхъ пуль.

Черезъ двѣ минуты только стонъ шелъ надъ болотиной и судорожно ловили скрюченными пальцами что-то невидимое, (очевидно уходящія жизни), чьи-то высунувшіяся изъ подъ сѣрыхъ копошащихся кучъ, руки. Изъ шестисотъ почти человѣкъ, на этой болотинкѣ уцѣлѣло, т.-е. легко и тяжело ранеными было найдено, только восемьдесятъ два человѣка. Остальные—были мертвы. И у очень многихъ мертвецовъ было по пять-шесть пуль въ тѣлѣ.

Совершенно-же цѣлыхъ, притворившихся мертвыми и застывшихъ подъ грудами тѣлъ, было подобрано только шесть человѣкъ. Воображаю, какъ они будутъ любить своихъ лейтенантовъ, если по возвращеніи изъ плѣна попадутъ къ нимъ дослуживать.

Къ нимъ, по тому, что офицеровъ нашли при трехъ ротахъ только трехъ. Одного убитаго и двухъ здоровыхъ, притаившихся сзади, за кучами своихъ мертвыхъ солдатъ. Остальные всѣ, значитъ, уцѣлѣли и ушли. А все-таки видно здорово напуганы чѣмъ-то нѣмцы; даже два тяжелыхъ орудія бросили, увязшихъ въ пескѣ вмѣстѣ со своими автомобилями. Мы было хотѣли ихъ вытащить—куда тамъ! Такъ ловко засѣли—что хоть мелинитомъ подрывай ихъ снизу.

21 сентября.

Сегодня вошли въ Граево. И озорники же нѣмцы! Просто, со злости видно, камня на камнѣ не оставили тамъ. Разстрѣляли костелъ ни съ того, ни съ сего. Въ нашей ста-

рой квартирѣ—свинарникъ и „мерзость запустѣнія". Ограбленъ даже умывальникъ—доска снята мраморная. Піанино разбито—доска оторвана, клавиши западаютъ и на ихъ костяхъ слѣды чьихъ-то грязныхъ ножищъ. Въ богатой гостинной срѣзаны вышитыя шелковыя спинки и сидѣнья съ креселъ и пуфовъ.

Потолки разстрѣлены. Окна тоже. Зачѣмъ, кому понадобилось ломать въ щепы дубовый столъ въ столовой—непонятно... Просто жестокость разрушенія захватила. Тупая, слѣпая жестокость насилія хотя-бы надъ беззащитной мебелью. И именно, тѣмъ сильнѣй и злобнѣй эта жестокость, что въ бою нѣмцы трусоваты. Пока они вмѣстѣ, а въ спину имъ глядятъ дула офицерскихъ револьверовъ—они храбры. Но разбейся они по маленькимъ кучкамъ и они трусливо бѣгутъ, или же сдаются. Причемъ когда сдаются, то иногда такъ трусятъ, что ложатся лицомъ внизъ на землю, охватываютъ голову скрещенными руками и ждутъ. Но стоитъ имъ лишь убѣдиться, что имъ вреда не причинятъ—они мгновенно превращаются въ невѣроятныхъ наглецовъ и въ лазаретахъ требуютъ перевязки въ первую голову, впередъ русскихъ.

Сегодня ночью, т.-е вѣрнѣе вчера, въ Руду, гдѣ нашъ штабъ ночевалъ въ „клопинной" избѣ, явились два татарченка-стрѣлка, плохо говорящіе по русски,—переводчики. Говорятъ, привели нѣмцевъ. Глядимъ, стоятъ на дворѣ подъ факелами семь оборванныхъ и грязныхъ нѣмцевъ. Къ нимъ:—

— Откуда вы? Молчатъ. Къ солдатамъ:—

— Кто васъ сюда послалъ.

— Никто ни пуслалъ... Мы пуймалъ—докладываетъ татарчукъ и еще что-то лопочетъ, чего понять нельзя,—а со стороны такъ даже неприличное что-то выходитъ. Такъ какъ у насъ не имѣлось въ запасѣ переводчика-татарина, то мы

обратились черезъ переводчика-нѣмца къ плѣненнымъ, за объясненіями. - Кто-жъ васъ забралъ молъ? И старшій изъ нихъ обстоятельно доложилъ—они дозорные 34 пѣхотнаго полка. Шли за своими по полотну дороги. Вдругъ сбоку выстрѣлы и двое изъ нихъ упали, (ихъ было девять). Затѣмъ выскочили вотъ эти—(кивокъ на блаженно улыбающихся татарчатъ) и начали колоть штыками и вотъ—къ самымъ глазамъ нашимъ тянется обмотанная грязной марлей грязная и трясущаяся рука. Тогда мы, продолжаетъ разсказчикъ, подумали что „ихъ" много и сдались. Они насъ повели, а потомъ, когда мы спохватились, что ихъ двое только, было уже поздно, т. к. мы винтовки свои бросили тамъ, на полотнѣ, когда насъ взяли. Да. намъ лучше такъ, мы—поляки съ Познани.. Лучше землю пахать пойдемъ въ Сибирь. чѣмъ тутъ... Голодать—вырвалось послѣ паузы тихо.

Отправили ихъ къ плѣннымъ и велѣли накормить.

Татарчатъ записали, что-бъ наградить потомъ.

Офицеры сдаются, правда. мало. Но солдаты, какъ видно изъ того и изъ многихъ такихъ же случаевъ, въ порядочномъ количествѣ. Разбаливаюсь я, кажется. Голова какъ свинцомъ налита. Глазамъ—больно смотрѣть. Стоитъ пройти немного быстрымъ шагомъ—все тѣло болитъ. По вечерамъ сильно лихорадитъ. Генералъ гонитъ лѣчиться. Лѣчиться-то я не поѣду, а вотъ въ Австрію, свой полкъ искать,—съ удовольствіемъ! И отдохну дорогой немного. А то здѣсь, на границѣ, судя по складывающейся обстановкѣ, ничего особенно грандіознаго не будетъ. Теперь навѣрное отдохнемъ и пойдемъ брать Лыкъ (въ третій разъ за эту войну); онъ и безъ того мнѣ надоѣлъ съ прошлыхъ боевъ еще.

21 сентября.

Нѣмцы ушли далеко, верстъ на двадцать вглубь Прус-

сіи ни одного разъѣзда нѣтъ нѣмецкаго. Жителей тоже ни одного. И видно, что они, эти несчастные жители ушли теперь надолго. Ибо раньше они хоть кое-что оставляли дома, а теперь соринки не найдешь—все вывезено. Мѣстечки всѣ сожженны и разбиты до тла. Въ Простkенѣ однѣ трубы лишь торчатъ обожженныя и конусообразныя.

Прощай „курятки и свинятки" съ „нѣмецкой земли" Много было на васъ претендентовъ за это время! И мы, и нѣмцы и сами жители—всѣ хозяйничали надъ вами во всю. не жалѣя многострадальныхъ животинъ!

Рѣшено, завтра выѣзжаю въ Австрію. Хотя нашъ дивизіонный старикъ-эскулапъ находитъ, что это „глупо дышать на ладонъ и ѣхать въ Австрію". Ну, ладно! Подышемъ еще! Хотя правда, контузія сказалась: я чувствую себя сильно разбитымъ, нездоровымъ.

Идутъ сборы. Мои и чужія вещи такъ перепутались, что я и самъ не помню теперь, чьи эти всякія мелочи—мои ли, товарищей ли...

Отобранныхъ нѣмецкихъ лошадей оставлю сдѣсь.

Гдѣ полкъ—не знаю, и ѣхать съ конями—безсмысленно. Да и все равно—тамъ найду.

Жалко, сжился я съ нашимъ штабомъ за два почти мѣсяца жизни въ походѣ и въ бою. Ну, да, Богъ дастъ и встрѣтимся потомъ! Всѣ сейчасъ строчатъ письма и телеграммы, что-бъ я отправилъ ихъ изъ Россіи. Отсюда-то трудненько это дѣлается. До сихъ поръ,—вотъ уже два мѣсяца почти, какъ мы изъ дому—ничего не получали еще. Конечно, сохраненіе военныхъ тайнъ великая вещь, но и чинуши почтовые—лодари отчаянные. Понацѣпили на себя шашки и револьверы, а иные даже и шпоры, сидятъ себѣ по полевымъ конторамъ и лодаря гоняютъ съ сестрами изъ сосѣднихъ госпиталей. А корреспонденція не разбирается и лежитъ тюками вдоль стѣнъ. Бродилъ сейчасъ часа три

по бивакамъ полковъ, по грязнымъ кривымъ уличкамъ, по вновь уже шумному базару, (ну, и живучи-же эти „коммерсанты“ мѣстные!) Смотрѣлъ вокругъ и старался запечатлѣть въ своей памяти все, что я вижу и свои пережитыя уже здѣсь ощущенія, связанныя чуть не съ каждымъ зданіемъ. Вотъ на этомъ углу я былъ когда увидѣлъ первый нѣмецкій „таубе“. Вотъ эта застава и шоссе за ней—знакома по моему мотоциклетному прорыву. Вотъ тутъ, у школы, въ началѣ сентября, передъ уходомъ изъ Граева, около меня выломилъ ворота въ стѣнѣ нѣмецкій „шестидюймовикъ“. Сколько пережито! И сколько пережитаго не передается никакимъ перомъ, ибо есть вещи, которыхъ даже словами описать нельзя. Не остаться ли уже тутъ, при Штабѣ? Нѣтъ, нѣтъ, въ строй! Тамъ и веселѣе, да и новыя мѣста будутъ; ужъ слишкомъ все мрачно въ Пруссіи. И злобные животно-тупые враги надоѣли. И ихъ манера воевать съ разбоемъ и грабежомъ—надоѣла и гнететъ какъ-то душу. Да и потомъ, откровенно говоря, здѣсь уже потому не весело, какъ-то „мрачно“ драться, что пока что въ сущности тутъ ни одного громкаго дѣла не было. Да едва ли и будетъ. А просто будутъ другъ противъ друга топтаться по выжженнымъ полямъ небольшія силы.

Теперь, когда выяснилось, что Гинденбургъ разбитъ и отошелъ отъ Сувалокъ и нѣмцы ушли на свою территорію, они навѣрное бросятся на другое мѣсто, не у насъ. И навѣрно это будетъ гдѣ-нибудь на юго-западѣ, между Варшавой и Краковымъ, старинными братомъ и сестрой.

Можетъ быть, на счастье, мой полкъ тамъ поблизости гдѣ-нибудь. Потомъ тамъ, говорятъ, есть большія конныя дѣла. А здѣсь—я, будучи ординарцемъ, не могу доставить себѣ этого удовольствія—побыть въ конномъ бою... Нѣтъ, ѣду!

23 сентября.

Вечеръ. На письменномъ столѣ электрическая лампа со штепселемъ льетъ свой ровный, спокойный свѣтъ на грязные листы моей походной тетради. Тихо вокругъ. Только на улицахъ, за окнами кипитъ жизнь! Гудятъ автомобили. Гудитъ толпа наводняющая панели. Откуда-то доносится музыка. Господи! какой контрастъ. Въ зеркалѣ виднѣется худое, черно-желтое лицо съ подведенными синевой глазами.

Я это тамъ, въ зеркалѣ? Неужели я такъ и сижу въ этомъ мягкомъ креслѣ хорошаго чистаго номера лучшей въ Бѣлостокѣ гостинницы! Прямо не вѣрится какъ-то. Вѣдь только утромъ еще сегодня я былъ тамъ, въ старомъ домѣ съ прострѣленными потолками. Только сегодня я былъ грязнымъ, кой-гдѣ продраннымъ, небритымъ и глоталъ утромъ мутный чай съ жесткими сухарями, пахнущими уже появившейся плѣсенью. (А сейчасъ я выбритъ, чисто, съ ногъ до головы, одѣтъ и даже надушенъ. Въ карманѣ—чистый платокъ. Въ желудкѣ—хорошій обѣдъ. Въ рукахъ только что былъ вечерній выпускъ телеграммъ и шикарная папироса.

Входитъ лакей съ подносомъ и самоваромъ. Свѣжій хлѣбъ, масло, ветчина, лимонъ, (наша мечта на позиціяхъ, гдѣ приходится пить всевозможную, даже болотную воду), и давно невиданное—пирожное „Микадо“.

И подумать, что всего лишь девяносто верстъ отдѣляютъ меня отъ безсонныхъ, выжидающихъ, тревожныхъ ночей, отъ обѣдовъ изъ чего попало; отъ крови, стоновъ и страданія.

Когда сегодня въ полдень нашъ поѣздъ выбирался изъ Граева, по только что исправленному пути, нѣмцы послали ему прощальный привѣтъ. Появился откуда то точно съ не-

бесъ „Таубе“—летѣвшій до сихъ поръ на высотѣ, недоступной зрѣнію, и швырнулъ бомбу, очевидно мѣтясь въ поѣздъ. Но увы! Его гостинецъ поднялъ столбъ чернаго дыма саженяхъ въ полуторастахъ вправо, на опушкѣ лѣса. Надѣюсь, что тамъ въ этотъ моментъ никого изъ нашихъ не было.

Провожавшие меня до Осовца товарищи смѣялись, что это спеціально въ честь моего отъѣзда. И дѣйствительно вѣдь, до сихъ поръ они еще не кидались ничѣмъ!

Ну, и спать-же я буду сегодня на этой широкой, удобной кровати подъ охраной не зябнущихъ въ сторожевкѣ стрѣлковъ, а простого корридорнаго, сейчасъ таинственнымъ шопотомъ предлагавшаго мнѣ коньякъ, „наипершій и найлѣпшій“, и совсѣмъ за „безцѣнокъ“—пятнадцать рублей бутылка! Недурная цѣна? Воообще здѣсь въ Бѣлостокѣ, всѣ цѣны страшно взвинчены. Мой номеръ стоитъ пять рублей, а красная цѣна ему—полтора maximum два, да и то много! Здѣсь два крупныхъ штаба и масса офицеровъ. Немудрено, что и цѣны взвинчены до ужаса.

Пора ложиться. Что-же теперь на окраинѣ Граева, тамъ гдѣ тянутся узкіе окопы для дежурныхъ частей, дѣлается. Тихо ли тамъ? Или трещатъ въ темнотѣ выстрѣлы и глупыя, шалыя пули валятъ полусонныхъ, измученныхъ людей и гудятъ тревожными залпами скрытыя батареи..

26 сентября.

Завтра ѣду въ Кіевъ и оттуда во Львовъ. А оттуда уже на Карпаты. Сегодня пріѣхалъ сюда, въ Екатеринодаръ, что-бы узнать въ Штабѣ, гдѣ мой полкъ бродитъ. Онъ на Карпатахъ и даже, точнѣе, по послѣднимъ извѣстіямъ, уже на Венгерской равнинѣ.

Вотъ это другое дѣло! Не то что въ Пруссіи, на границѣ взадъ и впередъ бродить. И навѣрное у дерущихся въ Австріи другое, болѣе приподнятое настроеніе, потому что мы деремся тамъ въ завоеванномъ краю.

Но что дѣлаютъ газеты! Боже, какъ далека Россія отъ представленія о войнѣ. По моему это даже не уваженіе къ умирающимъ тысячами бойцамъ, это цвѣтистое сюсюканье надъ побѣдами и трудностями войны... Вѣдь вы-же тамъ не были, господа! Какъ-же вы смѣете писать—„мы отбили жестокую аттаку“, „надъ нами съ гуломъ пронесся „чемоданъ“... Да знаете ли вы что такое аттака! И кто назвалъ изъ васъ эти снаряды „чемоданомъ“. Мы, боевые, такъ легкомысленно не зовемъ ихъ. Мы знаемъ ихъ силу и смертоносность и не придумываемъ для нихъ развязныхъ, придуманныхъ въ кабинетѣ кличекъ. Вездѣ, куда ни взглянь—во всѣхъ журналахъ, газетахъ—война. Какіе-то не слыханные разсказы „участниковъ“, часто наивно путающіеся въ опредѣленіяхъ: что такое пушка и пулеметъ.

Какіе-то невѣдомые санитарные чиновники описываютъ геройскіе подвиги свои „подъ градомъ пуль и штыковъ“. Сочиняютъ нелѣпыя басни о томъ, чего не было. Приписываютъ нашему тихому, молчаливому, но и желѣзному солдату, шинели котораго они сами не стоютъ, или какое-то безсмысленное ухарство и презрѣніе къ врагу и къ смерти, или-же наивную жалость и ухаживанье за раненымъ врагомъ и братство съ нимъ „на полѣ брани въ тьмѣ жуткой ночи“.

Тьфу! Васъ-бы господа, кабинетные храбрецы, вотъ въ эту тьму „тьму жуткой ночи“ засунуть, да промочить васъ насквозь трехдневнымъ дождемъ, высушить потомъ хорошей перестрѣлкой, когда люди за только что убитаго друга ложатся безъ сожалѣнія о немъ, дѣлая изъ него брустверъ, еще теплый и, быть можетъ, дышащій... Посадить бы хоть одного изъ нихъ въ ту канаву, гдѣ я не давно отсиживался отъ прусскихъ драгунъ, да чтобъ онъ почувствовалъ уже холодное желѣзо прусскаго приклада надъ усталымъ тѣломъ...

Вотъ тогда какъ-бы вы засюсюкали...

„Кто испыталъ то, что мы испытали,—тотъ знаетъ—какъ ужасна война“—пишетъ развязно и горделиво неизвѣстный и собственный корреспондентъ“ сидящій съ продранной подметкой въ пятомъ этажѣ, гдѣ-нибудь на Полянкѣ и ждущій субботняго гонорара, какъ манны небесной, что-бъ починить, пользуясь военнымъ временемъ, подметки.

Да развѣ стоятъ всѣ его переживанія хоть что-нибудь, въ сравненіи съ безсвязными словами сквозь слезы стыда и горя, изнасилованной нѣмцами дѣвушки—польки, или съ воплями сѣдой матери у которой на глазахъ ея повѣшены за шпіонство три сына сразу на однихъ воротахъ? Вотъ испытайте-ка необходимость повѣсить этихъ трехъ парней, такихъ молодыхъ, съ симпатичными, полудѣтскими, еще харями... А нужно! Нужно для того, что-бы этими тремя смертями спасти не одну тысячу жизней...

И зачѣмъ, кому нужны эти развязныя строчки?

Неужели эта „военная“ литература и эти „военные“ рисунки съ кровавыми Кайзеромъ и Францемъ-Іосифомъ въ продранныхъ брюкахъ нужны для поднятія бодрости страны? Неужели граждане великаго и мощнаго государства нуждаются въ подбадриваніи истерическими разсказами на тему объ изнасилованныхъ нѣмцами помѣщицахъ и о замученныхъ солдатахъ, безропотно погибающихъ, якобы геройской смертью подъ ножами пруссаковъ. Да вѣдь для того что-бы сдѣлать еще страшнѣе и безъ того яркій своей ужасающей лаконичностью фактъ прикалыванія нашихъ раненыхъ,—нуженъ громадный, яркій талантъ, нужно видѣть этотъ изувѣченный трупъ, нужно самому испытать ужасъ раненаго, когда къ нему вмѣсто помощи приближается глупая смерть... Наши оффиціальныя извѣстія о ходѣ событій правдивы и кратки. И довольно! Зачѣмъ вокругъ святого, громаднаго дѣла создавать паутину пустыхъ словъ,

громкихъ, но не правдивыхъ, накипь корыстолюбія и пустозвонства.

Впрочемъ, это вездѣ и всегда бывало и будетъ.

Но все-же обидно читать газеты и встрѣчать въ нихъ пустыя слова о „разложеніи Турціи“, о „шатающейся коронѣ Гогенцолерновъ“ о „лицемѣріи неблагадарной Болгаріи“ и „о значеніи послѣдняго передвиженія нашихъ войскъ въ Пруссіи“.

Эхъ вы, доморощенные стратеги и политики!

Шли-бы лучше драться туда, гдѣ не хватаетъ рукъ для брошенныхъ послѣ убитыхъ въ окопахъ, винтовокъ.

Хорошо хоть, что этой „шумихой“ посвященной войнѣ и квасному патріотизму, еще не отпугнули публику отъ интереса къ войнѣ. А въ концѣ концовъ этотъ корыстолюбивый потокъ жалкихъ словъ зальетъ публику и потушитъ въ ней интересъ къ войнѣ. А нѣтъ ничего хуже драться и рисковать жизнью ежеминутно, если знаешь, что война не популярна уже, тамъ дома.

И не дай Богъ, чтобы это было.

Все собрано и уложено. Остается два часа до поѣзда Шумятъ и гудятъ на Красной трамваи. Толпы народу всюду, провожаютъ лѣто.

Сегодня выдался чудный день и солнце было совсѣмъ лѣтнее. Иллюзіоны и миніатюры полны народомъ. Жизнь, мощная и кипучая, не потускнѣла даже съ войной. Еще больше придаетъ оживленія ожиданіе войны съ турками.

Коммерсанты учитываютъ моменты и дѣлаютъ многотысячныя дѣла, жертвуя изъ барышей сторублевки на раненыхъ, о чемъ моментально-же извѣщаютъ мѣстныя газеты. Молодежь флиртуетъ иноситъ для воинственности рубашки-хаки и кофточки съ нашитыми яркоцвѣтными погончиками.

Все это кажется какимъ-то мелочнымъ, пустымъ, въ срав-

неніи съ ведрами крови, сочащейся изъ тысячъ ежедневно разбиваемыхъ тѣлъ.

Впрочемъ, можетъ быть это потому, что я только что изъ боя и снова въ бой ѣду. А пройдетъ война и „обывательщина" такъ-же захватитъ и меня и мнѣ будутъ нравиться цвѣтистыя описанія какой-нибудь чужой, не нашей войны, между другими государствами; когда моей матери не будетъ, нужно еженощно молиться о жизни мужа и двухъ сыновей, дерущихся теперь на далекихъ отъ нея поляхъ.

Бѣдная мама, тяжело ей! И вообще бѣдныя матери... Вамъ навѣрное не интересны военные фельетоны корреспондентовъ въ смокингахъ и съ проборами!

1 октября.

Вотъ и опять „на войнѣ"! Впрочемъ, собственно говоря, не совсѣмъ еще на войнѣ, ибо покамѣстъ я еще не добрался до своего полка. Сижу въ разломанной „до подпечекъ" деревушкѣ и жду, когда мнѣ укажутъ хотя-бы то направленіе, какого я долженъ держаться въ погонѣ за своей частью. Да и правда, мудреное дѣло найти среди сотенъ бродящихъ взадъ и впередъ полковъ, одинъ изъ нихъ; да еще въ чужой странѣ къ тому-же!

Отъ непрерывной ѣзды я прямо обалдѣлъ. Какъ во снѣ вспоминаются безконечныя пересадки въ Ростовѣ, въ Лозовой, въ Полтавѣ, въ Кіевѣ, въ Родзивилловѣ и, наконецъ, во Львовѣ... Третьяго дня я выбрался изъ Львова, пробывъ тамъ сутки и потративъ ихъ чуть не цѣликомъ, на попытки узнать—гдѣ-же мой полкъ? Такъ и не узналъ ничего, кромѣ того, что онъ въ составѣ №-ой арміи и, по всей вѣроятности, гдѣ-то здѣсь за Стрыемъ. Кое-какъ досталъ подводу на парѣ изнуренныхъ клячъ и кучера галичанина съ такой печальной рожей, что смотрѣть на него больно. Впрочемъ, его печаль имѣетъ крупныя основанія въ видѣ разбитаго въ дребезги и раздробленнаго убогаго хозяйства.

А интересно ѣхать по воюющей странѣ. По дорогѣ отъ Екатеринодара я наблюдалъ, какъ отъ центра, къ периферіи, постепенно возрасталъ интересъ къ войнѣ и она клала свой отпечатокъ все сильнѣй и сильнѣй на все окружающее, включая въ него даже и настроеніе общее.

Въ центрѣ страны—война далека, ее никто не понимаетъ. Но всѣ, въ большинствѣ просто изъ стаднаго чувства, говорятъ о ней, притворными, выспренными словами. Хвалятъ „салдатиковъ", носятъ имъ Эйнемовскій шоколадъ въ лазареты и искалываютъ флажками аляповатыя, на скорую руку, навранныя карты.

Собираясь по вечерамъ на очередный журфиксъ къ Ивановымъ, Петровымъ и прочимъ „овымъ", запасаются модными мнѣніями газетныхъ стратеговъ, что-бъ тамъ, на журфиксѣ, сначала блеснуть талантомъ стратега, а потомъ засѣсть до утра въ винтъ.

Ближе къ периферіи—обыватели встревожены и обозлены. Они уже не кричатъ:—

„*Мы*" должны раздавить Пруссію... „*Мы*" должны встать твердо на всемъ Нѣманѣ... О! нѣтъ! Это самое громкое „мы"—превратилось въ испуганное „я". И это „я" кричитъ безъ трескучихъ фразъ, но искренно.

— Помилуйте! Что-же это! У меня имѣнье разграблено австрійцами... Не понимаю, гдѣ были наши войска! И вообще какой чортъ насъ потянулъ драться!..

И искренне убѣжденъ тупоголовый обыватель, что войска *должны были* прежде всего защитить *его* имѣнье, *его* заводъ, *его* рухлядь...

О войнѣ и о стратегіи онъ уже не говоритъ. Какая тамъ, къ чорту, стратегія! У *меня* весь скотъ угнали—вотъ это поважнѣй стратегіи!..

Война, значитъ, ихъ уже коснулась своимъ махровымъ

чернымъ крыломъ и выбила истерическо-патріотическую дурь изъ головъ...

Еще ближе... Вотъ замелькали снятыя крыши, пробитыя и обгорѣлыя стѣны юго-западныхъ мѣстечекъ и деревушекъ. На каждой пяди земли, затоптанной тысячами ногъ,—вы найдете съ добрый фунтъ свинцовыхъ брызгъ и желѣзныхъ осколковъ. Тутъ дрались. И вотъ эта канавка приняла въ свою зловонную и сырую глубину не одно послѣднее дыханіе разбитыхъ и распоротыхъ людей. Теперь тутъ тихо и мрачно. Бои ушли далеко впередъ. Здѣсь уже Россійская Имперія, на этихъ поляхъ, орошенныхъ слезами и потомъ рабовъ-словаковъ и русинъ, стонавшихъ долго и горько подъ вонючей и жесткой подошвой шваба. Теперь, пришедшее освобожденіе пока еще моральное, не дало имъ, освобожденнымъ, ничего, кромѣ разрушенія и горя. И бывшіе рабы, а теперь свободные граждане Великой Россіи, сидятъ въ подпольяхъ подъ своими обгорѣвшими и завалившимися избами. Сидятъ и сосутъ сырой картофель... И не вдомекъ имъ бѣднымъ, что всѣ безъ малаго Россійскіе журналисты кричатъ за нихъ, за бѣдныхъ, и убѣждаютъ публику въ радостномъ настроеніи и въ ликованіи „освобожденнаго народа". Поликуемъ тутъ, какъ-же!

А въ завоеванной землѣ, развиваясь на только что покинутыхъ поляхъ смерти, начинаетъ кипѣть озабоченная, толковая жизнь. Здѣсь уже, болѣе или менѣе знаютъ, чѣмъ пахнетъ война. Ну, а тѣ, кого привозятъ ежедневно сюда съ передовыхъ позицій, знаютъ и подавно.

Здѣсь война показываетъ свою изнанку. Здѣсь страшной и зловѣщей она кажется. Ужасы, кровь, смерть и ея хрипы,—на лицо, передъ глазами. А нервной оживленности, бодрости, подъема послѣ побѣды, всего, что облегчаетъ страданія на 50%,—здѣсь нѣтъ. Вотъ почему отсюда, изъ тыла, война страшнѣе, чѣмъ тамъ—впереди.

А такъ какъ всѣ работающіе и живущіе здѣсь напряжены этими ужасами, то понятно, что здѣсь говорятъ и думаютъ лишь о войнѣ. Но говорятъ не такъ, какъ тамъ въ Россіи, пустозвонно и красиво, а—нервно, лихорадочно. То падая духомъ отъ услышаннаго изъ устъ раненаго вралясолдатишки извѣстія, „что всѣ, весь полкъ побитъ и наши ушли, а австріякъ ломитъ", то—радуясь и хохоча при такомъ же не провѣренномъ слухѣ о „взятыхъ вчера въ плѣнъ семидесяти пушкахъ, отбитыхъ у австрійцевъ". А гдѣ отбиты эти пушки?—спросите-ка его! Онъ пожметъ недовольно плечомъ:—

— Не все-ли равно гдѣ! Важно, что отбиты!

А черезъ часъ онъ ходитъ съ загробнымъ видомъ. Вернувшіеся на ремонтномъ паровозѣ изъ-подъ Львова, рабочіе,—увѣрили его, что „насъ *окружаютъ*". Кто, гдѣ, чѣмъ и зачѣмъ?—Не важно! *Окружаютъ*—однимъ словомъ—и онъ мраченъ, какъ ночь и еще болѣе всѣхъ нервируетъ.

Такъ нервно, то запуганно, то ликующе живетъ периферія страны.

А здѣсь, въ завоеванномъ краю? Слишкомъ тяжело отозвалась война на его населеніи и много труда и братской помощи надобно, чтобъ возстановить этотъ голый раззоръ повсюду. Вотъ все, что можно сказать.

Ну, и настроеніе въ pendant къ дѣйствительности, не изъ пріятныхъ у бѣдняковъ-русинъ и прочихъ славянъ.

Львовъ мнѣ не удалось осмотрѣть какъ слѣдуетъ...

Городъ—по образцу европейскихъ. Сѣрый камень повсюду. Средневѣковье наложило на него свой неизгладимый отпечатокъ узостью нѣкоторыхъ улицъ и нѣсколькими реликвіями не нашихъ временъ. Въ остальномъ—полунѣмецкая, полупольская, но современная физіономія. Все неслужащее населеніе, особенно еврейское,—осталось тутъ. Но преобладаютъ женщины, дѣти и масса школьниковъ. На крупныхъ

перекресткахъ стоятъ наши бравые стражники. На менѣе бойкихъ—милиціонеры изъ мѣстныхъ гражданъ съ сине-красными повязками на рукавахъ пальто—cloche и въ лощеныхъ цилиндрахъ. Много пріѣхавшаго и проѣзжаго народа. Ходятъ воинственные на видъ „добровольцы". Щеголяютъ всѣмъ новенькимъ какіе-то выхоленные и съ алчными бѣгающими глазами господа съ красными крестиками на фуражкахъ, вооруженные зачѣмъ-то съ ногъ до головы и, очевидно для шику, въ шпорахъ и съ хлыстами. А погонъ нѣтъ. Но, слава Богу, здѣсь во Львовѣ желѣзная дисциплина и темнымъ и полутемнымъ господамъ не даютъ особенно-то здѣсь засиживаться, а то, (это видно по ихъ глазамъ), ихъ аппетиты и нравы превратили-бы Львовъ во второй Харбинъ съ его шальной тыловой жизнью, грязной и распущенной. Въ городѣ осталась масса женъ австрійскихъ чиновниковъ и офицеровъ. Жалованья онѣ, конечно ни откуда не получаютъ, а жить должны чѣмъ-нибудь. Этимъ навѣрное объясняется почти поголовная проституція всего женскаго населенія во Львовѣ. И даже потертые въ приключеніяхъ на Невскихъ берегахъ Донъ-Жуаны конфузятся, когда получаютъ призывной и не смѣлый толчекъ локтемъ отъ строгой и печальной на видъ дамы, по костюму и его элегантности,—видимо изъ общества...

Что дѣлать? Война! Этимъ все сказано и оправдано. Позоръ многихъ. Слава многихъ. И смерть очень и очень многихъ!

До девяти часовъ вечера движеніе на улицахъ не уступаетъ Кузнецкому Мосту, или Тверской. Но зато въ десятомъ, гробовое молчаніе на улицахъ видѣвшихъ семь вѣковъ пугаетъ. И эти старинные дворцы, эти средневѣковые еще костелы и каменно-плитныя площади предъ ними, и эта тишина, нарушаемая лишь звономъ подковъ коннаго патруля—все гармонируетъ другъ съ другомъ и заставля-

етъ невольно уноситься мыслью въ далекія времена королей Людовиковъ, по имени одного изъ которыхъ названа главная и самая широкая улица Львова.

Сегодня прибылъ я сюда. Два дня и двѣ ночи ѣхалъ я на своей расшатанной подводѣ съ молчаливымъ возницей. Тянулись въ желтой осенней дымкѣ рощи, буераки, балки и поля старой Галиціи. Съ утра и до ухода дня,—въ глазахъ мелькали остатки окоповъ, укрѣпленій, волчьихъ ямъ и тысячи братскихъ могилъ. А по темнымъ ночамъ, тишину которыхъ нарушалъ лишь скрипъ моей печальной телѣги, катившейся шагомъ, все вокругъ,—эти остатки, слѣды титанической борьбы и все то, что насъ окружало въ сумрачномъ полусвѣтѣ далекихъ звѣздъ, все, казалось, было наполнено какой-то мистической тайной, великой и жуткой... И, казалось, что ночь говоритъ тысячами невѣдомыхъ, еле слышныхъ голосовъ, и всѣ эти голоса шепчутъ каждый о своемъ страданіи, каждый о своемъ невольномъ предсмертномъ вздохѣ.

И, честное слово, я никогда себя такъ плохо не чувствовалъ, какъ въ эти долгіе предразсвѣтные часы, лежа на твердомъ и тряскомъ днѣ подводы, безъ сна и съ тяжестью невѣдомаго будущаго на сердцѣ.

2 октября.

Съ моими вещами прямо горе... У меня съ собой корзина, постель и саквояжъ съ туалетомъ. Три мѣста и притомъ необходимыя все вещи. Въ корзинѣ полушубокъ, бѣлье, сапоги и запасъ верхней одежды. Тамъ же шоколадъ и драгоцѣнный табакъ. А все вмѣстѣ вѣситъ много. Мою болѣе чѣмъ скромную постель никакъ нельзя бросить, ибо Богъ знаетъ достану-ли я гдѣ-нибудь даже клокъ соломы сухой. А глубина моего многострадальнаго саквояжа тысячу разъ падавшаго, терявшагося и ремонтировавшагося,—

хранитъ все необходимое, чтобъ не превратиться въ дикаря. Тамъ мыло, тамъ спички, тамъ бумага и конверты; тамъ расходная коробка папиросъ и кипа цѣлая карточекъ жены, снятой во всѣхъ позахъ и видахъ опытнымъ операторомъ той фирмы, гдѣ она служитъ.

Вотъ и все. А въ общемъ даже этотъ маленькій багажъ тормозитъ меня страшно. Не будь его,—я бы сѣлъ на любую лошадь и поѣхалъ въ полкъ, хотя до него еще больше ста верстъ. А вѣдь съ корзиной далеко не уѣдешь. Мой возница сбѣжалъ и денегъ не взялъ. Сегодня утромъ его розыскивали по всему мѣстечку, но онъ какъ въ воду канулъ!.. Испугался очевидно, что дальше придется везти меня. Жду попутныхъ подводъ; можетъ быть, пойдетъ обозикъ какой-нибудь туда, къ Карпатамъ. Съ нимъ и пристроюсь...

Нездоровится сильно, но это ничего. Въ бою пройдетъ. Я помню, какъ передъ моимъ первымъ боемъ у меня цѣлую недѣлю болѣли зубы. Но когда загрохотали первые выстрѣлы и все существо мое напряглось въ ожиданіи неизвѣданныхъ ощущеній—зубы, какъ по волшебству, затихли и я съ удивленіемъ замѣтилъ уже послѣ боя, что я излѣчился отъ своей постоянной боли. Такъ и тутъ навѣрное. Съ подъемомъ нервовъ перестанетъ чувствоваться и нездоровье. Правда, потомъ оно скажется, понятно, но... что дѣлать!

Здѣсь въ С... стоитъ N-скій пѣхотный полкъ. Въ немъ осталось всего шесть офицеровъ. Да и среди солдатъ, убыль не меньше половины. Весь полкъ на позиціяхъ, лицомъ къ западу, откуда по слухамъ двигаются австрійцы, опомнившіеся отъ неожиданной потери всей восточной Галиціи. Знакомыя по Пруссіи картины выжидательнаго сидѣнья въ изрытой землѣ. Тѣ же подземные ходы и узкіе ровики. Тѣ же присыпанные сухой травой и вѣтками гласисы непримѣтныхъ брустверовъ. И такъ же кое-гдѣ среди поля, ровнаго и на видъ, пустого, то выростаютъ, то проваливаются

невѣдомо куда фигуры солдатъ въ измазанныхъ глиной и грязью шинеляхъ. Кое-гдѣ курятся дымки—это въ окопахъ чаевничаютъ. Пока врагъ еще далеко и можно до сыта полоскаться горячей водицей. А нашему солдату нужнѣе всего двѣ вещи на позиціи: кружка горячаго чаю съ замызганнымъ и грязнымъ кусочкомъ сахара, вынутымъ изъ нѣдръ внутреннихъ кармановъ и добрая затяжка крѣпкой и сладко-терпкой махаркой. Послѣ этихъ двухъ удовольствій онъ снова крѣпокъ и бодръ, какъ-бы раньше ни усталъ до этого. И когда убираютъ убитыхъ, своихъ и чужихъ, прежде всего у нихъ разыскиваютъ табакъ и спички. Имъ *тамъ* не нужно! Ну, а мы, покуль живы, еще пососемъ козью ножку... И нѣтъ въ этой реквизиціи ничего плохого.

А что теперь ночи холодныя и въ окопахъ спать не очень что-бы тепло—такъ это-же пустяки... Придетъ случай и въ теплѣ наспимся. Чѣмъ и интересна война... Сегодня стучимъ зубами отъ холода въ сторожевкѣ на лихорадочно-сѣромъ и зыбкомъ болотѣ, а завтра—спишь чуть-ли не сутки подъ пышнымъ балдахиномъ рѣзной кровати бывшаго владѣльца роскошнаго замка, въ величавыхъ, столѣтнихъ комнатахъ котораго размѣстились, кто гдѣ, грязные и истрепанные солдатишки, обрадовавшіеся теплу и спокойной ночи. То болтаешься въ сѣдлѣ въ теченіи пяти сутокъ подъ-рядъ и тебя травятъ какъ волка окружающіе разъѣзды противника, и силы падаютъ уже и энергія гаснетъ подъ гнетомъ яда усталости,—то попадаешь, какъ въ рай, въ имѣніе стараго и добродушнаго пана, которому въ сущности все равно кто кого бьетъ, лишь-бы онъ самъ цѣлъ былъ, и въ этомъ имѣньи проводишь два-три дня абсолютно безъ работы и съ полнымъ конфортомъ для людей и лошадей...

А ежедневная смѣна мѣстности! А тысячи яркихъ, не забывающихся сценъ и эпизодовъ, что разыгрываются еже-

дневно на нашихъ глазахъ! А чувство гордости и бодрящаго ликованія, когда врагъ уступаетъ и уходитъ назадъ! Гдѣ все это вы найдете? Нѣтъ, въ этомъ отношеніи, война хороша! Она страшно расширяетъ даже и очень узкій, по природѣ, кругозоръ. Посмотрите-ка какъ разсуждаетъ нашъ солдатъ теперь. Онъ испыталъ сильныя потрясенія. Онъ позналъ глубину жизни. Наконецъ, онъ столько видѣлъ и слышалъ! И онъ имѣетъ замѣчательно увѣренный видъ. Еще одно драгоцѣнное качество нашего простолюдина,—это способность прививаться къ любой обстановкѣ и чувствовать себя даже и въ чужой странѣ, какъ дома. И я знаю по разсказамъ что во Львовѣ денщики офицеровъ въ полкахъ первыми вступившихъ туда, не зная ни языка, ни „грамоты нѣмецкой" сумѣли таки разыскать въ громадномъ городѣ и сапожниковъ и пирожниковъ и шорниковъ. Да еще и столковались съ ними и торговались во всю.

И въ мирное-то время часто приходилось удивляться, когда на большихъ маневрахъ, вдали отъ селеній, въ разгаръ переходовъ, наши денщики на маленькихъ привалахъ ухитрялись вскипятить чай, чуть-ли не на ходу.

Вотъ и теперь въ окопахъ они живутъ такъ, какъ будто эти окопы не въ сердцѣ Галиціи, а на своемъ „телятникѣ", позади огорода, за ихъ избами, гдѣ-нибудь въ Неѣловкѣ, или Захарьевкѣ, Царевококшайскаго уѣзда. Настроеніе солдатъ бодрое. Да это и понятно—вѣдь они въ *завоеванномъ* краю. *Не у нихъ* взяли и не ихъ избамъ угрожаютъ, а наоборотъ, *они взяли* чужую страну, хотя и съ титаническими усиліями, и угрожаютъ цѣлости чужаго государства. Это понятно всякому, даже замухрышкѣ - обознику, и придаетъ всѣмъ особую самоувѣренность *„завоевателей"*. А тамъ, хотя бы и въ Пруссіи, дѣло другое. Тамъ мы еще пока не взяли ничего и даже съ громадными усиліями защищаемъ *свою* землю. Правда, и эта защита придаетъ силы, но это сила

обозленности, отпора. А не бодрость,—что, вотъ молъ какъ, наши-то. Чуть не полстраны охватили у австріяка. Кстати: напрасно господа корреспонденты и журналисты увѣряютъ Россію; что австрійцы слабы. Нѣтъ! Это сильные и упорные враги. Они умѣютъ умирать, дорого продавая свою жизнь. И наши солдаты вовсе не относятся къ нимъ добродушно-снисходительно, какъ къ набѣдокурившимъ и расшаливши-мся дѣтямъ... Напротивъ, они ихъ уважаютъ и считаютъ равными себѣ. Правда, не въ натурѣ шваба упоеніе дракой „грудь на грудь", то упоеніе, которое помогаетъ нашимъ горсточкамъ *расшибить*, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, цѣлые полки австрійцевъ. Но здѣсь уже дѣло не въ негодности ихъ, какъ солдатъ, а просто въ разницѣ двухъ крупныхъ, но по своему „я", различныхъ натуръ. Они напр. совершенно не боятся огня. И какъ ихъ не засыпаютъ механическимъ градомъ свинца,—они все равно держатся, упорно и твердо. И по всей вѣроятности они, пріученные къ машинной войнѣ, къ чудесамъ убійственной техники, лучше и легче чувствуютъ себя подъ нашимъ огнемъ, чѣмъ мы подъ ихнимъ, бездушнымъ жестокимъ и слѣпо-стихійнымъ. А вотъ ужъ когда „на кулачки" пойдутъ,—ну, тутъ другое дѣло. Это удаль, это опьяненіе дракой—имъ несвойственно, непонятно и пугаетъ ихъ именно этой непонятностью. Еще-бы!—одна рота русскихъ, а дерется противъ трехъ австрійскихъ, да еще съ такой увѣренностью въ своихъ мѣткихъ ударахъ—что будто-бы этихъ сѣрыхъ мужиковъ не втрое меньше, а больше разъ въ пять разъ... И вотъ вамъ уже моральное воздѣйствіе. Наша увѣренность въ побѣдѣ—это неувѣренность въ ней противника. Двѣ воли столкнулись. И болѣе самоувѣренная испугала ту, другую. А испугъ—это уже половина пораженія. Затѣмъ: нѣсколько пораженій отъ сильной воли, уже запугали. Уже будущій бой не будитъ въ идущихъ на него людяхъ желанія:

— А ну-ка, поборемся; чья возьметъ!

Онъ уже пугаетъ заранѣе!

Вотъ почему выростаютъ передъ нашимъ побѣдоноснымъ потокомъ укрѣпленныя позиціи,—цѣлыя крѣпости, переплетенныя жгучей проволокой и острыми сучьями „засѣкъ". И опять-таки, вполнѣ понятный психозъ, на первый взглядъ парадоксальный:

— Я готовлюсь къ бою. Противникъ силенъ и опасенъ. Я отгораживаюсь отъ него. Для чего? Да чтобъ не быть въ страшной сферѣ его непосредственнаго вліянія, чтобъ, будучи безопаснымъ, причинить ему возможно большія потери. Отъ этихъ двухъ сознанныхъ причинъ самоукрѣпленія—недалеко,—одинъ лишь шагъ, до боязни,—а вдругъ да эти укрѣпленія будутъ слабы? Я укрѣпляюсь еще больше. Но чѣмъ больше я укрѣпляю свою позицію, тѣмъ болѣе я убѣждаю себя въ силѣ противника, въ его мощи... Я не увѣренъ въ себя. Я надѣюсь на стѣнку, воздвигаемую между нами. И вотъ, въ результатѣ, непреложный почти, за рѣдкими исключеніями, законъ—чѣмъ сильнѣе и сложнѣе укрѣплена позиція—австрійцевъ—тѣмъ легче она будетъ отдана. Примѣры:—великолѣпно укрѣпленный Львовъ, почти безъ боя сданный Ярославъ... Но зато когда австрійцы дерутся, не запугавши себя заранѣе воображаемой мощью противника, воображаемой именно вслѣдствіи этого отгораживанія,—они дерутся, какъ львы.

Много имъ портятъ неважные офицеры, въ большинствѣ изнѣженные и вялые. Но это все еще не причины чтобъ на всякомъ перекресткѣ орать развязно:

— Австрійцы? Ну, это что! Это зайцы! Я не военный и то съумѣлъ бы справиться съ десяткомъ!..

А ну-ка—герой строчки и домашней стратегіи—поди, попробуй!

Въ мѣстечкѣ здѣсь штабъ дивизіи. А посему, конечно,

шпіоновъ—хоть прудъ пруди! То и дѣло ловятъ ихъ въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ и видахъ. Иныхъ отправляютъ въ штабъ корпуса въ N, а иныхъ вѣшаютъ тутъ-же. Тяжело глядѣть. И сознаешь вѣдь, что это необходимо, но... когда увидишь эти искаженныя безумнымъ, животнымъ страхомъ взрослыя лица съ потоками слезъ изъ остолбѣнелыхъ глазъ, — когда услышишь этотъ рѣзкій хрипъ въ перетянутомъ горлѣ—жуть беретъ.

Другое дѣло—смерть въ бою... Тамъ она примиряетъ съ собой. Я помню, какъ еще въ Россіи, одна немолодая уже дама дѣлала звѣрское лицо, сидя въ спокойной и уютной столовой, среди „домашнихъ стратеговъ"—и горячо говорила:

— А вы знаете, N пишетъ съ войны, что шпіоны одолѣваютъ ихъ и что ихъ полкъ уже шесть человѣкъ повѣсилъ... Мало, мало! Я бы ихъ *сто* шесть повѣсила, жидовъ пархатыхъ... Я, знаете,—разразилась она самодовольнымъ, птичьимъ смѣхомъ,—ему написала, что не ожидала за нимъ такой слабости,—и совѣтую ему не нѣжничать, а еще штукъ сто жидовъ повѣсить... Это моя просьба къ вамъ,—пишу ему... Ха-ха-ха!

И разливался безсмысленный, но переполненный самолюбованіемъ, смѣхъ — вотъ, молъ, я какая... Смотрите-ка! Жаль, что я не мужчина!

— Бѣдная, глупая птица! Если бъ знала она, что думали о ней мы, бывшіе передъ лицомъ смерти и познавшіе ея роковую, полную ужаса, близость. Интересно, чтобы эта птица зачирикала, если бъ ея дѣтей, какъ шпіоновъ, вздернули на ворота австрійцы...

Слухи объ общемъ наступленіи австро-германцевъ на нашъ длинный фронтъ, подтверждаются. Недолго и намъ ждать гостей сюда. А я все сижу и жду. Съ наслажденіемъ бы бросилъ вещи здѣсь, но... гдѣ ихъ потомъ найдешь! А вѣдь это не маневры, которые кончатся послѣ завтра, а

война... И это „послѣ завтра", скрыто отъ насъ туманомъ грядущихъ новыхъ усилій, новыхъ боевъ и жертвъ. И когда я еще смогу найти себѣ бѣлье, или табакъ!

Приходится ждать...

6 октября.

Неожиданностей на войнѣ,—хоть отбавляй. И только благодаря одной изъ нихъ, я вчера и третьяго дня командовалъ ротой въ пѣхотномъ полку и ходилъ въ штыки на австрійцевъ. Это я-то, убѣжденный кавалеристъ! Да уже больно положеніе-то было въ полку безъ офицеровъ почти, что поневолѣ приходилось признать изрѣченіе—„Нѣсть эллинъ, нѣсть іудей"... Полкъ началъ драться, отбивая атаки ломящихся довольно большими силами австрійцевъ, еще съ третьяго числа подошедшихъ къ С***. Тамъ люди бились. Тамъ забывали про раны, про боль, про усталость... А сидѣлъ здѣсь, здоровый? Нѣтъ, конечно, нѣтъ!

И вотъ я пошелъ суда, такъ сказать добровольцемъ.

— Много ли васъ—не надо ли васъ? Конечно, надо, каждую пару офицерскихъ рукъ! И, такъ какъ теперь, съ подходомъ австрійцевъ, я уже не могъ пробраться къ своимъ, ибо дорога одна и она во многихъ мѣстахъ залита была нахлынувшими развѣдочными партіями швабовъ, то я не могъ, мнѣ кажется, избрать ничего болѣе лучшаго, какъ принять участіе въ бою, гдѣ даже и мои мало-мало компетентныя въ стрѣлковомъ дѣлѣ руки, были полезными для общаго дѣла. „Унтеръ-за фельдфебеля", раненаго давно, инструктировалъ меня. Онъ говорилъ мнѣ какой прицѣлъ сейчасъ нуженъ лучше. Куда выслать дозоръ. Какой видъ перебѣжки онъ предпочитаетъ въ данномъ случаѣ. Онъ, конечно, былъ опытнѣе меня, т. к. уже дрался подрядъ третій мѣсяцъ здѣсь. А я зналъ толкъ лишь въ боевой развѣдкѣ и въ конной работѣ. Стрѣлковое же дѣло, вообще мало лю-

бимое у насъ въ конницѣ, я зналъ лишь на мирной практикѣ. Ну, а работа на маневрахъ и здѣсь — „двѣ большія разницы", какъ говорятъ южане!

Поэтому-то я и совѣтовался со своимъ „унтеромъ".

Четвертаго ночью ходили въ контръ-атаку. Вотъ ужъ эти ощущенія—мало описуемы! Они трудно поддаются привычнымъ словамъ и опредѣленіямъ...

— Полутемно. Туманъ. Стрѣльба. На насъ, или, вѣрнѣе, на сосѣдній участокъ, плыветъ какая-то „хмара" изъ смутно движущихся тѣней... Это австрійцы идутъ... Слышенъ гулъ. Тутъ все: крикъ, шумъ, топотъ все болѣе слышный, нервный и дробный. Я было рѣшилъ ударить на нихъ, но „унтеръ" посовѣтовалъ „сбрызнуть" пачками.

— Постоянный... По наступающимъ... Пачки... Начинай! Трескъ бѣгущій, захлебывающійся и перегоняющій. Свѣтло даже стало отъ мелькающихъ короткихъ, пороховыхъ огней... Сѣрая „хмара" посунулась влѣво, но потомъ загудѣла еще возбужденнѣе и, развернувшись мутнымъ отрывкомъ отъ общей массы, поплыла на насъ.

— Усилить огонь!—и рота сравняла скорость огня чуть ли не съ самыми странными пулеметами...

„Унтеръ" толкаетъ въ бокъ — Пора... Теперь въ самый разъ...—Смутно чувствую, что надо что-то сдѣлать сейчасъ важное, отъ чего зависитъ все... И путаются мысли.

Унтеръ-офицеры сами догадались и засвистѣли во всю. Надо сказать что-нибудь—мелькнуло въ умѣ...

— Братцы... (голосъ измѣнилъ!)... Братцы... Встать!

— Ребята!.. (Что же я!?) — За мной! Ура!! (Вотъ оно! слово-то). Дико и нестройно рявкнулъ хоръ осипшихъ глотокъ, а я уже за брустверомъ и бѣгу туда... Оглянулся—рядомъ спотыкающіяся сѣрыя фигуры...

— Вашбродь!—Отчаянный крикъ въ ухо.—Берегитесь! Передо мной человѣкъ. Лицо плохо видно. Движеніе

тоже... Но я сознаю острымъ, мгновенно вспыхнувшимъ, звѣринымъ чутьемъ, что человѣкъ мнѣ сейчасъ причинитъ вредъ... Чѣмъ? Все равно... Палецъ впивается въ курокъ браунинга и гремитъ нелѣпо и рѣзко выстрѣлъ. Въ тотъ же почти моментъ бѣжавшій на меня австріецъ спотыкается и съ короткимъ—а-а! падаетъ мнѣ подъ ноги. Я смаху валюсь черезъ него и испуганно подбираю ноги, чтобы „онъ" не схватилъ меня за нихъ...

— А чортъ!—слышу и чувствую, какъ кто-то споткнувшись, въ свою очередь, объ меня, ругается сердито и коротко. Гвалтъ, какъ у „толпы за сценой"... Слышу лязгъ ударовъ. Только вскочилъ—передо мной мелькнулъ короткій штыкъ. Я успѣлъ припасть и схватилъ нападавшаго за колѣни. А потомъ—(не даромъ я боролся раньше!)—быстро перекинулъ его черезъ себя и выхватилъ шашку. Кругомъ шла свалка. Меня толкали, швыряли спинами въ борьбѣ. Слышался изрѣдка характерный возгласъ мясниковъ—нутромъ—г-гекъ! и вслѣдъ за ними короткій крикъ, или тупой ударъ. Въ этой свалкѣ я впервые увидѣлъ, какъ маленькій солдатенокъ ткнулъ штыкомъ офицера-австрійца. Но тотъ не упалъ, а схватился за воткнутый въ грудь штыкъ. Тогда солдатъ выстрѣлилъ въ него въ упоръ, не вынимая штыка въ грудь и тотъ будто отброшенный чѣмъ-то, отпрянулъ, и упалъ, странно взметнувъ длинными ногами.

Въ этой свалкѣ я услышалъ сухой и тупой трескъ ломающихся костей. Кто-то схватилъ меня за горло. Рукоятью шашки я ударилъ по чужой головѣ. Голова что-то пробормотала и я больше ея не видѣлъ, какъ и тѣхъ рукъ, что сжали было мнѣ горло...

Когда, мы, прогнавъ австрійцевъ, вернулись въ окопы, все тѣло у меня дрожало мелкой, конвульсивной дрожью,—послѣдствіемъ сильнаго физическаго и моральнаго напряженія...

И было очень тепло.

Вчера, въ такой же атакѣ мнѣ пришлось столкнуться съ ихнимъ офицеромъ. У него былъ узкій, но длинный палашъ. У меня казачья шашка безъ гарды. Я инстинктивнымъ движеніемъ тренированной на „защитахъ“ руки, отвелъ ударъ и нанесъ свой. Минуты двѣ мы дрались какъ въ манежѣ на состязаніи, чутко и по звѣриному ловко и осторожно. И я, глядя, (это было засвѣтло), на курносое и румяное лицо съ холенными бачками и усиками, въ эти сѣрые наивные глаза, почему-то поразился.

— Зачѣмъ!.. Почему? Вѣдь мы съ этимъ бѣлокурымъ нѣженкой и не знали другъ о другѣ... И нелѣпо было бы сознавать, что *человѣкъ*, вѣнецъ творенія, интиллегентъ безъ сомнѣнья, тычетъ въ меня своимъ желѣзомъ и норовитъ *убить* меня... И тутъ я понялъ, что мы сейчасъ *не люди*, а живая сила страны... И то убійство, которое сейчасъ совершится—будетъ законно и... почетно!

На десятомъ ударѣ мнѣ удалось ткнуть его концомъ шашки въ правый високъ и больше я его не видѣлъ...

Ночью австріяки, потерявъ надежду сдѣлать съ нами что-либо штыками, начали засыпать насъ восьмидюймовыми гранатами. Было жутко.

Однимъ разрывомъ совсѣмъ около, меня швырнуло на землю и захоронило землей. Я пролежалъ часа три безъ сознанія. Сегодня бой на время стихъ. Я отлежался въ здѣшнемъ дивизіонномъ лазаретѣ и вечеромъ ѣду въ полкъ, съ проходящимъ туда обозомъ. Врачи не пускаютъ и настаиваютъ, чтобы я уѣхалъ съ ранеными. Дудки!

Но „между прочимъ“, какъ говорилъ одинъ мой деньщикъ, почти ничего не слышу и совсѣмъ плохо вижу. „Усе болитъ“, однимъ словомъ. Но надо же подраться въ конномъ, любимомъ строю.

10 октября.

Я въ полку. Еле-еле добрался. Пріѣхалъ въ Галицію съ сѣвера на югъ. Погода установилась. Легкая изморозь кудрявитъ бѣлымъ кружевомъ инея просыпающіеся по утрамъ рощи. Куда ни глянетъ глазъ—тянутся склоны, лощины, холмы и переломы сѣверныхъ Карпатъ, то-есть вѣрнѣе, бескидъ. За ними желанная Венгрія съ ея старымъ виномъ, съ дорогими клинками и горячими женщинами. Мы уже заглядывали туда, въ просторныя равнины красивой страны. Но измѣнившаяся обстановка на нашемъ правомъ флангѣ и въ центрѣ, заставила насъ уйти оттуда и вновь засѣсть въ суровыхъ лощинахъ сѣверныхъ склоновъ этой горной естественной границы нашего въ далекомъ прошломъ и въ блестящемъ настоящемъ государствѣ.

Въ настоящемъ потому, что теперь-то уже едва ли Австрія вернетъ Галицію.

Плохое время я выбралъ для прибытія въ полкъ. Конной работы, увы, нѣтъ! Она была раньше, когда еще венгерская конница не обтрепала свои яркіе мундиры и рейтузы въ стычкахъ съ нашими лихими кавалеристами. Тогда, въ началѣ войны, нерѣдко приходилось драться за тяжелую шашку и полосовать ею налѣво и направо въ шумѣ и хаосѣ конной стычки. Бываютъ, правда, и теперь кой-какія дѣлишки, но... въ нихъ участвуетъ не больше двадцати-тридцати всадниковъ съ обѣихъ сторонъ. А больше все пуля. Да и правду надо сказать, не очень-то разскачешься на этихъ горныхъ, скользкихъ тропинкахъ и скатахъ. Лѣса, овраги, болота, буреломъ, камни — вотъ театръ для кого угодно, но только не для конницы.

А жаль! Умѣютъ драться венгры! И когда окончится война и въ ореолѣ славы встанутъ имена, числа и факты,— этой славы нашихъ конныхъ полковъ много помогутъ дравшіеся лавами венгры.

Это былъ ихъ бенефисъ и дебютъ, когда они, цѣлой дивизіей, на маленькихъ, горячихъ коняхъ, всѣ въ цвѣтныхъ сукнахъ и ярко горящихъ пряжкахъ и бляхахъ, неслись съ дикимъ гуломъ на наши стрѣлковыя цѣпи и окопы...

Грохотала земля... Навстрѣчу неслись тысячами глупыя пули и падали подъ ихъ укусами и кони и люди, задержанные въ своемъ бурномъ бѣгѣ. Рвались и плавили воздухъ очереди шрапнелей и все больше и больше оставалось яркихъ пятенъ на землѣ, позади прошедшей лавины... Но она все шла. И уже видны были длинныя искры палашей и взметы лошадиныхъ тѣлъ, набавлявшихъ карьера... О! Что эта за чудная, гордая картина была!.. Застонала земля предъ окопами нашими и, не смогшіе остановить огнемъ близящійся валъ стрѣлки, поспѣшно ушли изъ окоповъ на опушку лѣса сзади, чтобъ тамъ съ помощью толстыхъ деревьевъ, остановить бѣшеный приливъ рыцарей... А они, эти рыцари, все шли!! И вотъ въ послѣдній моментъ, когда передніе дикіе кони уже перепрыгивали мощными бросками оставленные стрѣлками окопы — загудѣла земля слѣва... Новая лавина, съ длинной колеблющейся щетиной пикъ впереди, вынеслась во флангъ венграмъ, припавъ къ шеямъ идущимъ во весь опоръ лошадей и горя однимъ многотысячнымъ желаніемъ — доскакать и убить!.. Сшиблись... И два часа подрядъ шло кровавое мѣсиво лошадей, людей, ударовъ и брызговъ крови... И многіе изъ насъ, получившіе тяжелые удары палашей, могутъ гордиться ими, ибо получили ихъ отъ истинныхъ рыцарей, храбрыхъ и красивыхъ своей средневѣковой удалью. И первое время наши шашки, безсильно скрежеща, скользили по твердымъ шапкамъ и эполетамъ венгровъ... А ужъ потомъ, онѣ, эти шашки, смекнули въ чемъ дѣло и стали бить по лицамъ и шеямъ, дробя хрящи, лохматя кожу и глубоко просѣкая твердыя мышцы...

Но и венгры не зѣвали. И дай Богъ всегда такъ рубить всякому, какъ рубнулъ, напримѣръ, одинъ венгерскій гусаръ, разбившій у казака дульную накладку на винтовкѣ и на ноготь вогнавшій свой длинный и тяжелый палашъ въ сталь дула винтовки. Кто знаетъ, что такое рубка, тотъ пойметъ, чего стоитъ этотъ ударъ. Но все же лихачу-гусару онъ стоилъ жизни, выткнутой изъ него жаднымъ лезвіемъ послушной пики... Да. Это была битва рыцарей. И всѣ бывшіе въ ней—храбры.

А теперь... Послѣ этого дѣла, стоившаго венграмъ почти всей дивизіи, большихъ боевъ нѣтъ. И часто кавалеристъ дѣлаетъ перебѣжки и зарывается въ землю, какъ наиопытнѣйшій стрѣлокъ. И также ходитъ въ атаку, раскачиваясь на непривычныхъ къ долгому бѣгу, ногахъ... Причина? Страшная убыль въ лошадяхъ и съ той и съ другой стороны. Вѣдь многіе кони прошли безсчетное число верстъ, считая походы и развѣдочную работу... А эти горы? А это гоньба по камнямъ? А безкормица изъ-за недостатка времени? Да развѣ мало причинъ для того, чтобы окончательно надорвать животы нашимъ конямъ... Да еще наши-то еще хоть кой-какъ, но работаютъ — а у австрійцевъ и этого нѣту... Всѣ почти „опѣхотились".

Много было спора изъ-за лошадей. Что нужно кавалеристу? ростъ? порода, или кровь? Выносливость? По всей вѣроятности эта война много скажетъ рѣшающаго по этому вопросу.

Но пока, теперь уже, въ достаточной мѣрѣ выяснилась непригодность холеныхъ чистокровныхъ лошадей, какихъ много у венгерской конницы.

Съ другой стороны, такая лошадь, вершковъ на пять, даже на шесть, хороша для тока. Налетитъ съ хода на низкорослаго степняка и, какъ гончая зайца, опрокидываетъ его грудью...

Но та же громадина „кровная“ вязнетъ и бьется со своими саженными ногами, проваливаясь въ болотинѣ, по которой, правда, кое-гдѣ спотыкаясь и увязая, прошли собачьей „ходою“ наши казачьи кони. Лучше всего, по-моему, имѣть лошадь степной породы, не избалованная, съ привитымъ удачными скрещеніями хорошимъ сердцемъ и мощнымъ костякомъ. Ростомъ вершокъ или два. Тогда она будетъ хороша на ходу, тверда въ „сшибкѣ“, неприхотлива и вынослива въ походной безкормицѣ и, наконецъ, что очень важно, не будетъ вязнуть въ каждомъ болотѣ.

А что она не будетъ рѣзва, какъ прямые потомки знаменитаго „Эвклипса“, и не будетъ дѣлать прыжки по сажени вверхъ, какъ стиплера со звонкой родословной, такъ это и не важно... Намъ это и не нужно.

Сейчасъ заняты скучной работой—несемъ сторожевку. По очереди проводимъ глухія ночи въ холодномъ молчаніи у опушки лѣса на какомъ-нибудь склонѣ; слѣдимъ и провѣряемъ часовыхъ. И все время ждемъ—вотъ-вотъ тревога. Но ея нѣтъ. Есть изводящія мелкія перестрѣлки, нудныя и ненужныя. Правда, конечно, и наше дѣло важно и почетно, но... скучно зябнуть безъ хорошихъ согрѣвательныхъ...

А по всему Сану бой...

11 октября.

Увы, ничего нѣтъ новаго. Вокругъ все надоѣло. Только одно утѣшеніе, что мы все-таки въ завоеванной странѣ, а не на своей границѣ, какъ въ Пруссіи.

Сегодня пришла почта. Сейчасъ раздавать будутъ.

Иду! Иду!

12 октября.

Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ! Сразу груда писемъ. И изъ дому, и отъ знакомыхъ и отъ жены.

Изъ этихъ конвертовъ, съ изорванными въ нетерпѣніи краями, пахнуло такимъ тепломъ, такой радостью, что мы забыли все: и дурную погоду, и нудное сидѣнье въ своихъ ущельяхъ, и раны, и смерть товарищей—все, все, что дѣлало тяжелымъ наше сердце... Всѣ обмѣнивались новостями, говорили о *своихъ* мѣстахъ, о *своихъ тамошнихъ* дѣлахъ и атмосфера войны потускнѣла. Мы всѣ будто бы перенеслись въ уютныя, свѣтлыя комнаты своихъ далекихъ, родныхъ домовъ и вдохнули ихъ атмосферой. И эти вздохи были, какъ оттягивающее жаръ лѣкарство. Они отвлекли насъ отъ войны и, на мгновеніе, мы дышали не ею. Это разрядило сгущенную атмосферу. Такъ иногда въ сырыхъ окопахъ, когда заболятъ отъ долгаго лежанья подъ смертью и душа и тѣло,—сгущенную и тяжелую атмосферу, невыносимую въ концѣ концовъ, разрѣшаетъ переборъ гармоніи, несложной и смѣшливой переборъ простого инструмента, извлеченнаго изъ глубины „вещевуши". И овеселятся хмурыя лица, сползетъ напряженность, а свистъ стали надъ головой и мысль о близкой смерти, станетъ хоть на мгновенье далекой. И вздохнуть облегченно всѣ вокругъ, ибо они дохнули *роднымъ* домомъ, но еще не сознали грусти отдаленія отъ него, неизбѣжно идущей за этими облегченными вздохами. Но пусть будетъ грустно потомъ, но зато какое наслажденіе два раза перечитать дорогое письмо и бережно спрятать его до ночи, когда на сонъ грядущій снова ярко-внимательно прочтутся дышащія любовью строчки!

Это ничего, что сейчасъ горитъ на столѣ, убогомъ и покатомъ, масляный фонарь съ австрійскаго вагона; ничего, что на нашемъ столѣ лишь котелокъ съ мутнымъ чаемъ, а твердые, какъ камень, сухари; ничего и то, что въ пробитый швабскимъ, или нашимъ (Богъ вѣсть!) снарядомъ, потолокъ нашей убогой „халупы", заглядываетъ слезливой

и холодной темнотой угрюмая ночь, — мы веселы! Пусть наши постели—хлопья соломы, раскиданныя тутъ и тамъ по грязному полу избы; пусть наши тѣла ноютъ отъ усталости и отъ тяготы, неснимаемой даже на ночь, вотъ ужъ съ недѣлю, аммуниціи; пусть мы не знаемъ, кого изъ насъ опустятъ завтра въ грязную и склизкую братскую яму—все ничего! У насъ есть драгоцѣнность:—съ нами сейчасъ души и мысли нашихъ далекихъ и близкихъ, въ одно и то же время, людей. И вотъ мы веселы; любезны другъ съ другугомъ; услужливы и ласковы. Намъ пріятно и мы дѣлаемъ другъ другу удовольствіе, болтая о чужихъ, въ сущности, невѣстахъ, братьяхъ, женахъ и матеряхъ. Сейчасъ всѣ онѣ и они намъ близки. Невѣста вотъ этого долговязаго хорунжаго близка и понятна и мнѣ. И я раздѣляю его радость при чтеніи дорогого письма. И онъ, не конфузясь меня, цѣлуетъ подпись-шифръ любимаго имени.

Есть зато и несчастливцы;—это тѣ, кто или не получилъ писемъ, или же получилъ, но тревожныя.

Одинъ подъесаулъ мраченъ, какъ ночь. Онъ не успѣлъ переслать воинскому начальнику аттестаты для своей жены, а самому трудно регулярно высылать деньги (поймайте-ка нашу полевую почту!) И вотъ жена въ пиковомъ положеніи—безъ денегъ... Скверно. И мы не утѣшаемъ, хотя и хотимъ. Вѣдь все равно не утѣшишь,—ибо нечѣмъ!

Какое счастье, что моя жена—артистка. У ней есть свой кусокъ хлѣба, на всякій черный случай, конечно!

А вотъ и газеты. Съ жадностью хватаемъ ихъ и развертываемъ пропутешествовавшіе черезъ всю Россію и Галицію листы. Ого! Долго жъ они, однако, путешествовали!

Вышли въ свѣтъ изъ душныхъ и липкихъ тисковъ „ротаціонки" еще 25-го сентября. А сегодня двѣнадцатое октября. За семнадцать дней много перемѣнъ могло произойти! Но все-таки это вѣдь *газета!*

Ну, конечно! Глупости на стратегическія темы въ передовицахъ... Небывалые случаи изъ боевой жизни... Долой!

Кто убитъ... Нѣтъ ли знакомыхъ и, храни Богъ, близкихъ,—вѣдь у меня отецъ въ Пруссіи.

Зрѣлища и театры... Повѣяло шумомъ оживленнаго антракта, свѣтомъ люстръ, говоромъ разряженной толпы...

Эхъ! Хорошо бы сейчасъ „Русалку“ послушать!..

А у кого-то ужъ та же мысль промелькнула и онъ, продолжая читать, мурлычитъ изъ каватины:—

„— Мнѣ все здѣсь на па-а-мять
Приводитъ былое,
Дни юно-о-сти кра-а-сной,—
Приво-о-о-ольные дни!“

Да, гдѣ-то вы, привольные дни! Воображаю, какъ переполнены театры, когда армія вернется послѣ побѣдоносной войны домой!

А пока... Эхъ, пишите же намъ больше, жены, матери и невѣсты! Ей Богу, и война шуткой бы прошла. А бои все идутъ и мы все безъ дѣла сторожимъ; и перестрѣливаемся съ мелкими партіями австрійскихъ развѣдчиковъ... А мои глаза все хуже и хуже. И нынче вечеромъ едва разсмотрѣлъ совсѣмъ недалекую партію конныхъ австрійцевъ, болтавшуюся по полямъ.

Ужъ вахмистръ указалъ, гдѣ она.

Доктора находятъ послѣдствія контузіи, отозвавшейся на глазахъ. Плохо! Ну, да Богъ дастъ, и пройдетъ.

А такъ вѣдь ничего—не больно будто бы!

Публика наша шумитъ и споритъ о Шаляпинѣ; пріятно послушать споръ не на военную тему... Это все письма, да газеты надѣлали—все это оживленіе!

14 октября.

Сегодня выдерживали въ пѣшемъ строю атаки боснiй-

цевъ. Сначала мы были въ страшномъ недоумѣніи—что такое? Откуда здѣсь турки? Красныя фески, загорѣлыя лица. Потомъ уже разобрались, что на нашихъ врагахъ не фески, а причудливыя красныя шапки. А отъ захваченныхъ плѣнныхъ узнали, что они боснійцы и присланы въ подкрѣпленіе австрійской арміи. Что до сихъ поръ ихъ полки на войнѣ не были еще. Чортъ знаетъ, что такое! Эта Австрія дѣйствительно состоитъ изъ самыхъ разноплеменныхъ народностей. Въ венгерахъ, по ихъ лицамъ судя, безъ сомнѣнія есть монгольская кровь.

Словаки и русины порою совсѣмъ не отличаются отъ нашихъ малороссовъ и мои казаки, въ большинствѣ хохлы же, свободно съ ними объясняются и очень ладятъ. Сами швабы—полунѣмцы какіе-то. Правда, въ нихъ нѣтъ той тупой жестокости и безсмысленной самоувѣренности, которая сквозитъ въ каждомъ жестѣ и словѣ нѣмецкаго, или вѣрнѣе, прусскаго вояки, но все же они нѣмцы. Только они—болѣе интиллегентны. За послѣднее время всѣ эти „иноплеменники" порядкомъ деморализировались, судя по разсказамъ плѣнныхъ. Но все же у Австріи еще осталось много живой силы и ее надо сломить. А какъ и когда это удастся—Богъ знаетъ!

Говорятъ, что венгры очень будто бы волнуются и не хотятъ драться. Если они откажутся отъ войны—Австріи, т. е. швабской и главенствующей ея части,—придется плохо. Уйдутъ венгры, уйдутъ и словаки и тирольцы и вотъ эти же черномазые боснійцы.

И что же останется? Почти что ничего!

А наши, слышно, намяли имъ немного бока на Санѣ и снова перешли черезъ него. А то ужъ тутъ у насъ даже слухи пошли нехорошіе; хотя мы слухамъ и не придаемъ значенія, но все-таки—непріятно сидѣть на дальнемъ флангѣ и бояться за центръ.

Теперь становится яснымъ, что если ужъ такіе бои, какъ теперь подъ Варшавой, идутъ и на Санѣ, не могутъ рѣшить кампаніи, то безъ сомнѣнія—война затянется minimum до весны. А мои глаза все хуже. Неужели перестану быть годнымъ здѣсь и придется уѣзжать... А вдругъ наши снова пойдутъ въ Венгрію, гдѣ я еще не бывалъ! Брошу писать, больно глазамъ.

17 октября.

Все время мелкія дѣлишки. Правда, теперь насъ похлестывать стали и артиллерійскимъ огнемъ, но все-же коннаго дѣла не предвидится. Ведемъ теперь и развѣдку по очереди сотенъ. Такъ какъ офицеровъ мало, то приходится одному и тому же быть за всѣхъ: и въ развѣдку ходить, и сотней заправлять, и въ сторожевкѣ сидѣть и... даже отчетность вести бумажную, какъ это ни странно звучитъ здѣсь, въ мірѣ, очень далекомъ отъ бумажнаго. Ничего не подѣлаешь! Государство—это машина. И въ ней, въ машинѣ этой громоздкой—еще милліоны машинокъ заведены и въ ходъ пущены... Этимъ тиканьемъ всѣ мы держимся.

Сегодня привели ко мнѣ въ сторожевкѣ какого-то нелѣпаго австріяка. Въ чемъ дѣло? Мнѣ со смѣхомъ докладываютъ конвоиры въ черкесскахъ, что вотъ, Вашбродь, къ намъ проситься пришелъ! Что?! Да, правда, вотъ онъ обскажетъ, онъ по-поляцки баетъ.

— Кто вы такой?

— Кадетъ.

— Какъ кадетъ?

Оказывается онъ доброволецъ, выпускной кадетъ. Несетъ обязанности офицера.

— Что-жъ вы здѣсь дѣлаете? Зачѣмъ пришли?

— Гдѣ у васъ тутъ плѣнъ?—въ отвѣтъ.

— Что?!

— Плѣнъ... плѣнъ...—бормочетъ, ласково улыбаясь, худощавый и какой-то болѣзненный на видъ парень.

Чудакъ оказывается намерзся, наголодался и усталъ въ развѣдкѣ.

Затѣмъ, какъ-то умудрился потерять своихъ и съ отчаянія рѣшилъ пойти къ намъ.

— Здѣсь тепло... Кормятъ... „Хляба"—есть... Я русинъ...

Я прямо-таки поразился. И жаль мнѣ его стало, этого птенца. Притащилъ его къ себѣ въ землянку. Чаемъ горячимъ отпоилъ, накормилъ, чѣмъ могъ.

Отошелъ мой птенецъ!

Порозовѣлъ весь, оживился. Благодарно взглянулъ на меня съ наивной и слегка застѣнчивой улыбкой и вдругъ заявилъ на ломанномъ русско-польскомъ нарѣчіи:

— Никогда больше не буду воевать!—И такъ это у него искренне и просто вырвалось,—просто прелесть. Такъ и переночевалъ здѣсь у меня, ибо посылать его въ штабъ было не съ кѣмъ—люди всѣ въ расходѣ. Оружіе онъ самъ мнѣ отдалъ съ изящнымъ поклономъ. Новешенькій „Piper-Steier"—типъ нашего браунинга, я оставилъ себѣ. Пригодится еще. А длинный, но жидкій клинокъ сабли отдалъ казачатамъ для вертела—шашлыкъ жарить. Больше у моего „гостя" ничего не оказалось, кромѣ пары писемъ, да коробки съ кокаиномъ, безъ котораго не идетъ въ бой ни одинъ австрійскій офицеръ. Да и у солдатъ „кокаинизмъ" очень развитъ. Потому то они иногда и бродятъ въ бою, какъ сонныя мухи, равнодушно вынося опасность.

Впрочемъ, и правда, глоточекъ кокаину не помѣшаетъ кому угодно, когда разрывная пуля разворотитъ кишки и впереди будетъ неизбѣжная и страшная смерть... Впрочемъ, зачѣмъ о такихъ вещахъ думать! Намъ объ *этомъ* думать нельзя. А то нервы съ натянутыхъ колковъ соскочатъ, а тогда... Бѣда!

Пока еще мы чувствуемъ себя сносно. И выносимъ опасность хорошо, т. е. владѣемъ собой и дѣлаемъ свое дѣло по мѣрѣ силъ спокойно. А вѣдь это-то владѣніе собой и есть знаменитая *„храбрость“*, ибо нѣтъ ни одного живого и нормальнаго человѣка, который въ самой глубинѣ своей души не боялся смерти и мученій.

Всѣ боятся. Но только каждый по своему эту боязнь переноситъ, одинъ спокойнѣе, другой—послабѣе нервами—хуже и больше волнуется...

И это видно бываетъ сразу, подъ обстрѣломъ. И интересно наблюдать за всѣми.

Одинъ—абсолютно спокоенъ и равнодушенъ. И только дергающійся изрѣдка, при близкихъ разрывахъ, мускулъ на щекѣ, говоритъ вамъ о томъ страшномъ волевомъ напряженіи, въ которомъ находится этотъ невозмутимый офицеръ.

Другой—веселъ, оживленъ. Посмѣивается. Шутитъ. Даже бунчитъ подъ носъ какую-то пѣсенку. Но внутри его все напряжено. Онъ волнуется страшно и не можетъ быть спокойнымъ молча. Ему надо отвлечься искусственно поднятымъ бодрымъ настроеніемъ отъ чувства страха.

Третій хватается за драгоцѣнную, ибо она рѣдка, фляжку съ коньякомъ, или спиртомъ и, прячась, дѣлаетъ крупный глотокъ. А потомъ тоже, шутитъ. Подмигиваетъ всѣмъ, суетится зря. Этотъ еще трусливѣе.

А есть и четвертые,—вродѣ меня, которые въ моментъ нахлынувшей опасности, какъ-то не сознаютъ ее и дѣлаютъ начатое раньше дѣло; а потомъ, когда миновала опасность—ощущаютъ страхъ и ужасъ передъ прошлой уже смертью...

18 октября.

Опять съ утра и до вечера стычки. Это подъ конецъ начинаетъ надоѣдать, а главное—устаютъ нервы. Да, безъ

сомнѣнія въ нынѣшней войнѣ тотъ возьметъ верхъ, у кого большая выдержка и терпѣніе. Живой силы много у всѣхъ воюющихъ сторонъ и даже современная адская техника уничтоженія этой живой силы не сможетъ ничего сдѣлать тутъ. Падутъ милліоны, но на ихъ мѣста встанутъ другіе. Наше настроеніе поддерживается мыслью о хорошомъ руководительствѣ нами сверху. Это сознаніе даетъ покой. Знаешь, что все предугадано *тамъ*, въ томъ кабинетѣ, гдѣ одинъ усталый человѣкъ съ мощнымъ лбомъ и вдумчивыми глазами сидитъ ночами надъ громадной картой и легкими мановеніями умѣющихъ быть желѣзными рукъ, двигаетъ милліоны людей и тысячи пушекъ по карминовымъ путямъ карты.

И еще, что много намъ помогаетъ теперь,—это широкая иниціатива, дающаяся даже молодому начальнику крошечной части.

Вотъ твоя задача. Вотъ твои люди и средства. Вотъ направленіе. Иди и... самъ теперь себѣ голова,

Это страшно развязываетъ руки. Мы учились, мы должны знать дѣло. Хватитъ головы—удача. Не хватитъ—ну, что-жъ! Мою ошибку, хотя и невольную, исправятъ. И въ этомъ кроется наше боевое товарищество отъ великаго до малого чина всей колоссальной арміи.

Какъ это ни странно, но у всѣхъ почти у насъ, создается понятіе, что деремся лишь мы одни, т. е. Россія. А наши достославные союзники, не во гнѣвъ имъ будь сказано, въ высшей степени индеферрентно относятся къ своему дѣлу и помощи отъ нихъ путной, все нѣтъ, какъ нѣтъ! Берутъ очевидно силы, да и побаиваются малость. Ну, да что-же! И одни, Богъ поможетъ коли, справимся.

А все-таки хорошо здѣсь!.. Боевое товарищество; сильныя переживанія; работа боевая. А главное—это сознаніе выполняемаго долга передъ кормившей тебя страной... Вотъ

только жаль, что здоровье все хуже и глаза плохо работаютъ...

. . . .

. . . .

. . . .

1 ноября.

Я въ Россіи. Мои глаза—уже не мои и видятъ тогда лишь,—когда имъ это захочется. И болятъ... болятъ. Я прервалъ изъ-за нихъ свой боевой дневникъ. И вотъ теперь хожу взадъ и впередъ по комнатѣ, а за столомъ усердно пишетъ, ловя мои фразы, жена...

Осенняя, а совсѣмъ не зимняя, и сырая ночь смотрится въ большія окна своими тусклыми глазами...

И громадный домъ вздрагиваетъ и отдаетъ во всемъ тѣлѣ стукъ сразмаху захлопнутыхъ дверей внизу и гулъ и дрожжанье грузовика съ басовыми гудками, прокладывающаго дорогу тамъ, внизу на оживленной, вечерней улицѣ.

Подхожу къ окну. Больные глаза плохо видятъ, но все-же передъ ними свѣтлыя пятна дуговыхъ фонарей и голубыя искры скрежещащихъ трамваевъ, а не пустынное, снѣжное поле, ровное и туманное, синее въ вечернемъ полуснѣ зимы. И вихрь думъ будятъ въ душѣ гудки автомобилей, крики газетныхъ „камло", весь этотъ куда-то несущійся и смѣющійся и плачущій шумъ многолюднаго муравейника. Вспыхиваютъ наглыя свѣтовыя рекламы на сосѣднихъ крышахъ... И такъ это все рѣзко отличается отъ недавняго, что въ душѣ кипитъ какой-то хаосъ. Какъ все это вышло? Я бросилъ свой дневникъ и вслѣдъ за тѣмъ, мы вновь двинулись наверхъ, на перевалы таинственныхъ Карпатъ. Что за чудныя, лунныя ночи сверкали сине-бѣлыми тѣнями на граняхъ и ребрахъ старыхъ утесовъ! Какъ завороженныя стояли въ игольчатыхъ, плетеныхъ изъ снѣжныхъ пушинокъ рюшахъ—деревья, сонныя и безучастныя... Все выше,

все выше... И вотъ уже разрѣженный горный воздухъ давилъ непривычную грудь и заставлялъ кого-то усиленно „тикать" въ вискахъ...

Тикъ-такъ... Тикъ-такъ... И звонъ въ ушахъ... И все выше и выше!

Грохочутъ выстрѣлы. И каждый изъ нихъ—это не выстрѣлъ, а цѣлый аккордъ звуковъ, сплетающихся и отскакивающихъ отъ каменныхъ тропъ и въ диссонансахъ и въ гармоничныхъ консонажахъ... Поетъ, мечется и плачетъ горное эхо... Стихла короткая, внезапная стычка и тихіе мертвецы смотрятъ пытливо въ лунную высь... А несмолкнувшее еще эхо далеко по переваламъ и запутаннымъ ущельямъ стонетъ и служитъ заупокойную, мистическую мессу по прерваннымъ внезапно молодымъ жизнямъ.

А оставшіеся живые,—лѣзутъ выше и, кажется, попадутъ скоро къ самой пятнистой лунѣ, такъ высоко они влѣзли.

Ну, и подъемы! Скользятъ копыта... Шипы стерлись и безсильны въ своихъ рѣзкихъ толчкахъ, напрягающіяся изъ послѣдняго лошадиныя ноги...

— Ну, и гора, чтоб-те разорвало!—пыхтитъ кто-то рядомъ, цѣпляясь за обмерзшій кустъ, осыпающій нарушителя своего сна уголками сухого снѣга.

— Н-да, хай ей біс...—откликается другой и прерываетъ самъ себя.

— Эй! Эй! Что дѣлаешь! Держи!

Сверху, скользя на безпомощно и некрасиво разставленныхъ ногахъ,—катится съ откоса чья-то лошадь...

Мгновеніе и два-три казака, сшибленные валящейся лошадью, то же катятся по холодно-скользкому скату. Груда тѣлъ, крики, брань. А гдѣ-то, изъ невиданной лощинки сбоку,—уже стукаютъ дѣловито австрійскія винтовки и высоко пущенныя при невѣрномъ лунномъ полусвѣтѣ вражьи пули „дзжикаютъ" надъ копошащимися тѣлами. Но на эти

пули никто не обращаетъ вниманія. Это вѣдь случайныя... Просто какіе-нибудь развѣдчики австрійскіе палятъ на шумъ. Эта стрѣльба—такъ, зря, изъ озорства!..

Но нѣтъ! Вотъ кто-то ахнулъ, будто въ шутку, (сильнѣе ахаютъ, когда стаканъ съ чаемъ прольютъ!).

Носилки!

На обледенѣлой землѣ сидитъ казакъ. Поднялъ руку и держитъ вытянутой впередъ... Куда ударили? Долой рукава черкесски и бешмета... Потѣшно! Какъ поднялъ парень давеча въ суматохѣ руку, такъ и прошло по ней во всю длину, отъ большого пальца къ плечу, шальная пуля... Пробила въ кисти руку, вышла сзади, почти у лопатки.

— Ничего! будетъ цѣла рука! Самъ оралъ тутъ, австріяка перепужалъ...—Сердито и смѣшливо говоритъ хохолъ-вахмистръ.—Это твой конь упалъ-то?

— Охъ, мой—сквозь зубы отвѣчаетъ сразу осунувшійся раненый.

— Ну, вотъ, самъ и виноватъ... Изъ-за тебя и стрѣлять зачали,—наставительно бурчитъ вахмистръ. И добавляетъ мягко и ласково:

— Не тужи... Авось... Да кланяйся тамъ. На станицѣ!

Нотка грусти въ общемъ еле слышанномъ вздохѣ.

Станицу вспомнили! Вѣдь и тамъ, поди-ка, также свѣтитъ луна... Али тучами все мабуть затянуло,—хмарою? Кто знаетъ... Эхъ! Хоть глазкомъ бы глянуть туда...

— Ходу! Ходу!—слышно тамъ впереди. И опять впередъ... А эхо все еще носитъ, только далеко ужъ очень, отголоски случайныхъ звуковъ, врѣзавшихся въ мистическую, звенящую тишину полночи.

Ему много работы теперь, этому эху. Дождалось! Вѣдь, подумайте, сколько откликовъ нужно ему переслать по зубчатымъ гребнямъ!

Дивныя ночи на Карпатахъ!

Заслоны, выставляемые австрійцами, мы сшибали шутя. Но тѣмъ не менѣе, я два раза чуть не погибъ, разъ наткнувшись со слѣпу на „ихній" разъѣздъ, а затѣмъ спутавшись въ направленіи на одинокую халупу и попавъ на австрійскую засаду. Да Богъ хранилъ... Черкесску, правда, въ двухъ мѣстахъ прошили. Ну, это пустое было! Глаза начинали отказываться отъ работы окончательно и безповоротно.

25-го октября, когда насъ замѣнили и дали намъ временный отдыхъ, меня отправили во Львовъ, гдѣ профессора-окулисты разъѣхались надъ моими зрачками и бѣлками. И вотъ странно, пока крѣпился и не ходилъ къ докторамъ даже въ отрядѣ,—было сносно,—а тутъ вдругъ сразу же осѣлъ, какъ проколотый пузырь. Просился, просился, чтобъ отпустили обратно—но, увы! И вотъ черезъ три мѣсяца съ начала моихъ боевыхъ дѣйствій—я попалъ таки въ узкій санитарный вагонъ, на который раньше всегда поглядывалъ съ любопытнымъ чувствомъ.

— А ну, попаду я въ твои нѣдра—храмъ страданій, или—минуетъ меня чаша сія?

Не миновала.

И такъ горько и обидно было слышать подъ собой стукъ колесныхъ бандажей, уносившихъ меня по промерзлымъ рельсамъ на сѣверъ, все дальше и дальше отъ желанной Венгріи, бывшей такъ близко и... улыбнувшейся мнѣ иронически! Длинная маета по этапамъ и эвакуаціоннымъ пунктамъ, по которымъ меня водили подъ руки повадыри...

Шумный Кіевъ, сверкающій огнями, съ его нелѣпымъ бревенчатымъ снаружи вокзаламъ...

И опять вагонъ. И вновь, но уже отъ периферіи къ центру, на этотъ разъ, все больше и больше лишнихъ разговоровъ о войнѣ. И чуть не сто разъ на дню, долгомъ и зим-

нѣмъ, въ скукѣ длиннаго вагона, звучали вопросы, обращенные ко мнѣ.

— А что скажите... Какъ это... На войнѣ-то? Страшно? И вообще... того... тяжеленько, поди?

Спрашивающій — полусѣдой, добродушный и румяный помѣщикъ изъ глубокой Россіи. Не хочется его обижать рѣзкимъ отвѣтомъ, говорить ему, что мнѣ, да навѣрное и всѣмъ намъ, ворочающимся *оттуда*, этотъ вопросъ навязъ въ зубахъ и что онъ по сути своей—нелѣпъ...

— Ну, да, конечно, всякому страшно! Но надо владѣть собой—говорить тошнотворныя, привычныя уже слова. Но помѣщикъ неумолимъ!

— А что собственно, страшнѣе — шрапнель или граната?—съ самолюбованіемъ чисто выговариваетъ онъ еще недавно незнакомыя ему слова;—вотъ, молъ, какъ я нынче... образовался... И шрапнель и гранату—все тебѣ въ лучшемъ видѣ и понимаю и опишу...

А одинъ такой же, пожилой учитель,—объяснялъ мнѣ долго, что всѣ эти вопросы, всѣ эти нелѣпые разговоры и такія же треволненія—все это исходитъ изъ того, что они, мирные граждане—слишкомъ нервничаютъ...

— Вы тамъ себѣ деретесь,—ну, а мы вѣдь безъ дѣла здѣсь. Вотъ и нервничаемъ и съ вопросами всюду тычемся...

Онъ правъ, конечно, но... вѣдь очень много и совсѣмъ пустыхъ разговоровъ... просто „для моды".

Встрѣтилась и еще одна категорія „обывателей". Тѣ съ мѣста въ карьеръ начинали.

— А что же это, батенька мой, скажите, почему у насъ войскъ мало?

— Что?

— Войскъ мало, говорю, — повторяетъ свою глупость „обыватель".

— Откуда вы это взяли?

— Ну, какъ же! Это всѣ знаютъ! Вѣдь, слава Богу, слѣдимъ за войной,—съ гордостью изрекаетъ онъ.

— Эхъ! Слѣдили бы вы лучше за своимъ языкомъ, мой дорогой!—хочется сказать „проникновенному" обывателю.

А онъ свое и свое...

— Все вотъ берутъ и берутъ... А все мало... Сознайтесь, неважныя тамъ дѣлишки у васъ?—Огорашиваетъ окончательно слѣдящій за войной „гражданинъ". Вотъ такихъ прямо слѣдовало бы не взирая ни на возрастъ, ни на семейное положеніе,—сдавать въ солдаты и посылать въ самую кипень, чтобъ они сами узнали наши силы и положеніе дѣлъ и не болтали зря, распуская пугливыя сплетни о скрываемыхъ пораженіяхъ и о „неважныхъ дѣлишкахъ".

И вѣдь что обидно, главное! Что этого дурака не разубѣдишь! Что ему ни объясняешь, сколько ему ни растолковываешь—онъ все свое упрямо и недовѣрчиво, съ хитро прищуреннымъ глупымъ глазомъ.

— Ну, да-а! Знаемъ мы, знаемъ! Въ Японскую войну вотъ тоже такъ-то... Кричали, кричали, а потомъ... пожалуйте...

— Да съ чего вы взяли все это, дикій вы человѣкъ?

— Какъ съ чего?—удивляется и онъ въ свою очередь,—да вѣдь вотъ до сихъ поръ, однако, мы не въ Германіи, а все Варшаву обороняемъ!

— Ну, такъ что же?

— Ну вотъ вамъ и что же! Значитъ силы недостаточныя у насъ, вотъ что!

И торжествующе глядитъ.

Что? Каковъ я? Всѣ вѣрятъ въ нашу мощь, а я вотъ—нистолечко! Мы сами съ усами! Сами понимаемъ, да только молчимъ!

И столько въ немъ сознанія своего значенія и такъ много

самолюбованія, что даже ругать его не хочется—видно вѣдь, что дуракъ!

Да. Много война родитъ толковъ и на всѣ-то лады будоражитъ и взвинчиваетъ засѣрѣвшіе отъ житейской мирной „просони“ умы...

И если подобныхъ вотъ скептиковъ, самовлюбленныхъ и хитро щурящихся на собесѣдника, много у насъ—то это печально! И долгъ каждаго изъ этихъ собесѣдниковъ вразумитъ этого чудака и убѣдитъ—хоть немножко повѣрить въ умъ тѣхъ, кто сталъ на защиту его же сѣрыхъ интересовъ.

Зато простой народъ—радуетъ своимъ большимъ и глубокимъ сердцемъ. И легче становится на душѣ, когда увидишь эти спокойныя и даже строгія лица, обвѣтренныя и грубыя, съ умными, отрезвѣвшими глазами, за которыми таится такая богатая и теплая душа, что хочется вѣрить поневолѣ во все хорошее и въ нашу мощь и въ нашу конечную побѣду! А какія славныя лица у молодежи—новобранцевъ! И хотя сквозитъ на нихъ, сквозь улыбку, боль разлуки и тоска предъ грядущимъ, но сколько вѣры въ нихъ! Да великъ русскій народъ и еще не изсякла его духовная сила, ведшая его къ побѣдамъ въ теченіе многихъ лѣтъ!

Какъ странно ощущать безопасность! Я до того привыкъ, что меня при малѣйшей неосторожности ждетъ ударъ со стороны противника, что какъ-то даже нелѣпо ходить по улицамъ и не опасаться ничего.

И все-таки—почему я не *тамъ*? Гдѣ люди, съ которыми я породнился страданіями и духомъ, дѣлаютъ свое тяжелое дѣло. Тамъ такъ хорошо! Сколько новыхъ друзей создала война. Тамъ, среди опасностей,—люди едва только увидѣвшіе другъ друга первый разъ въ жизни,—черезъ два часа, послѣ жаркаго дѣла, — становятся близкими и

родными... Тамъ я видѣлъ людей съ разбитой неудачной любовью жизнью и видѣлъ встрѣчи ихъ со своими счастливыми соперниками. И сначала ловилъ въ ихъ глазахъ напряженность злобы у одного и опасливое торжество у другого... Но проходилъ одинъ тяжелый, дымный и багровый отсвѣтомъ крови и пожаровъ день—и они, эти недавніе враги—уже обмѣнивались порою ласковыми взглядами и слѣдили одинъ за жизнью другого, какъ нянька... А черезъ два-три такихъ дня,—они уже тѣсно прижимались другъ къ другу иззябшими тѣлами во мглѣ холодной, окопной ночи и заботливо кутались одной рваной буркой, уступая другъ другу свободные края даже въ ущербъ себѣ.

И тѣнь женщины, когда-то ставшей между ними и какъ холоднымъ лживымъ лезвіемъ разрѣзавшей ихъ прежнюю связь и ихъ души,—отходила и пряталась въ дымномъ клубѣ лопнувшей около „восьмидюймовки". Личные счеты, месть и вражда, соперничество въ чемъ-либо, столь частое и рѣзко выражающееся у мужчинъ—таяли... Не было красивыхъ, не было богатыхъ, не было талантливыхъ среди насъ... И во тьму, путанную и грозящую молча и тревожно—шли рядомъ, дыша и стуча сердцами тактъ въ тактъ, на дерзкую развѣдку, два человѣка... И у одного изъ нихъ было пятьдесятъ тысячъ годового дохода, а другой... До войны, когда его призвали прапорщикомъ,—имѣлъ сорокъ рублей въ мѣсяцъ и жилъ на Шаболовкѣ, въ, отгороженной ситцевой занавѣской, грязной комнатѣ...

Но сейчасъ они были равны—эти два молодыхъ тѣла... Одинаково думали... Одинаково мерзли и по двадцать разъ на дню переживали острую близость смерти, мигавшей имъ и въ дымныхъ комкахъ шрапнели наверху, и въ буромъ пламени бурчавшихъ на „подлетѣ" крупныхъ снарядовъ...

И когда одному изъ нихъ присылали изъ дому цѣлый ящикъ всевозможныхъ „гостинцевъ"—не было зависти ни

у кого. И получившій оставлялъ себѣ лишь нужную ему часть табаку и пачку почтовой бумаги. А остальное *по братски,* поймите, *по братски* дѣлилось между всѣми. А солдаты? Эти сѣрые, молчаливые и желѣзные люди безъ пышныхъ, приписываемыхъ имъ корреспондентами, фразъ, безъ суеты, безъ стоновъ!.. Развѣ не счастье сознавать, что они, эти пришедшіе со всѣхъ концовъ Россіи люди—понимаютъ и любятъ тебя!..

Только слѣдите за ихъ настроеніемъ, всегда рѣзко измѣнчивымъ, какъ во всякой толпѣ.

И иногда сдѣлайте „красивый жестъ“ То-есть—отдайте пріунывшему солдатишкѣ—послѣднюю папиросу, но... обязательно сумѣйте показать, что она послѣдняя. Это будетъ „жестъ“, но подѣйствуетъ на людей. Не перебарщивайте въ своей дружбѣ къ нимъ и, главное, идите впередъ!—И эти люди окружатъ и заслонятъ васъ своими потными и крѣпко сбитыми мужицкими тѣлами въ нестройно-ожесточенной свалкѣ... Вынесутъ васъ изъ подъ самаго страшнаго огня и еще вамъ, лежащему на носилкахъ, сунутъ потихоньку, совсѣмъ потихоньку штукъ съ десятокъ дешевыхъ папиросъ.

— Когда, молъ, еще его благородіе багажъ свой найдетъ... А покуль пущай покуритъ—да своихъ вспомнитъ. И у многихъ столпившихся вокругъ носилокъ въ прощальномъ привѣтѣ своихъ солдатъ,—вы замѣтите стыдливо-недоумѣнныя слезы. А пожилой фельдфебель, или старикъ-вахмистръ,—дѣланно удивится страннымъ, щекочущимъ нервнымъ голосомъ:

— Штой-то это... Ровно-бы мошка въ глазу,—посштрѣлите въ пузо...—Выругается и отойдетъ. И по бабьи, отвернувшись, всхлипнетъ, швыркнувъ краснымъ, закоченѣвшимъ носомъ... И этотъ десятокъ папиросъ—плохихъ, пять копѣекъ—двадцать штукъ,—но рѣдкихъ здѣсь—сохраните...

Онѣ дороже всѣхъ золоченыхъ портсигаровъ и бюваровъ, поднесенныхъ вамъ когда-то „отъ товарищей и подчиненныхъ"—въ мирное еще время. А эти стыдливыя и прячущіяся за миѳическими „мошками" и соринками слезы—равны пожалуй только однѣмъ слезамъ—слезамъ бѣдныхъ матерей...

Насъ сроднили сѣрыя шинели у всѣхъ—сверху до низу...

Ихъ грубое, шершавое и колючее сукно покрываетъ всѣ—и барскія и небарскія тѣла...

И добровольцы, юноши съ будущимъ, съ высшимъ образованіемъ—тоже слились въ общую нашу великую единымъ духомъ семью...

Только вотъ напрасно ихъ такъ много. Нашихъ рукъ хватитъ и безъ нихъ въ тяжелой борьбѣ. Еще мы понимаемъ спеціалистовъ—спортсменовъ, автомобилистовъ, мотористовъ и прочихъ „истовъ".

Они нужны. Они знаютъ свое дѣло...

Но бѣдные полудѣти, едва ознакомившіеся съ затворомъ нашей винтовки... Зачѣмъ они? Это напрасныя жертвы! Тамъ, гдѣ профессіоналъ-солдатъ сумѣетъ вывернуться даже и изъ тяжелаго положенія,—доброволецъ погибнетъ... Потому что онъ „малограмотенъ" въ сложной азбукѣ нашего дѣла, состоящаго изъ милліоновъ на видъ совсѣмъ незначительныхъ мелочей...

Потому еще, что онъ храбръ „безъ пути", какъ говорятъ солдаты...Онъ любопытенъ и часто плошаетъ.

Ну, а тамъ всякая оплошность—вѣрная пуля въ високъ... И въ каждой части почти, первыми выбываютъ добровольцы... А вѣдь это часто квинтъ-эссенція нашей будущей культуры, нашей науки и всего будущаго нашей страны! И становится обидно и досадно, когда глядишь на то лохматое и измятое, что было только что кандидатомъ правъ... А матери, получившей изъ полка университетскій значекъ

сына, снятый съ разорванной шинели передъ опусканіемъ тѣла въ общую яму,—еще навѣрное обиднѣе и досаднѣе, не говоря уже о горѣ ея, понятномъ и большомъ.

А уже дѣти-добровольцы,—тѣ совсѣмъ вздоръ!

Конечно, каждая часть ихъ пріютитъ, хотя бы потому, что во всѣхъ русскихъ ротахъ, эскадронахъ и батареяхъ—живетъ обычай имѣть что-нибудь живое и безпомощнее при своемъ общемъ котлѣ. Въ мирное время во взводахъ и конюшняхъ казармъ—носятся разные „Шарики“ и „Пестрики“ съ репееподобными хвостами и съ наѣденными „на вольной ѣдѣ“ пузами. А теперь „Шарики“ разбѣжались. А надо же хоть кому-нибудь быть нѣжными, сунуть огрызенный кусочекъ сахару или позеленѣвшую отъ сырости копейку! Надо же приласкать кого-нибудь и излить на него всю нѣжность и ласку, не имѣющую выхода здѣсь, вдали отъ родныхъ и желанныхъ, въ чужомъ краю.

И вотъ солдатишки нянчатся съ малышемъ, сидя у привальныхъ костровъ. Хохочутъ и потѣшаются надъ его вопросами, наивными, дѣтскими... И гладятъ его заскорузлыми лапищами по стриженной головенкѣ, такъ же, и съ такимъже чувствомъ „солдатской жалости“, какъ гладятъ и козленка и кутенка...

Но вотъ—тревога! Сыпятся выстрѣлы и помрачнѣвшіе отъ жестоко прерваннаго сна, солдаты строятся наскоро оправляя амуницію.

— Горе съ малышемъ!—разоспался и отбивается—хнычетъ... Что съ нимъ дѣлать? Одна возня лишняя! А въ бою и подавно... Вѣдь жалко, что парнишку, зря совсѣмъ „забьютъ“... А въ бою жалость всякая развинчиваетъ и нервируетъ. Поглядишь, да и своихъ ребятенковъ вспомнишь... и тяжело станетъ... Да и вообще всѣмъ онъ мѣшаетъ... Тычется зря, подъ пули лѣзетъ... Болтаетъ...

Еле-еле удается подъ конецъ сплавить малыша куда-нибудь назадъ, въ тылъ.

А много ихъ вѣдь и ранено бываетъ и убито. Къ чему, зачѣмъ?

И безъ того лазареты полны... Лучшія силы страны, волей страшной птицы Рока,—превращаются въ размозженныя груды „пушечнаго мяса“...

Нѣтъ! Не надо, не туда, *туда* пускать дѣтей...

Еще одна ненормальность—что тьма, темъ частныхъ лазаретовъ.

Попадаютъ туда раненые и конфузятся нерѣдко, такъ какъ чувствуютъ себя чѣмъ-то будто бы обязанными передъ пріютившими ихъ людьми. И терпѣливо выносятъ разпросы безчисленныхъ, „отъ нечего дѣлать“ и по знакомству съ хозяевами лазарета, посѣтителей и особенно посѣтительницъ. А во многихъ такихъ, организаціонныхъ лазаретахъ, такое перепроизводство сестеръ милосердія, что имъ буквально нечего тамъ дѣлать. И одинъ вернувшійся снова на позицію къ намъ мой казаченокъ, препотѣшно разсказывалъ намъ, какъ за нимъ ухаживали въ одномъ такомъ лазаретѣ.

— И подходитъ, этто, ко мине еще одна „сестрица“, нарядная такая, да душистая. И говоритъ:

— Давай, гритъ, я тебѣ казачекъ домой напишу...

— Да, я, говорю, барыня ужъ никакъ третье письмо севодни-то такъ написалъ... Все „сестрицы“ помогаютъ. Одна пишетъ, другая пишетъ, и всѣ-то одно и то же и въ одинъ день...

— Ну, и что же тебѣ „сестрица“ душистая отвѣтила,— смѣясь спросили мы.

— Она-то? А такъ-чте поморщилась быдто, а потомъ, гритъ, сосѣдкѣ, то-же „милосердной“—и какіе они гритъ безчувственные, да не благодарные! Тяжело съ имя, гритъ.

А потомъ сѣла рядомъ у тумбочки, да такъ сердито мнѣ:

— Ну, говори адресъ, все равно, ужъ напишу....

— Помилуйте, говорю ей, барыня—да вѣдь это ужъ четвертое письмо домой севодни будетъ! У меня въ станицѣ-те чай меня за спятившаго признаютъ... Да опять же, обратно я самъ грамотный,—городское кончилъ...

Какъ она въ мене взъѣстся! Такъ чтожъ ты, говоритъ, смѣешься съ мене, что-ли? и ушла сердитая такая, беззлобно усмѣхнулся казаченокъ.

— Ну, а потомъ?—подбодрили мы его.

— А такъ, что вечеромъ мимо одна пришла, и всежъ-таки написала четвертое... Ништо, говоритъ, что ты грамотнай, тибѣ чижело чай самому-то... А только, такъ что оно мине показывается што это онѣ отъ бездѣлья...

А другой, тоже раненый и воротившійся въ строй казакъ подтвердилъ вышесказанное и еще дѣловито добавилъ:

— А што самое невдобное выходитъ, такъ ежели этто дамовъ много наберется и жужжать вокругъ... Ну, извѣстно, имъ тута и весело, ихъ много, а дѣла нѣту... А тутъ, значитъ, „до вѣтру" надоть... Самъ-то не можетъ, а санитаровъ округъ нѣту—однѣ дамы тольки... Ну, совѣститься себѣ и терпишь, и терпишь, въ потъ вгонитъ. А онѣ свое.

— Гыръ-гыръ-гыръ, да гыръ-гыръ-гыръ...

— Бид-а-а!—Покрутилъ онъ головой.

Да. Бѣда дѣйствительно изъ святого дѣла выходитъ le dernier crie de la mode.

А вѣдь многія дамы изъ общества только потому и тычутся тамъ, по лазаретамъ, чтобы потомъ имѣть возможность, сидя въ обществѣ, щегольнуть—показать холеныя руки въ бриллiантахъ и сказать:

— Эти руки перевязывали раненыхъ и на нихъ слѣды святого дѣла (и дрожь въ голосѣ пущена!).

— Дѣлали?

Впрочемъ во время всемірной войны, все спуталось.

Факты геройства, безумнаго и яркаго...

Жертвы громадныя и сердечныя... Самолюбованіе и мелоч-

ность... Темные инстинкты дѣльцовъ, строящихъ цифровыя козни среди шума кипучей и интенсивной жизни, подъ раскаты залповъ и стоны людей... Милосердіе рядомъ бездѣльными выходками для моды...

Страданіе и радость возвращенія хотя и съ подбитой ногой, но живого и близкаго...

Жизнь и Смерть,—двѣ великія силы міра спутались и кружатся въ стихійномъ, всесметающемъ вихрѣ...

Рушатся города, чтобъ отстроиться вновь...

Стонетъ подъ ударами желѣза искусство...

Падаютъ столпы науки и она сама пугливо прячется, косясь на кровавыя поля боевъ...

Разрушается все почти, что создалъ Геній безсмертнаго ума и покрывается налетомъ кровавой копоти для того, чтобы потомъ, когда затихнутъ опустѣлыя сверху, но полныя внизу трупами долины Смерти, вспыхнуть вновь яркимъ пламенемъ феникса и, на зло нелѣпой Смерти,—создать вновь Царство свѣта, яркой жизни и вѣчной Красоты,— этой мощной жизненной силы...

А пока грохочутъ орудія и валится ежедневно тридцать пять тысячъ труповъ, на всѣхъ дорогахъ и холмахъ Европы, —пока мечется стиснутое желѣзомъ и огнемъ и взбаломученное вихремъ мутное море жизни,—лучше быть *тамъ*. Гдѣ все просто и ясно. Гдѣ нѣтъ лжи передъ лицомъ Смерти. Гдѣ всѣ равны и живые и мертвые. Гдѣ дышется легко и просто до тѣхъ поръ, пока... дышется... Гдѣ нѣтъ злобы, распутства, зависти, модъ, жадной наживы, лживыхъ выспреннихъ словъ—гдѣ и въ сумракѣ холодныхъ ночей и въ тускломъ свѣтѣ боевого дня—есть только Жизнь и борющаяся съ нею Смерть.

Тамъ хорошо... И три мѣсяца, проведенные мною въ борьбѣ, даютъ мнѣ сознаніе, что и я принесъ свою посильную пользу вскормившей меня *моей* Странѣ.

